

IV Международная научная конференция

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Главный редактор: *И. Г. Ахметов* Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, Т. К. Абдрасилов, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В.С. Брезгин, О.Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев, М. А. Игнатова, К. К. Калдыбай, А. А. Кенесов, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, В. М. Кузьмина, К. И. Курпаяниди, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Т. В. Матроскина, Е. В. Матвиенко, М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова

> Руководитель редакционного отдела: Г. А. Кайнова Ответственные редакторы: Е. И. Осянина, Л. Н. Вейса

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), К. М. Ахмеденов (Казахстан), Б. Б. Бидова (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А.Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), А.А. Демидов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О.А. Козырева (Россия), Е. П. Колпак (Россия), К. И. Курпаяниди (Узбекистан), В. А. Куташов (Россия), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), Р.Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан)

Вопросы исторической науки : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2016 г.). – М. : Издательский дом «Буки-Веди», 2016. — iv, 64 с.

ISBN 978-5-4465-0934-8

В сборнике представлены материалы IV Международной научной конференции «Вопросы исторической науки».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов исторических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 93

ББК 63

СОДЕРЖАНИЕ

2. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ
Капорина Ю.В.
Наполеон II: детство и политическая пропаганда
Макутчев А.В.
Начало борьбы за независимость в Западной Сахаре (1936–1975 гг.)
3. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН
Гусев К.Д.
Становление политической личности Вудро Вильсона в контексте внешней политики США начала XX в
Колесников И.Н.
Северный Кавказ и Крымское ханство в аспекте русско-турецкого военно-политического
противостояния (1768–1774 гг.)
Малухин А.И.
Евразийская философия о монгольском нашествии (историографический обзор)
Dr Zafar Najmiddinov
Qunyat al-munya as source for Khwarezmian Hanafite milieu
4. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН И ЯВЛЕНИЙ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
Гусаченко А.С.
Движение «Сокол» в контексте русской эмиграции в Латвии в 20–30-х годах XX века
Гусев А.Н. Промыслы Ильинской волости Дмитровского уезда в конце XIX-начале XX вв
Исакиева 3.С.
Различные аспекты социально-экономического и политического развития Чечни (2-я половина XIX — начало XX в.) в трудах А.И. Хасбулатова
Колякина О.А.
«Ствол длинный, жизнь короткая» — неизвестный подвиг воинов истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования в боях на Курской дуге
Русакова Е.А. Кризис и ликвидация военных диктатур в Латинской Америке в 80-е годы XX века
Туранов А.А.
К истории первого перевода на удмуртский язык Евангелия от Матфея
Шарин Е.А.
Роль 106-го запасного пехотного полка в жизни Вятской губернии с марта по октябрь 1917 г

6. ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ	
Диванкулиева Б.Х. Эпос «Горкут ата» как историко-этнографический источник	53
7. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ	
Бабенко О.В. Источниковое значение сведений о Ф.И. Шаляпине из «Дневника» К.И. Чуковского	57

2. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Наполеон II: детство и политическая пропаганда

Капорина Юлия Витальевна, студент Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматриваются идеологические и политические аспекты детства Наполеона II, а также на базе иллюстративных источников рассмотрен вопрос использования образа ребёнка в наполеоновской пропаганде.

Ключевые слова: Наполеон, Наполеон II, пропаганда, детство, ребёнок, образ, гравюра

7 0 марта 1811 года стал самым счастливым днем в жизни 🖊 Наполеона — родился его долгожданный сын. Когда Мария Луиза только объявила о том, что беременна, Наполеон был уверен, у него будет мальчик. И новорожденный получит корону в позолоченной колыбельке. И он не будет прежде принцем, он сразу станет королем. Королем Рима! Он говорил: «Мой сын должен быть человеком с новыми идеями, человеком, способным продолжать мое дело, которое торжествует повсюду...объединить Европу...» [4, с. 273]. Его рождение вызвало целую бурю восторга, народ ликовал повсюду, во все края империи летели гонцы с радостной вестью о рождении нового монарха. Воспоминания современников донесли до нас этот дух эйфории. Стендаль писал: «Пушка разбудила нас в девять часов. Это был третий залп; двадцать второй мы встретили с восторгом. На нашем девятнадцатом залпе, который для всех был двадцать вторым, мы услышали восторженные возгласы людей на улице...». «Мы с друзьями побежали к Тюильри, — писал студент медик Пумес де ля Сибутье. -На улицах толпился народ; рабочие уходили с работы, лавочники закрывали свои лавки; вокруг царила атмосфера безумного веселья, опьянения. Когда мы добрались, набережные, Карусель и сад были заполнены людьми, которые пели, танцевали и оглушительно вопили». Двадцать один залп должен был означать рождение принцессы Венецианской, а сто один — короля Рима, поэтому на двадцать втором залпе раздался взрыв ликования. «Для нас, вспоминал самый крайний ил ультрароялистов барон де Ферниль, — эти залпы прогремели как удары судьбы, они словно подписали смертный приговор Дому Бурбонов» [5, с. 46]. Весть о рождении сына императора по огромной империи разносили не только курьеры, но и семафоры и первая женщина — воздухоплаватель мадам Бланшар. Торжества, устроенные по этому счастливому поводу были просто великолепны. Биограф Наполеона II А. Кастело заметил, что «...никогда в истории — ни до ни после рождение ребёнка не праздновалось с такой помпой» [5, с. 47]. Конечно, праздновали не рождение ребёнка, празд-

новали рождение надежды наполеоновской империи, надежды, что сын победоносного корсиканца с гордой родословной Габсбургов объединит и успокоит Европу, и только два человека праздновали личный триумф — Наполеон Бонапарт и Клеменс фон Меттерних. Проявление радости простых парижан были вполне искренни: они сложили песенку на рождение наследника, оделись в новый модный цвет — caca roi de Rome, офицеры 1-го Гвардейского полка — ветераны Аустерлица и Ваграма, — сбрили усы и сделали из них подушку для Римского короля [5, с. 51]. Были и более официальные проявления радости — речи, ордена, визиты. Город Париж преподнес маленькому Наполеону роскошную колыбель из красного дерева, золота, эмали, богиня Ника держала полог, а имперский орел сидел в ногах. Эта колыбель стала первым символом величия короля-младенца. Её изображали на гравюрах и открытках вместе с Римским королем. Впоследствии, когда Наполеон II вырос и стал Францем Рейхштадским, он попросил Меттерниха об исключительном жесте — доставить ему эту колыбель в Шёнбрунн. Тогда София — подруга Нополеона II и жена его кузена — была беременна, и К. Меттерних справедливо насторожился, ведь с некоторых пор все венское общество поговаривало о романе герцога Рейхштадского и молодой эрцгерцогини. Но тогда юным Наполеоном управляло лишь чувство ностальгии по детству, в котором он занимал такое высокое положение, и по отцу, который его так любил. По свидетельствам современников, иногда Наполеон II смотрел на эту колыбель и печально говорил: «Никто не может вернуться в свою колыбель. Пока это единственный памятник в моей личной истории, и я хочу сохранить его» [5, с. 350].

Однако не все были переполнены радостью от рождения наследника Наполеона. В основном, негодовало две политические силы: роялисты во главе с Людовиком XVIII и Римская католическая церковь во главе с папой Пием VII.

Людовик XVIII, не имея реальной власти, узнав о рождении Наполеона II, ответил на это подобным заявлением: «Мне абсолютно все равно, появился он из чрева

несчастной эрцгерцогини, или же его тайком принесли в её спальню. Слишком много людей считают, что это событие имеет огромное значение. Я придерживаюсь другого мнения, и вот на чем оно основано: если Бог проклял мир, тогда Бонапарт не будет испытывать недостатка в преемниках, но если небо, наоборот, смягчит свой гнев, то все дети мира не смогут спасти прибежище зла от разрушения» [5, C. 49].

Церковь ответила более решительно. Папа, все ещё оставаясь пленником императора, отказался благословить короля Рима. «Я поклялся защищать свою светскую власть от «кровопролития», — заявлял Пий VII, — но, не имея никакого оружия, кроме духовного, я намерен использовать его так, как это делали мои предшественники на престоле... Если его величество не намерен ни в чем уступать, то такое печальное положение сохраниться надолго» [4, с. 279]. Папа стал распространять по всей империи буллы, направленные как против самого Наполеона, так и против его сына. Нельзя сказать, что Наполеон, как человек эпохи Просвещения и не особо верящий в институт церкви, недооценивал такие жесты. Он говорил: «Я не желаю, чтобы величие моего трона и независимость моего народа были скомпрометированы моими отношениями с папой... Папа упрямо отказывается канонически подтвердить права моего наследника. Он не останавливается перед оскорблениями в мой адрес, он отлучил меня от Церкви, всех моих министров, всех ответственных в моем правительстве лиц. Его бунтарские буллы распространяются по всей империи! Такое положение вещей больше не может продолжаться...». На действия папы отлученный император ответил усилением репрессии [4, с. 279 - 280].

Тем не менее, Наполеон II, даже оставаясь в колыбели, был козырной картой своего отца — ведь он объединял древнюю родословную Габсбургов с кровью тщеславных Бонапартов и служил гарантом прочности империи. Император, имевший законного наследника, который был наполовину Габсбургом. Но не стоит думать, что он был лишь пешкой в руках Наполеона — сохранилось много свидетельств того, что несмотря на большую занятость, он много времени отдавал заботам о воспитании сына. Так по однозначному распоряжению самого Наполена было категорически запрещено читать любые сказки. Когда ему ещё не исполнилось и трех лет, маленькому Наполеону читали «Сарацинские истории», «Школу нравов», «Школу солдата», историю Франции [1, с. 36]. Это может показаться странным, но если познакомиться с оригиналами сказок Шарля Перро или братьев Гримм (которые будут записаны несколько позднее), становиться ясно, почему император, впитавший в себя идеи Просвещения, признавшего ценность детства, хотел оградить сына от их влияния. Покрывала, обои, обивка гарнитуров детской римского короля была неизменно зеленого цвета [5, с. 53]. Часто в письмах Наполеона к Марии Луизе и воспитательнице Римского короля мадам де Монтескье Наполеон писал «Поцелуйте моего сына». Он тратил огромные

суммы денег на игрушки для сына, причем почти все из них копировали предметы быта и снаряжения настоящего солдата. Сохранился счет от торгового дома Митту, специализировавшегося на элитных игрушках, счет составляет 585 франков! Некоторые игрушки Наполеона II дошли до наших дней, как и рисунок его детской. Поскольку картина «Игровая комната короля Римского в Компьене» была написана Г. Доре во второй половине XIX века, сразу видно, что автор не имел представления о настоящем облике детской маленького короля. Зато определенную информацию дают игрушки: маленькая сабля, маленькая пушка, фигурки солдат, маленький барабан. Интересно, что миниатюрный золотой сервиз, который подарила Мария Луиза, Наполеон II оставил без внимания [5, с. 78]. Игрушки младшего Наполеона показывают, что отец хотел сделать из сына настоящего солдата, а не просто «человека с новыми взглядами». Очень интересна игрушка, которую описывает А. Кастело. Это был глобус с передвижными границами стран, принадлежавший Людовику XVII [5, с. 68]. Именно то, что нужно для сына великого полководца!

Очень быстро ребёнок стал средством политической борьбы. Придворные художники Изабо, Жерар, Манжо, Дютерм создавали проникновенные образы семейного счастья, в центре которого был упитанный младенец [Рис. 1.].

Один из первых портретов Наполеона II был написан Прудоном. Особенностью этого портрета является то, что там он представлен самостоятельно, без родителей и без всяких регалий королевской власти. Но гораздо интереснее гравюры, которые копировались и распространялись среди солдат и мирного населения. Так, известна фраза Наполеона, обращенные им к французским офицером во время Русской компании 1812 года. Тогда Наполеон указал на портрет сына и сказал: «Господа, если бы моему уже сыну исполнилось пятнадцать, можете быть уверены, он был бы здесь во плоти, а не на портрете» [5, с. 72]. На гравюрах Й. Лейболда, Г. Проча, О. Рекса два Наполеона неразлучны, вокруг них — фигурки солдат, карта Европы, маленькая пушка, готовая ударить по врагам Франции [Рис. 2, Рис. 3.].

Очень интересна гравюра О. Рекса «Все это для тебя!», на которой Наполеон поддерживает сына, стоящего на огромном напольном глобусе, и осматривающего свои будущие владения. Самой любимой гравюрой Наполеона была «Я молюсь за отца и за Францию», сделанная в канун войны 1812 года [Рис. 4.]. Они имели широкое хождение, но прежде всего, она была заказана Наполеоном для его свекра императора Франца I.

Очень выразительно показывает место ребёнка в наполеоновской пропаганде открытка, созданная во время компании 1812 года [Рис. 5.]. Наполеон II изображен в центре, лежащим на имперской колыбели — символе его величия — на одеяле с золотыми пчелами. Согласно легенде, содержащейся в эфиопских апокрифах, на богоизбранного младенца — ребёнка, которому суждено стать королем, указал людям рой золотых пчел, опустившихся

Рис. 1. Манжо. Наполеон, Мария-Луиза и король Римский

на его колыбель. В руке будущий император держит орден Святого Духа, на заднем плане виднеется корона Наполеона I, а в просвете окна зритель видит его владения — Рим.

Обаяние этой легенды, созданной художниками по задумке самого императора, распространилось на художников последующего времени. Годфруа, де Бревилль, Фламенг, Жирарде создавали прекрасные и трогательные изображения Наполеона с сыном, причем целыми сериями. Можно с уверенностью сказать, что идея наполеоновской пропаганды оправдала себя, правда в несколько ином формате, оказав влияние не на современников, а на потомков, отделённых от политической остроты эпохи наполеоновских войн.

Можно сказать, что использование ребёнка в политической пропаганде было находкой самого Наполеона. Именно он первым стал эксплуатировать образы детей и семейного счастья. Семейные портреты Наполеона

Рис. 2. Й. Лейболд. Кабинет Наполеона

Рис. 3. Г. Проч

Рис. 4. «Я молюсь за отца и за Францию»

Рис. 5. Открытка 1812 года

были пропагандой семейных ценностей. Дети Бонапартов, будь то племянники Наполеона или его собственный сын, символизировали будущее Франции, а также смягчали своими невинными личиками настроение уставших от войн зрителей, для которых изготавливались многочисленные гравюры. Семья и дети — это ценности, которые близки большинству граждан любого государства. Именно поэтому, прием пропаганды, изобретенный Наполеоном, широко использовался в тоталитарных и фашистских государствах. Ребёнок был одним из ключевых образов в искусстве Третьего рейха. В Советском союзе он

применялся так же широко. «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» — тема многих плакатов, картин, песенок, открыток. Очевидно, что образом ребёнка можно было освятить и облагородить совершенно разные идеалы, прикрыть любую неблаговидную политику. Образ ребёнка стал настоящей золотой жилой и для маркетинга, в котором активно используется с XIX века по сей день. Но к чести Наполеона, для него это было гораздо больше, чем тонкий политический расчет и игра на публику; за пропагандистскими портретами, стояло большое и глубокое чувство неподдельной любви к сыну.

Литература:

- 1. Великие династии мира. Бонапарты. М., 2012. 100 C.
- 2. Кастело, А. Бонапарт/ А. Кастело, пер. Л. Д. Каневский.-М.: Центрополиграф, 2010. 567 С.
- 3. Кастело, А. Драмы и трагедии истории/А. Кастело, пер. Л.Д. Каневский.-М.: Вече, 2008. 352 С.
- 4. Кастело, А. Наполеон/А. Кастело, пер. Л.Д. Каневский.-М.: Центрополиграф, 2010. 685 С.
- 5. Қастело, А. Сын Наполеона/А. Қастело, пер. И. Қастальская. М.: Захаров, 2007. 672 С.

Начало борьбы за независимость в Западной Сахаре (1936-1975 гг.)

Макутчев Александр Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого

В статье рассматривается история возникновения конфликта в Западной Сахаре, выражающегося по сей день в борьбе повстанческого движения Фронт Полисарио за независимость региона от Марокко. На основе иностранных источников и литературы выявлены основные причины возникновения конфликта, его предпосылки, роль Испании и Марокко в его генезисе.

Ключевые слова: Западная Сахара, война за независимость, повстанцы, Полисарио

Западная Сахара имеет долгую колониальную историю. Еще в конце XIX в. Испания объявила атлантическое побережье Сахары между Марокко и Мавританией — Сегиет-эль-Хамра и Вади-эд-Дахаб — своим протекторатом. Утративших колонии в Новом Свете испанцев привлекли геополитические (возможность возродить колониальную империю в Африке с плацдармов на побережье) и экономические (прибыль с добычи рыбных ресурсов) преимущества региона.

Коренное население региона — арабизированные берберы сахарави — пытались сопротивляться колонизации, но под давлением со стороны испанцев и французов были вынуждены смириться, и к 1936 г. испанцы взяли под контроль не только побережье, но и внутренние районы Западной Сахары, и протекторат Рио-де-Оро был переименован в полноценную колонию Испанская Сахара.

Следует отметить, что на деле испанские колониальные власти контролировали лишь крупные поселения, а земли местных племен сахарави — арабизированных берберов — были им не подконтрольны. Пользуясь этим, племена еще до Второй мировой войны провели несколько восстаний против испанского господ-

ства. Наиболее значительное из них имело место в 1938 г., но оно было быстро подавлено подразделениями Испанского легиона, созданного по инициативе короля Испании Альфонсо XII в 1920 г. по образцу французского Иностранного легиона. Штаб-квартира подразделения находилась в Сеуте, а его солдаты участвовали во всех боевых операциях в Западной Сахаре до 1976 г., когда испанцы покинули регион. В общей сложности испанские войска, расквартированные в Западной Сахаре, насчитывали около 13 тысяч человек плюс ополчение («Стрелки Ифни»), местные полицейские силы и кочевая кавалерия [6, с. 6]. Персонал Испанского легиона также включал солдат-сахарави, но их доля составляла всего несколько процентов.

Использование сахарави на военной службе было ограниченным (власти сомневались в их лояльности), но позволяло несколько снизить градус социального напряжения внутри племен: главным промыслом некоторых из них на протяжении веков была война, и для испанских властей было выгоднее, чтобы они сражались на их стороне, чем против них. Кочевая верблюжья кавалерия в основном занималась патрулированием пограничной зоны и

племенных территорий, сбором информации для гарнизонов и пресечением бунтов племен.

Эти меры позволили добиться умиротворения в регионе на некоторое время, что позволило испанцам реорганизовать областную администрацию и попытаться извлечь экономические выгоды из приобретенных земель. На тот момент (пока в Западной Сахаре не были разведаны месторождений фосфатов и железной руды) единственным источником дохода для испанских властей были местные рыбные ресурсы, а экономика колонии являлась дефицитной. Так, в 1958 г. испанцы вывезли из колонии 523 т рыбы на сумму 958015 песет, а импортировали в 20 раз больше — на 21,4 млн песет [4, с. 70]. Рыболовство в регионе, а также работа портов, контролировались испанской государственной компанией IPASA. В начале 1950-х гг. компания занялась добычей и переработкой морских водорослей у берегов Сахары, но это не существенно сказалось на доходах метрополии. Для основания новых баз для рыболовного флота испанский губернатор развернул войска под командованием подполковника Дель Оро, который в 1940 г. основал город Ла-Аюн (ныне Эль-Аюн) в долине Сегиет-эль-Хамра, всего в 25 км от океана.

Испанцы выбрали Эль-Аюн в качестве административного центра Рио-де-Оро. Тем не менее, развитие региона шло очень медленно, в регионе существовали только небольшие поселения с малой численностью населения, такие как Смара, Ла-Агуэра, Дахла (Вилья-Сиснерос) и некоторые незначительные крепости, такие как Тихла и Суг.

Вторая мировая война не оказала влияния на ситуацию в регионе, несмотря на то, что немецкое командование рассматривало районы Испанской Сахары и Испанской Гвинеи в качестве потенциальных баз для военных операций в Африке. Так, учебная программа Берлинской военной академии в 1942—1943 гг. включала курс военной топографии Испанской Сахары [2, с. 57].

Период относительного спокойствия в Западной Сахаре завершился после Второй мировой войны. В 1946 г. контролируемый испанцами с 1860 г. Сиди-Ифни на юго-западе Марокко и Западная Сахара были объединены в единую колонию Испанская Западная Африка, но уже вскоре в регионе вспыхнули беспорядки.

В конце 1940-х гг. испанский геолог Мануэль Алия Медина обнаружил первые фосфатные месторождений в сахарском районе Бу-Краа. Ученые также нашли нефть, но материально-технических возможностей для ее добычи на тот момент у испанского правительства не было. Благодаря этим открытиям, Западная Сахара стала очень важным регионом, и не только для Испании, но и для Марокко.

В начале 1950-х годов сахарави в рядах Марокканской освободительной армии (МОА, «Джейш ат-Тахрир») участвовали в борьбе марокканцев за независимость от Франции. После освобождения Марокко (апрель 1956 г.) султан Мухаммед V решил использовать бойцов МОА для расширения границ Марокко на юг, в Западную Сахару и

Мавританию, под знаменем восстановления исторической справедливости [5, с. 34]. Марокканцы напомнили Испании о том, что по договору 1912 г. испанцы обязались вернуть Марокко территории вдоль границы с Западной Сахарой (Мыс Хуби и Ифни) в случае окончания французского протектората над Марокко. Однако Испания была не намерена позволить Марокко или любой другой нации захватить сахарские месторождения, обещавшие хорошую прибыль.

Марокко начало опосредованную войну с Испанией, и при его поддержке 10 апреля 1957 г. в Ифни начались антииспанские выступления. Для их подавления Франсиско Франко привлек силы Испанского легиона. В октябре 1957 г. бойцы МОА осадили Ифни, но взять город штурмом не смогли, несмотря на поддержку артиллерии. Одновременно боевые действия вспыхнули по всей Западной Сахаре. Отряд марокканцев атаковал и разгромил неохраняемый маяк в Буждуре, а 12—13 января 1958 г. повстанцы начали атаку на Эль-Аюн. Несмотря на численное превосходство повстанцев, испанский гарнизон отбил атаку, но понес серьезные потери в последующем преследовании отступавшего противника.

Марокканцы рассчитывали вызвать восстание сахарских племен, но этого не произошло, поэтому участие сахарави в этих боевых действиях нельзя назвать освободительным движением. Например, сахарави, служившие в колониальной полиции, не оставили своих позиций и не присоединились к повстанцам.

После атаки МОА на Эль-Аюн испанцы оказались оттеснены к побережью, однако, вместе с французами, которые не желали распространения повстанческих движений на собственные колониальные владения в Западной Африке, 10 февраля 1958 г. перешли в контрнаступление. 9000 испанских солдат, при поддержке авиации, начали наступление от Эль-Аюна и Вилья-Бенс (Тарфая) на запад, а 5000 французских солдат — на запад от Тиндуфа (Алжир) и Форт-Тринке (Мавритания). Повстанческие силы, сосредоточенные в Сегиет-эль-Хамра и на юге Западной Сахары, были рассеяны авиацией союзников [3, с. 131—132].

Султан Марокко оказался перед угрозой франко-испанского вторжения и отказался поставлять провиант и оружие повстанцам, после чего заключил соглашение с Испанией. Чтобы устранить угрозу возобновления войны, испанцы передали Марокко Мыс Хуби, как было обещано договором 1912 г., но сохранили за собой Ифни и Западную Сахару.

В период после окончания войны в регионе был относительный мир. Единственный инцидент произошел в марте 1961 г., когда американские, канадские, французские и испанские геологи компании «Union Oil Company» были похищены и освобождены после уплаты выкупа [7, с. 531].

Толчок к началу борьбы сахарави за независимость дала геополитическая конъюнктура 1950—1960-х гг., когда начался процесс деколонизации, одобренный Ре-

золюцией ООН № 1514. В 1962 г. Марокко, Алжир и Мавритания, три соседа Испанской Сахары, официально получили независимость, а к 1965 г. в Африке насчитывалось уже 38 независимых государств. Отчасти из-за этой тенденции, отчасти из-за возрастающего вмешательства Марокко, сахарави задумались об автономии или даже независимости.

Первая попытка создания сахарави собственных политических организаций для достижения целей обретения независимости была предпринята в 1967 г., когда было образовано Движение освобождения Сахары (Харакат Тахрир). Его основателем был Мохаммед Бассири из сахарского племени регибат, баасист, редактор радикальной марокканской газеты «Факел» (Al-Chibab). Вернувшись в Сегиет-эль-Хамра, он устроился преподавателем религии в мечеть города Смара и, используя свое религиозные влияние, создал свою тайную организацию по борьбе с испанскими колониальными властями.

Изначально Движение пыталось достичь целей независимости мирными средствами. Так, 17 июня 1970 г. сторонники Бассири провели серию демонстраций в знак протеста против планов Мадрида официально сделать Западную Сахару испанской провинцией. Колониальные власти решили применить силу, тем самым лишь подтолкнув сахарави к вооруженной борьбе. Демонстрации были подавлены, 12 демонстрантов были убиты, сотни ранены, несколько членов движения были арестованы или сосланы на Канарские острова, а Бассири арестован и бесследно исчез. Из этой реакции властей значительная часть местных жителей сделала вывод, что независимости невозможно достичь мирным путем, и все большее число жителей колонии поддерживали идею создания вооруженной повстанческой группы [8, с. 169—170].

10 мая 1973 г. западно-сахарские студенты во главе с Эль-Уали Мустафой Сайедом основали Полисарио (Народный фронт за освобождение Сегиет-эль-Хамра и Рио-де-Оро) с целью изгнания испанцев из Западной Сахары. Уже 20 мая Сайед провел нападение на испанский военный пост в Эль-Ханге. Атака была слабо организована: Эль-Уали вместе с напарником лично отправился в разведку и был задержан испанским патрулем. Однако испанцы не опознали Эль-Уали и не вызвали подкрепление, и в последовавшей атаке повстанцы освободили своего лидера и смогли уйти вместе с захваченным оружием [5, с. 161].

Повстанцы сделали выводы из атаки в Эль-Ханге, и стали накапливать опыт партизанской войны. За короткий период времени они провели рейды против объектов в Аджеджимате, Бир-Лемар, Тифарити и других городах, а также напали на фосфорные шахты в Бу-Краа и повредили железнодорожную линию, связывавшую шахты с портом. Из-за этих событий ООН направила в регион специальную группу по расследованию, которая пришла к выводу, что Полисарио действовал как освободительное движение, а не как террористическая организация (хотя повстанцы получали помощь оружием от Ливии).

На международном уровне давление на Мадрид по следам рейдов Полисарио усилилось. 23—24 июля 1973 г. представители Алжира, Мавритании и Марокко в Агадире выступили с совместным заявлением, в котором подтвердили свою приверженность принципу самоопределения народов в виде права народа Западной Сахары на независимость, в соответствии с соответствующими резолюциями ООН [2, с. 58]. Главную роль в давлении на Мадрид играли Марокко, не оставившее планов о присоединении Западной Сахары, и поддержавшая его Франция.

Дипломатическое давление достигло успеха: 21 сентября 1973 г. генерал Ф. Франко объявил, что он предоставит сахарави территориальную автономию с последующим правом на самоопределение [1, с. 606]. При этом испанцы планировали сохранить Западную Сахару в сфере своего экономического и политического влияния. Для обеспечения этого влияния после утверждения автономии испанцы инициировали создание в 1974 г. Партии сахарского национального единства (ПСНЕ) с участием некоторых племенных вождей и лидеров Джеммы — местного представительного органа, образованного с подачи властей в 1967 г. Программа партии обобщила представления испанцев о будущем Западной Сахары: автономия с правом на самоопределение, в тесной связи с Испанией и полным отказом от территориальных требований со стороны соседних государств, с сохранением основ традиционного общества, культуры и религии. Партия стала набирать популярность среди шейхов и членов Джеммы (в 1975 г. более чем 60% членов Джемма принадлежали к ПСНЕ) [2, с. 59].

В свою очередь, Марокко также пытался утвердить в регионе свои исторические права: по словам марокканских дипломатов, у сахарави есть только два варианта — остаться под властью испанцев или присоединиться к Марокко. Еще в 1965 г. марокканское Министерство по делам Сахары создало Фронт освобождения Сахары (ФОС), которую возглавил Мулай Хасан Бен Дрисси, дядя короля Хасана II. Эта организация в 1966 г. направила делегацию в Генеральную Ассамблею ООН, чтобы лоббировать позицию Марокко по Западной Сахаре [5, с. 41].

4 июля 1974 г. Испания представила свой план по предоставлению автономии Западной Сахары с выводом испанских войск. Он вызвал возмущение короля Хасана II, которые направил послание Франко с предупреждением от односторонних шагов, касающиеся Испанской Сахары. При этом в другом заявлении Хасан II заведомо отклонил любой результат референдума в регионе, если только он не будет означать присоединение Западной Сахары к Марокко. В Марокко правительственная пропаганда во главе с лидером партии Истиглял Аллалем Эль-Фасси стала тиражировать идею «Большого Марокко» — восстановления границ Марокко в границах империи альморавидов. Политик заявил о том, что вся территория Сахары от Тиндуфа в Алжире до Атара в Мавритании исторически принадлежали Марокко [2, с. 60]. Одновременно и Мавритания заявила о своих правах на Западную Сахару.

Одновременно марокканцы стали готовить вариант с военным вмешательством, чтобы успеть занять Западную Сахару, как только ее покинут испанские солдаты и чиновники (промедление могло привести к тому, что сахарави успели бы сформировать собственные органы власти, и в таком случае ввод марокканских войск превращался бы в агрессию против независимого государства). Король сформировал на границе с Западной Сахарой армию из 24000 солдат [4, с. 181].

Несмотря на концентрацию марокканских войск у границы Западной Сахары, испанское правительство 21 августа 1975 г. направило ноту Генеральному секретарю ООН, в которой объявило о своей готовности провести референдум по вопросу о самоопределении сахарави. В конце 1975 г. Испания провела встречи с лидером Полисарио эль-Уали, чтобы обсудить условия для передачи власти. Чтобы не допустить этого, Марокко попросил мнения о законности своих притязаний на Западную Сахару со стороны Международного Суда (МС), и ООН направила выездную миссию во главе с С. Эйком для изучения пожеланий населения. Марокканцы рассчитывали на выгодное для них решения, учитывая имевшиеся у них группы лобби в ООН, однако 16 октября МС в своем вердикте заявил, что исторические связи Марокко и Мавритании с Испанской Сахарой не дают им право на эти территории, и оптимальным решением проблемы является независимость Западной Сахары. Тем не менее, любое предложенное решение ситуации (независимость, интеграция и т. д.) должны были получить явное согласие населения, то есть в регионе следовало провести референдум, однако кто его должен был провести, МС не указывал.

Испанцы, переживавшие период трансформации власти в условиях болезни и отхода от дел Ф. Франко, не пожелали позаботиться о судьбе своей бывшей колонии и оставили Западную Сахару в окружении врагов. Лидер Мавритании Моктар ульд Дадда еще в 1960 г. призвал племена сахарави, говорившие на хассания (диалекте арабского) объединиться с населением Мавритании, указывая на искусственный характер границы между странами. За этими словами скрывались и опасения Мавритании относительно марокканской территориальной экспансии: испанские войска в Западной Сахаре были удобным для Нуакшота буфером, державшим марокканцев на расстоянии от границ Мавритании. Из этих соображений Мавритания и Испания имели хорошие дипломатические и экономические отношения, хотя официально Нуакшот критиковал Мадрид за колониализм [6, с. 8].

Алжир также имел свои интересы в Западной Сахаре. С лета 1975 г. президент Х. Бумедьен поддерживал Полисарио и признал его освободительным движением. Алжирцы рассчитывали получить выход к Атлантическому океану, доступ к рыбным ресурсам атлантического побережья и связать шахты железной руды вокруг Тиндуфа с морским портом по более короткому маршруту [2, с. 60]. При этом Алжир, как и Мавритания, был готов поддержать любую инициативу, способную ослабить влияние Марокко в регионе Магриба.

Дальнейшие события показали, что судьба независимости Западной Сахары решилась еще в октябре 1975 г., когда Марокко и Мавритания достигли секретного соглашения о разделении ее территории. Еще до официального ухода испанцев из региона, 6 ноября 1975 г., Марокко начал «Зелёный марш»: около 350000 невооруженных марокканцев в сопровождении марокканской армии пересекли границу Западной Сахары. В результате давления со стороны европейских государств и США Испания отказалась реагировать на эти действия (в условиях Холодной войны Алжир, Ливия и Мали были союзниками Восточного блока, а Марокко — единственной африканской страной в регионе, которая была союзником Запада).

14 ноября 1975 г. Испания, Марокко и Мавритания подписали Мадридское соглашение, которое разделил территорию Западной Сахары между Марокко и Мавританией в обмен на прибыль с фосфатных и рыбных разработок. Мнением сахарави стороны не интересовались, хотя Марокко пообещало провести рекомендованным МС ООН референдум, Полисарио яростно выступил против договора.

26 февраля 1976 г. официальный мандат Испании над Западной Сахарой истек, и испанцы передали административную власть над регионом Марокко на церемонии в Эль-Аюне. На следующий день Полисарио провозгласил в городе Бир-Лелу, на востоке страны, создание правительства Сахарской Арабской Демократической Республики (САДР) в изгнании.

Таким образом, колониальная история Западной Сахары завершилась с момента вывода испанских войск из региона, однако этот момент не совпал, как в случае с остальными странами континента, с обретением независмости. Виной тому — как экспансия Марокко, так и позиция Испании, которая не проявила заинтересованности в реализации права сахарави на самоопределение. Во многом по этой причине освободительная борьба в Западной Сахаре не окончена до сих пор.

Литература:

- 1. Bank, A., Heur B. Transnational Conflicts and the Politics of Scalar Networks: Evidence from Northern Africa, Third World Quarterly. Vol. 28, № 3, 2007.
- 2. Besenyo, J. Western Sahara. Pécs: Publikon Publishers, 2009.
- 3. Bowen, W. H., Alvarez J. E., Payne S. G. A Military History of Modern Spain. Greenwood Publishing Group, 2007.
- 4. Hodges, T. The Roots of a Desert War. Lawrance Hill & Company, 1983.

- 5. Lawles, R., Monahan L. War and Refugees, The Western Sahara Conflict. Pinter Publishers, London and New York, 1987.
- 6. Mercer, J. The Sahrawis of Western Sahara. London: Minority Rights Group, Report, № 40, 1979.
- 7. Payne, S. G. The Franco Regime, 1936–1975. University of Wisconsin Press, 1987.
- 8. Shelley, T. Endgame in the Western Sahara. What Future for Africa»s Last Colony? Zed Books. London & New York, 2004.

3. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Становление политической личности Вудро Вильсона в контексте внешней политики США начала XX в.

Гусев Константин Дмитриевич, студент Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

ичность Вудро Вильсона для политического вектора развития США весьма примечательна. Он не был посредственностью, «удобным» кандидатом от партии, его деятельность оставила огромный след в жизни страны. Рожденный в семье пастора пресвитерианской церкви, Вильсон религиозен. Его родители, спасаясь от бедности, эмигрировали из Южной Шотландии, но Вильсон навсегда сохранил приверженность к политическим ценностям Англии. Он попытался пойти по стопам отца, поступив в бедный пресвитерианский колледж Дэвидсона, но совсем скоро стал студентом очень престижного Принстонского университета. Тогда же сформировался круг научных интересов Вильсона, в котором особое место занимало государствоведение. Особое внимание Вильсон уделял изучению биографий английских премьер-министров Б. Дизраэли, У. Питта Младшего, У. Гладстона. Еще один год Вильсон получал образование в юридической школе Виригинского университета, но болезнь вынудила перейти на самостоятельное изучение предметов. За три года он изучил политическую жизнь США и Англии, право и историю.

Успешная учеба и роль неформального лидера студентов не помогли Вудро сделать успешную адвокатскую карьеру по окончании университета, юридическая деятельность не приносила большого дохода. Всего через год он решил вернуться в альма-матер и посвятить жизнь науке. Лекции Вильсона пользовались большой популярностью — ораторский талант и доскональное знание предмета сильно увлекали слушателей. В 1902 г. Вильсона избрали президентом Принстона, настало другое время наука отходила на второй план, начинала превалировать административная работа. Успехи на этом поприще дали результат, Вильсон был замечен известными политиками, членами Демократической партии, которые сделали предложение баллотироваться в губернаторы. Начинающий политик успешно справился с поставленной задачей и стал губернатором штата Нью-Джерси. Впервые его имя в качестве кандидата на пост президента США появилось в 1903 г. Создав образ «большого» реформатора государственного значения, он стал известен по всей стране, что подготовило благодатную почву для будущих президентских выборов. В 1912 г. новоиспеченный претендент

разработал программу преобразований под названием «новая демократия», направленную на изменения во внутренней политике. Она включала в себя дополнение антимонопольного законодательства, снижение налогов, банковскую реформу, установление контроля над железнодорожными компаниями, возможность предоставления льготных кредитов фермерам и т. д. Главный парадокс заключается в том, что президент, кардинальным образом изменивший внешнеполитическое положение США, в своей предвыборной программе меньше всего внимания уделял именно этой сфере.

Большой загадкой внешняя политика США, по мнению Вильсона, не представляла. Было необходимо придерживаться доктрины Монро, не лезть в европейские дела и усиливать свое влияние в Западном полушарии. Но уже в начале XX в. ситуация начала меняться. Испано-американская война (1898 г.), «трюк» с Панамским каналом, присоединение Гавайских островов, Пуэрто-Рико, Гуама, попытка присоединить Филиппины выражали все более экспансионистский, агрессивный характер внешней политики США. При этом была сделана попытка вмешательства в азиатский регион, в частности в Китай, что потребовало оформления новой доктрины, декларирующей требование «открытых дверей и равных возможностей». «Доктрина Хэя», названная в честь госсекретаря США, была сформулирована по его поручению бывшим посланником в Греции У.Ч. Рокхиллом. Сам Джон Милтон Хэй раньше был личным секретарем президента Авраама Линкольна, а после его гибели занимал разные дипломатические посты во Франции, Австро-Венгрии, Испании. Несколько лет он сотрудничал с газетой «Нью-Йорк трибьюн», с 1879-1881 гг. (время президентства Ратефорда Хейса) исполнял обязанности первого помощника госсекретаря США. Во время президентства Уильяма Мак-Кинли (1897—1901) Хэй окончательно утвердился в сфере «высокой» власти. В 1897 г. он стал дипломатическим представителем Вашингтона в Лондоне, а уже на следующий год был назначен госсекретарем США. Хэй долгое время пытался убедить президента активизировать политику в Китае. Обнародованная в 1899 г. «Доктрина Хэя», по сути, требовала для США «открытых дверей и равных возможностей на других континентах». Изначально она касалась только Китая и только сферы торговли, но могла стать прецедентом для дальнейшей переориентации внешней политики США. Что касается Поднебесной, то уже в 1905 г. в отношениях с американцами наметился острый кризис. Он был вызван ограничением возможности иммиграции китайцев в США (законы 1902 г. и 1904 г.), начался бойкот американских товаров в Китае, это свело на нет предыдущие дипломатические усилия [1, с. 216]. Однако «Доктрина Хэя» прочно вошла во внешнеполитическую повестку США, которые декларировали право занять свое место в концерте великих мировых держав. По сути, это было первым официальным нарушением традиционного принципа изоляционизма, которого придерживались американцы на протяжении предыдущей истории (доктрина Монро и доктрина Олни). Интересно, что сам Джон Хэй с такой позиции собственную доктрину не рассматривал.

Филиппины, купленные у Испании за 20 млн. долларов, не признали собственный колониальный статус и начали борьбу за освобождение. В 1901 г. был убит американский президент Мак-Кинли, один из арестованных сообщал, что Чолгош (убийца) возмущался «бесчинствами, которые творят власти США на Филиппинских островах» [2, с. 102]. В 1916 г. США были вынуждены признать за Филиппинами автономию и возможность выборов в местный парламент.

Таким образом, ко времени начала президентства Вильсона «доктрина Монро» не была незыблемой и монолитной, ее нарушение предвосхитило вступление США в Первую мировую войну. В Западном полушарии (т. е. в естественной сфере интересов) США в начале XX в. перешли к фазе активного наступления. Была образована целая система протекторатов (Куба, Панама, Доминиканская Республика), которые прочно стали связаны с интересами США. И, хотя в 1902 г. американские войска покинули Кубу, она осталась в зависимости от США как экономической, так и политической.

Преемником убитого президента Мак-Кинли был республиканец Теодор Рузвельт (1901-1909), заявивший о приверженности доктрине Монро. Но симптомы качественно новой политики проявились почти сразу, в Венесуэльском конфликте. Англия и Германия попытались надавить на Венесуэлу с целью выплаты долгов иностранным вкладчикам. Та отказалась и попросила США инициировать разбирательство на уровне международного арбитража. К тому же США сосредоточили флот в Карибском море. Однако Англия и Германия все же решились подвергнуть бомбардировке венесуэльский город Пуэрто-Кобельо, что вызвало приближение американского флота к Венесуэле. От германского посла в Вашингтоне потребовали снять блокаду и разобрать дело в арбитраже, что и случилось через два года. Так США не только усилили позиции в Карибском регионе, но и начали по-другому выстраивать отношения с европейскими державами.

Стали проводиться и Панамериканские конференции, на которых шла речь о создании союза формально неза-

висимых друг от друга государств Западного полушария для общего экономического развития и мирного урегулирования разногласий. В 1901 г. был утвержден руководящий совет, возглавлял который госсекретарь Джон Хэй, что означало решающее влияние США в панамериканской организации. В 1903 г. США моментально сделали дипломатическое признание Панамской республики, отсоединившейся от Колумбии не без помощи «большой дубинки». В итоге зона Панамского канала переходила США в аренду на 99 лет при возможности строить укрепления и содержать там войска. Реализация американского проекта Панамского канала, важного стратегически, была завершена уже в 1914 г.

Так империалистический век диктовал свои условия жизни, США не стали исключением. Еще в 1900 г. аннексированные двумя годами ранее Гавайские острова получили статус территории США, однако полноценным штатом они стали лишь в 1959 г.

Предшественник В. Вильсона на президентском посту, республиканец Уильям Говард Тафт (1909-1913 гг.) во внешней политике использовал «дипломатию доллара». Ее цель — путем экономического проникновения устранить из Карибского бассейна европейских кредиторов, подавив здесь революционные выступления. Печальным итогом курса стало вмешательство в гражданскую войну в Никарагуа, где все равно сохранилась реакционная и непопулярная власть. Командующий американскими морскими пехотинцами Смедли Батлер писал жене: «Ужасно, что мы вынуждены терять столько наших солдат в сражениях ради этих проклятых свиней — только потому, что братья Браун (прим. — крупнейший инвестиционный банк) вложили сюда свои денежки» [3, с. 50]. При Тафте начали ухудшаться отношения с Японией, европейские страны все более раздражала политика США в Китае.

Сам Вильсон хоть и осудит «дипломатию доллара», будет тоже прибегать к подобным методам решения вопросов в регионе. Дело в том, что США не нужно было вводить собственные войска в подчиняемые страны, европейские государства просто не покушались на эти зоны влияния. Вдобавок экономические методы сочетались с политическими, страны формально сохраняли независимость, но на деле их режимы зависели от США. В случае недовольства населения, США могли свободно использовать свою мобильную морскую пехоту и флот, что устраняло возможные очаги сопротивления. Госсекретарь Рут признавал в 1905 г.: «Южноамериканцы нас искренне ненавидят — главным образом потому, что, по их мнению, мы презираем их и пытаемся запугать» [4, с. 208]. В целом господство США в Восточном полушарии подталкивало правительство выйти из тени и занять положенное им место в системе международных отношений.

Не стоит забывать, что поддерживать политическое влияние США в Центральной Америке толкали огромные капиталовложения. К началу XX в. у американцев были здесь железные дороги, кофейные и банановые плантации, многие земли были выкуплены до такой степени,

что странам приходилось ввозить продовольствие для собственных жителей из США.

Религиозность Вильсона наложила отпечаток на его принципы, он был убежден, что является орудием Бога, а у его страны есть божественная историческая миссия [5, с. 41]. Подобный подход, который до сих пор является смысловой доминантой внешней политики США, весьма опасен и может привести к самым неожиданным последствиям в будущем. Еще в качестве президента Принстонского университета Вильсон сказал: «Двери держав, запертые сейчас, необходимо взломать... Привилегии, полученные финансистами, должны охранять представители государства, даже если при этом будет нарушен суверенитет тех стран, которые не склонны идти нам навстречу» [6, с. 72]. Суверенитет многих стран в действительности окажется нарушен, причем практически сразу после прихода к власти Вильсона. Он отказался признать революционное правительство в Мексике, заявив, что хочет «показать латиноамериканцам, как выбирать добрых мужей» [3, с. 278]. Вильсон призвал конгресс обеспечить «как можно более полную защиту прав и достоинства Соединенных Штатов», разрешив использование Вооруженных сил [7, с. 246]. Всего за время президентства Вильсона США семь (!) раз предпринимали военное вмешательство в дела независимых государств: дважды в Мексике, в Доминиканской Республике, на Гаити, во время Первой мировой войны в нескольких точках Европы, на севере России и в Сибири (интервенция) [1, с. 230].

Тем временем ситуация в Европе накалялась. Угроза большой войны возникала вот уже несколько раз из-за двух Марокканских кризисов и двух Балканских войн. По иронии судьбы, именно последний регион разожжет пламя мировой войны и оправдает статус «порохового погреба Европы». К тому моменту США находились в очень выгодном политическом положении. Европа была разделена на два враждующих блока — Тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия, Италия) и Антанта (Великобритания, Франция, Россия). Постоянное соперничество и гонка вооружений ослабляли обе стороны, что усиливало возможность выхода США в качестве мирового арбитра, не забывающего и о своих интересах. Тем более подобный опыт уже имелся. В 1905 г. американский президент Т. Рузвельт выступил посредником в переговорах

между Россией и Японией. Мировая общественность признала этот опыт удачным, Т. Рузвельту была присуждена Нобелевская премия мира [8, с. 161]. На вручении премии президент призвал к разоружению на море и созданию Лиги мира. Но при этом США фактически заняли сторону Японии, что стало стратегической ошибкой. В действительности было заключено тайное соглашение между Японией и США, по которому были разделены сферы влияния — за Японией признавались права на Корею, за США — права на Филиппины. Но США так и не приобрели существенного влияния в Дальневосточном регионе, а вот Япония, напротив, вскоре превратилась в здешнего гегемона и даже соперника американцев во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Полностью выплачивать долги и избегать альянсов с европейскими государствами — таков был главный посыл прощального послания первого президента США Дж. Вашингтона (1790) [9, с. 111]. Теперь одна из этих истин пересматривалась.

При этом США по уровню экономического развития вышли на первое место в мире, обогнав Великобританию в сфере промышленности. Становилось понятно, что не за горами то время, когда экономическая сторона вопроса отобразится в политическом эквиваленте. Первая мировая война сыграет в этом переходе решающую роль.

Однако еще до ее начала Вильсон стал активно интересоваться международными отношениями, он приблизил к себе отставного полковника и личного друга Э. Хауза, весьма подкованного в вопросах европейской политики. В разговорах Вильсона и Хауза прослеживалась мысль — необходимо коренным образом изменить положение страны на международной арене. Достигнув столь большого экономического могущества, США более не могут довольствоваться вторыми ролями в политике [10, с. 67].

Таким образом, внешняя политика США в начале XX века переживала глубокие изменения. Начинался процесс перехода от доктрины Монро (ограничение влияния Западным полушарием) к доктрине Хэя (выход в Азиатский регион, а через него — во все Восточное полушарие). Практицизм Вильсона, его личные качества, прикрытые ширмой наивности, помогут президенту во время I мировой войны начать перераспределение ролей мировой политики в пользу США.

Литература:

- 1. Мусский, И. А. 100 великих дипломатов. М., 2016.
- 2. Rauchway Eric. Murdering McKinley. NY., 2003.
- 3. LaFeber, W. The American Age: United States Foreign Policy at Home and Abroad Since 1750. NY., 1989.
- 4. Gruber Carol S. Mars and Minerva. Baton Rouge, 1975.
- 5. Стоун, О., Кузник П. Нерассказанная история США. М., 2015.
- 6. Appleman Williams William. The Tragedy of American Diplimacy. NY., 1998.
- 7. Shoultz, L. Beneath the United Sates: A History of U. S. Policy Toward Latin America. Cambridge, 1998.
- 8. Согрин, В. В. История США. СПб., 2003.
- 9. Иванов, Н. С., Черкасов П. П.., Исеров А. А. Отцы-основатели. Рождение США. М., 2013.
- 10. Шацилло, В. К. Новейшая история ХХ века. М., 2004.

Северный Кавказ и Крымское ханство в аспекте русско-турецкого военно-политического противостояния (1768–1774 гг.)

Колесников Илья Николаевич, кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания МБОУ гимназия «Интеллект» (г. Ессентуки, Ставропольский край)

В статье научной конференции рассматривается роль Северного Кавказа и Крымского ханства в ходе русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Подробно освещается политика Османской империи, направленная на вовлечение коренных народов Северного Кавказа и Крыма в войну против России. В качестве противодействия этим замыслам русским правительством принимались различные меры военного и дипломатического характера.

Ключевые слова: кризис, русско-турецкая война 1768—1774 гг., Северный Кавказ, Крымское ханство, За-кавказье, международная арена, «крымский вопрос», дипломатия, союз, независимость

Во второй половине XVIII в. традиционно агрессивная внешняя политика Османской империи усиливалась из-за социально-экономического и политического кризиса в стране. Султанское правительство искало выхода из внутреннего кризиса в захватнических войнах [5, с. 71].

Враждебную по отношению к России и народам Кавказа политику Османской империи в своих корыстных целях поддерживали ряд западноевропейских стран. Однако наибольшую активность в Константинополе проявляли Англия и Франция. Занятые захватническими войнами в Америке и Индии, они предпочитали поддерживать единство и нерасчлененность Османской империи, противодействуя стремлению угнетенных народов к получению самостоятельности и созданию независимых государств. В экономической и политической отсталости Османская империя все более теряла самостоятельность во внешней политике и становилась орудием в руках западноевропейских государств [5, с. 439].

Международная обстановка на Кавказе осложнялась еще и тем, что на его территорию продолжал претендовать и шахский Иран.

Положение на международной арене, в которой происходила борьба России и Турции, было сложным, так как наличие в русской внешнеполитической программе трех задач — черноморской, польской и шведской — сталкивало ее со многими западноевропейскими странами. Но вместе с тем она была довольно благоприятной, так как Россия была окружена относительно более слабыми в экономическом отношении государствами, такими, как Швеция, Польша, Турция и Крым [7, с. 86].

В сентябре 1768 г. под давлением Франции Османская империя вступила в войну с Россией. До начала военных действий и, особенно в период войны османы старались «привлечь на свою сторону племена кавказские и приготовить из этого элемента силу против русских». В начале войны султан обратился к кабардинским князьям с призывом быть «покорными, послушными» и помогать войскам Турции и Крыма. По его приказу на Северный Кавказ были посланы многочисленные агенты. Но, несмотря на умелую антирусскую пропаганду, османам не удалось поднять горцев на борьбу с Россией.

Многие десятилетия XVIII в. народы Северного Кавказа страдали от разорительных набегов крымских татар и османов, которые требовали дани и политического вассалитета, насильно насаждали среди горцев ислам. Однако главной причиной провала агрессивной политики султана было нежелание народов Северного Кавказа поддержать ее. «Сверх того черный народ, — говорилось в одном из документов, — о подданстве Крыму и слышать не хочет» [3, с. 82]. Об этом же свидетельствуют и многочисленные факты о вступлении народов Северного Кавказа в подданство России. Так, в 1768 г. «все старшины и народ» чеченский, «надеясь на высочайшую е. и. в. милость», решили «состоять в прежней своей верности и данную присягу навсегда сохранять будут без нарушения...» [1, с. 11].

Мало того, народы Северного Кавказа оказывали посильную помощь русским войскам. При поддержке ногайцев, например, русские войска овладели укреплением Копыл. Вместе с Кубанским казачьим корпусом генерала И.Ф. Медема в военных действиях на Северном Кавказе против османов участвовал отряд чеченцев во главе с Асланбеком Айдемировым. А ингушские отряды принимали участие в составе грузинской армии в боевых действиях против войск султана в Закавказье.

Тем временем русские войска и военно-морской флот одержали ряд блестящих побед над турками. Стотысячная армия крымского хана, вторгшаяся в пределы Украины и донских земель, была разгромлена. В марте 1769 г. При-азовье было очищено от войск Турции. Действовавший в Грузии отряд Г. Тотлебена овладел Кутаиси и изгнал османов из Имеретии. На Северном Кавказе серьезных успехов достигли войска под командованием генерала И. Ф. Медема. В июле 1769 г. войска Медема в урочище Ешкокон одержали победу над кабардинскими феодалами, уклонившимися от русского подданства. После чего кабардинцы вновь «присягнули на верность России» [5, с. 440].

В начале русско-турецкой войны Государственный совет принял решение добиться независимости Крымского ханства от Османской империи.

Как известно, «Крымский вопрос» занял одно из ведущих мест во внешнеполитической доктрине Российской

империи с первых лет царствования Екатерины II. По указанию русского правительства канцлер М.И. Воронцов представил в июле 1762 г. доклад «О Малой Татарии», в котором было выделено «Дело об учреждении в Крыму российского консула», необходимого для наблюдения за действиями хана и передачи важных сведений русскому правительству, а также для защиты интересов российского купечества.

М.И. Воронцов считал полуостров Крым стратегическим объектом для утверждения российского присутствия на Азовском и Черном море. Чтобы устранить опасность, исходившую от крымских татар, он предлагал два варианта решения вопроса: либо присоединение Крыма к России, либо превращение его в независимое государство. Второй вариант был более предпочтительным, поскольку Крымское ханство в виде небольшого самостоятельного государства не представляло для России серьезной опасности [6, с. 131].

Осуществляя этот план, российские власти на Северном Кавказе способствовали переселению освободившихся от вассальной зависимости султана ногайцев на Правобережную Кубань. Тем самым удалось удалить ногайцев как крупную, хотя и не всегда надежную военную силу от татар в связи с предстоящей кампанией в Крыму, ускорить отложение от Турции кубанских ногайцев и усилить охрану русских границ от нападения горцев. Решение этой задачи облегчалось тем, что она совпадала с желанием самих ногайцев. Вместе с тем российское правительство было готово согласиться на избрание ногайцами собственного хана и на известный сепаратизм Кубани [2, с. 97]. Независимое от Крыма и дружественное России Кубанское ханство, обладая значительной военной силой, существенно помогло бы России в решении крымского вопроса.

После вступления русских войск на Крымский полуостров, новый хан Сагиб-Гирей 1 ноября 1772 г. подписал союзный договор с Россией, который начинался декларативным провозглашением «союза, дружбы и доверенности между Россией и Крымским ханством».

Согласно этому договору, в Крыму сохранялись порядки монархической формы правления с системой избрания хана, и отмечалось, что ни одна из держав не имеет права вмешиваться во внутренние дела ханства. Однако о выборе нового хана будет сообщаться русскому правительству.

Оставляя в подданстве хана все подвластные ему народы, договор в тоже время подтверждал древние права России на Кабарду: «...Большая же и Малая Кабарды состоят в подданстве Российской империи». Россия обязывалась не требовать военной помощи со стороны крымского

хана, татары же давали обязательство, что их войска против России никому и ни под каким предлогом помогать не будут.

Основываясь на необходимости иметь в Крыму «запасное войско и суда» в целях гарантии татарской независимости, Россия оставляла за собой крепости Керчь и Еникале. Но крымским татарам разрешалось иметь при Еникале перевоз для связи с народами, живущими на кубанской стороне.

В соответствии со статьей 12 союзного договора подданным обеих сторон разрешалось торговать в землях друг друга «со всею безопасностию и выгодностями, какие другие дружественные народы имеют, но с платежом только по купеческим установлениям надлежащей пошлины».

Статья 13 объявляла о намерении русского правительства иметь при крымском хане своего резидента, а крымский хан обещал ограждать его от произвола.

Наряду с договором, татары подписали также декларацию о своем государственном отделении от Турции [6, с. 134].

Османская империя не хотела признавать независимость Крыма. Она не могла примириться с потерей важного плацдарма на южных границах Российской империи [4, с. 101]. В связи с этим турки решили использовать Северо-Западный Кавказ как плацдарм для возвращения своих утраченных позиций. Султанское правительство намечало создать здесь удельное ханство для кандидата на крымский престол Девлет-Гирея. В поддержку ему были даны значительные военные силы. Летом 1774 г. объединенные войска османов и татар вторглись в Кабарду. Обойдя Моздок, они напали на станицу Наурскую, но были отбиты казаками. Затем русские войска, поддержанные ногайцами и кабардинцами, разгромили войска противника и избавили тем самым народы Северного Кавказа от нависшей над ними угрозы [5, с. 435].

В этих условиях среди горских народов Северного Кав-каза росла и укреплялась политическая ориентация на Россию. Покровительство России для народов Северного Кавказа становилось практической необходимостью. Вместе с тем немалую роль в укреплении русско-кавказских отношений играл постоянный, крайне полезный для горцев рост торгово-экономических связей.

Укрепление ориентации народов Северного Кавказа на Россию обеспечило внедрение внутриполитических порядков в этих пограничных с Османской империей регионах, что говорит о значимой роли для российского правительства регионов не только Северного Кавказа, но и Закавказья, и определяло тенденцию развития внешнеполитической линии российского государства.

Литература:

- 1. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Ф. 115 Кабардинские, черкесские и другие дела. Оп. 115/1. 1766—1768 гг. Д. Б./н. Л. 11—24.
- 2. Архив Государственного совета. Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768—1796 гг.). Т. І., Ч. І— ІІ. СПб., 1869. Ч. І.: Отделение историческое. 1106 с. Ч. ІІ.: Отделение юридическое. 980 с.

- 3. Акты, собранные Қавказской археографической комиссией. Под редакцией А.П. Берже. Т. I—XII. Тифлис, 1866—1904.
- 4. Гасратян, М. А., Орешкова, С. Ф., Петросян, Ю. А. Очерки истории Турции. М.: Наука, 1983. 296 с.
- 5. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Под ред. Б. Б. Пиотровского. М.: Наука, 1988. 544 с.
- 6. Колесников, И. Н. Присоединение Крыма к Российской империи в XVIII в. // Вопросы истории. 2013. № 10. с.131—137.
- 7. Северный Кавказ в составе Российской империи. Под ред. В.О. Бобровникова, И.Л. Бабича. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.; ил.

Евразийская философия о монгольском нашествии (историографический обзор)

Малухин Андрей Игоревич, учитель истории и обществознания МКОУ Мильковская СШ N^2 2 (Камчатский край)

Монгольское нашествие — тема, которая интересует поколения историков разных стран. Представители различных исторических школ вносили свой вклад в освещение данного вопроса. И естественно, что представители евразийства уделили ему повышенное внимание. В их трудах рассмотрено нашествие с других позиций, отличных от классических представлений о проблеме. В данной статье проведен историографический анализ трудов, посвященных монгольскому нашествию, написанных историками евразийской философской школы, что несомненно актуально в настоящее время, когда проблема евразийства рассматривается на государственном уровне

вразийство — философско-политическое движение, Вразииство — философень В 20—30-е гг. XX зародившееся в русской эмиграции в 20—30-е гг. XX века. Для нас крайне важно проанализировать работы евразийцев постольку, поскольку в своих исследованиях они могли обратиться к источникам недоступным для советских историков, не переведенным на русский язык, их отношение как к отношениям Руси и Орды в целом, так и к монгольскому нашествию в частности прямо противоположно построениям большей части советских историков. Интерес к деятельности евразийцев не уменьшается, идеи евразийцев получили второе дыхание с выходом в свет работ Л.Н. Гумилева, [3; 4; 5; 6] в которых известный историк и географ развил евразийскую концепцию и дополнил ее своими собственными выводами и идеями. До распада СССР работы евразийцев были практически неизвестны широкому кругу читателей, большинство из них были опубликованы лишь в 90-е годы, что подогрело интерес к выдвинутой ими концепции. На данный момент популярность имеет течение неоевразийство, одним из основоположников которого считается Л.Н. Гумилев, в 2000-х появилась политическая партия «Евразия», программа которой опирается на идеи евразийства, а ее лидер представитель неоевразийства — А. Г. Дугин.

В данной статье мы обратимся к трудам таких представителей евразийства как князь Н.С. Трубецкой, Э. Хара-Даван, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский и Л.Н. Гумилев, работы которого, мы также посчитали нужным включить в работу, как продолжателя разработки и популяризатора идей евразийства. Для того чтобы приступить к анализу исследований, произведенных евразий-

цами необходимо вкратце охарактеризовать суть самой концепции этого философско-политического течения. Основная идея, разработанная идеологами евразийства, заключалась в том, что у России своя историческая судьба и связана она не с Европой, в связи с этим они критиковали европоцентризм и выступали за интеграцию России со странами Азии. Отсюда и сложилось их инакомыслие относительно монгольского нашествия на Русь.

Исключительную роль монгольского нашествия отмечал основоположник евразийства князь Н.С. Трубецкой. По его мнению, в становлении государственности на Руси именно нашествие сыграло ключевую роль и так же он называет Россию одной из провинций большого государства. [8, с. 216-220]. Не вдаваясь в подробности непосредственно военной кампании монголов на Руси, Н.С. Трубецкой делает выводы о положительности итогов завоевания. Поскольку только благодаря нашествию и был сформирован костяк современной России. А Киевская Русь, которая управлялась князьями варяжской линии, географическим заданием которой «было осуществление товарообмена между Балтийским и Черным морями», в целом, как государство была нежизнеспособна. [8, с. 202-203]. Все эти выводы вписываются в общую концепцию евразийства и показывают историчность российско-азиатской интеграции.

В своей статье «Степь и оседлость» схожие принципы выдвигает и П.Н. Савицкий, который также прямо заявляет, что «без «татарщины» не было бы России». [7]. Причины поражения он видит в том, что в «дотатарской Руси был элемент неустойчивости, склонность к дегра-

дации», который и привел монголов к успеху, а Русь к последующему установлению ига. [7]. Эти два утверждения прямо противоречат тому, что писали в своих работах советские историки, которые говорили об упадке во всех сферах жизни, который стал итогом монгольского нашествия. Были разрушены города, прекращено строительство, исчезли многие ремесла. На это П. Н. Савицкий отвечает, что «Нет ничего более шаблонного и в то же время неправильного, чем превозношение культурного развития дотатарской Киевской Руси, якобы уничтоженного и оборванного татарским нашествием». [7] Вот основное противоречие советской историографии и евразийцев в данном вопросе. Монгольское нашествие стало той движущей силой, которая из нежизнеспособной, «удельно-вечевой Руси» [8, с. 216] сделала Российскую империю.

Следующим апологетом евразийства, как философско-политической концепции, чей труд мы рассмотрим, являлся Эренжен Хара-Даван. Калмык по национальности, родившийся в Астраханской губернии [10, с. 212], сам себя определявший непосредственно как монгола, [9, с. 448, 453] находясь в эмиграции, написал свой труд «Чингис-хан как полководец и его наследие». Проведя подробный анализ, имеющихся в его распоряжении источников, приходит к выводу, что «монгольское завоевание не было нашествием диких орд и монголы не были ни «дикарями», ни «варварами». [10, с. 204]. Также Э. Хара-Даван отмечает «ошибочность мнения о крайней бедственности для русского народа монгольского владычества», [там же, с. 206] которое явилось следствием успеха монгольского нашествия. Итогом завоевания стало то, что, несмотря на материальные потери, в России было выковано самодержавие и государственность. [там же]. Говоря о взаимоотношениях сложившихся между Русью и Золотой Ордой, как и Н.С. Трубецкой, он называет Русь именно провинцией Улуса Джучи, то есть его непосредственной частью. [там же; с. 216] Такие выводы сделанные представителями евразийской школы противоречат современным представлениям о взаимоотношениях между этими государствами, в которых Русь представлена в роли вассала Орды. В целом работа Э. Хара-Давана интересна также и тем, что сам он был калмыком, а это западномонгольский народ. Таким образом, его работа — это еще и взгляд «со стороны». Не со стороны русского исследователя или же современного татарина, а со стороны того, чей народ относится непосредственно к монголам, но при этом в его работах нет национальной окрашенности, чем нередко грешат, как русские, так и татарские историки. Вот в чем главный плюс евразийства, понимание единой исторической судьбы у Руси, Московского государства, России, СССР (дело не в названии) [7, с. 204] и Азии.

Особняком стоит работа Г.В. Вернадского, которую он написал в США — «Монголы и Русь». Этот труд стал квинтэссенцией его научных исследований, прекрасным образцом качественного научного произведения. В ней

подробнейшим образом рассмотрена, как монгольская империя, так и завоевательные походы и отношения с подчиненными странами. Его точка зрения на нашествие и его влияние на Русь более компетентна, нежели у вышеназванных представителей евразийства постольку, поскольку он являлся профессиональным историком. Например, он отмечает «непосредственный эффект монгольского нашествия — настоящее уничтожение городов и населения» [1, с. 366], в то время как Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий и Э. Хара-Даван по большей части рассматривали долговременный эффект, произведенный нашествием. Г.В. Вернадский называет это «эффектом отложенного действия», таким образом, не отрицая влияния монголов на становление государственности в России, но привязывая его не непосредственно к нашествию, а к падению Золотой Орды и освобождению Руси. [1, с. 366-367]. Также итогом самого нашествия он видит то, что «русская земля попала в систему мировой империи» [2, с. 355], таким образом, «для Руси оказались открытыми дороги на Восток». [там же, с. 356]. В целом Г.В. Вернадский соглашается с мнением Н.С. Трубецкого, о значительной роли монгольского нашествия в создании сильного централизованного государства на Руси. [1, с. 423-424].

Отдельного анализа заслуживают работы Л. Н. Гумилева, историка, оценка деятельности которого носит неоднозначный характер. Пожалуй, единственный из советских историков, который не только не отвергал предложенную евразийцами концепцию, но соглашался с ней и даже развивал ее, так как в его распоряжении было уже больше материальных источников, которыми он мог оперировать в своих исследованиях. Он был знаком с П. Н. Савицким и состоял с ним в переписке. И хотя его нельзя отнести собственно к евразийцам, так как его работы появились гораздо позже, чем основные их публикации, все же он был продолжателем их, чуть было не угасших, идей. На их основе он разработал и собственную пассионарную теорию этногенеза, в принципе объяснив ей взрыв монгольской агрессии, который Г.В. Вернадский назвал психологической загадкой. [1, с. 11]. В монгольском нашествии Л.Н. Гумилев в основном отмечал плюсы, которое оно принесло. «Подчинение» городов он называл условным, поскольку монголы не оставляли в них гарнизоны. А Ярослав Всеволодович, а потом и Александр Невский, по сути, заключили союзный договор с монголами сразу после завершения нашествия на Северо-Восточную Русь, причем договор был оформлен по всем правилам Средневековья. [3, с. 431-432; 4, с. 228; 6, с. 120]. Также он говорил, что татары «искали в Южной Руси не врагов, а друзей». [3, с. 434]. Это единственные работы своего времени, которые противоречили выводам, сделанным остальными советскими историками на тот момент.

Теперь обратимся к статистическим аспектам монгольского нашествия, а в частности к численности войск под предводительством Бату-хана и Субэдэя. В этом

вопросе и евразийцы были не единогласны, и можно проследить три различных варианта, предложенных представителями данного течения. Расположим их в хронологическом порядке появления. Первый подсчитал численность монгольского войска Э. Хара-Даван, по его мнению, оно состояло из 122-150 тысяч человек. При этом примерно треть из них была монголами, то есть 40-50 тысяч. [10, с. 157]. Можно отметить, что примерно такую же численность назовет и В.В. Каргалов, хотя определяли эти числа, явно исходя из разных критериев войск. (В. В. Каргалов считал войска по количеству Чингизидов, участвовавших в походе, а Э. Хара-Даван анализировал труд генерала М.И. Иванина). [10, с. 156-157]. Следующий вариант предложил Г.В. Вернадский, по его подсчетам в целом войско состояло из 120 или чуть более тысяч, однако при этом он делает поправку на то, что «в ходе вторжения сила полевой армии Бату в его основной кампании едва ли была более пятидесяти тысяч в каждой фазе операций». Монголам в этом войске он отводит также 50 тысяч. [1, с. 60]. И третий вариант — это предположение Л. Н. Гумилева. Он считал, что в монгольском нашествии принимало участие от 30 до 40 тысяч всадников, при этом, не выделяя, сколько среди них, было собственно монголов. [4, с. 217-218]. Здесь стоит обратить внимание, что к схожим выводам пришли и Ф.Ф. Шахмагонов с И.Б. Грековым. Три автора, работавшие в рамках одной концепции, общая оценка нашествия которыми весьма схожа, при этом приводят три различных варианта касаемо численности монгольских войск. А ведь это один из главнейших вопросов в данной теме. Отсюда следует, что являясь сторонниками одного и того же философско-политического течения в своих исследованиях они пытались найти наиболее объективные ответы на самые острые вопросы и в первую очередь придерживались логики и принципа историзма в изложении своих взглядов.

Мы рассмотрели работы представителей евразийства, посвященные монгольскому нашествию на Русь, его влиянию на историю развития государственности нашей страны. Несмотря на то, что эти работы выходили примерно параллельно работам советских историков (Л. Н. Гумилева мы относим к евразийцам, так как его работы не укладываются в классическую советскую историографию) они практически прямо противоположны в основных выводах. Единственное, что несколько объединяет их, так это представление о количестве войск. А вот роль нашествия, его последствия, как для Руси, так и для других стран, в частности стран Европы, различаются в исследованиях евразийцев и советских историков. Это говорит о том, что есть такие вопросы и факты, которые можно интерпретировать одинаково независимо от того, довлеет ли над тобой идеологическая цензура или же ты придерживаешься определенных философских взглядов, как на историю, так и на окружающую тебя действительность. Вполне возможно, что если бы все вышеназванные выдающиеся ученые занимались своими исследованиями в атмосфере, никоим образом не препятствующей научным изысканиям и при этом не были подвержены влиянию «сверху» и политическим установкам, то их работы не носили бы взаимоисключающего характера, а вполне согласовывались друг с другом и логично дополняли бы друг друга. Также стоит отметить, что ни в коем случае не надо сбрасывать эти работы со счетов. Да в них присутствуют недостатки, присущие их времени, однако это фундаментальные труды, при составлении которых был задействован огромный комплекс различных источников (пусть и интерпретировали их по-своему), письменных и материальных. Так что пользоваться этими работами можно и даже нужно, просто не стоит забывать, что рассматривать их все же надо сквозь призму прошедшего после их публикации времени и с учетом идеологии, при которой они были написаны.

Литература:

- 1. Вернадский, Г. В. Монголы и Русь. Тверь: 1997. 480 с.
- 2. Вернадский, Г.В. Монгольское иго в русской истории. // Основы евразийства. М.: «Арктогея-Цетр», 2002. 800 с.
- 3. Гумилев, Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: «Айрис-Пресс», 2011 736 с.
- 4. Гумилев, Л. Н. От Руси к России. М.: «АСТ», 2006—560 с.
- 5. Гумилев, Л. Н. Поиски вымышленного царства. М.: «АСТ», 2002—464 с.
- 6. Гумилев, Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.: «АСТ», 2008—528 с.
- 7. Савицкий, П. Н. Степь и оседлость. // [Электронный ресурс] URL: http://gumilevica. kulichki. net/SPN/spn03. htm
- 8. Трубецкой, Н. С. Наследие Чингисхана (сборник). М.: «Аграф», 1999. 554 с.
- 9. Хара-Даван, Э. Евразийство с точки зрения монгола. с. 448-454 // Основы евразийства. М.: «Арктогея-Цетр», 2002.-800 с.
- 10. Хара-Даван, Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1991—196 с.

Qunyat al-munya as source for Khwarezmian Hanafite milieu

Dr Zafar Najmiddinov, Post-doctoral independent researcher Namangan, Uzbekistan

Abu-r-Rajā az-Zāhidī al-Ghazmīnī (d. 658/1260) is one of the most prominent Hanafite jurists of the early Mongol period¹. He has produced several works in Islamic jurisprudence, including Qunyat al-munya, al-Ḥāwī and al-Mujtabā². Despite widespread existence of copies of these works, none of them have been thoroughly studied from the aspects of Islamic legal studies.

Qunyat al-munya li tatmīm al-ghunya («The Acquisition of the Desired for the Completion of Sufficiency») holds a significant place in Eastern Hanafite literature. Almost all Hanafite legal works contain quotations from Zāhidī, while for some of them QM is the most cited source³. The book also served one of the primary sources for 'Abd al-Qādir al-Qurashī in compiling his al-Jawāhir al-mudīya.

The main difficulty the researcher faces with while reading QM is to decipher acronyms used by Zāhidī in the book. Using initials in order to mark his source is not a rare phenomenon in Eastern Hanafite literature. This method has been used by different authors including aṣ-Ṣadr ash-shahīd (al-Fatāwā al-kubrā), Ibn Qādī Simāwna (1359–1420, Jāmi' al-fuṣulain), Badr ar-Rashīd (d. 768/1366–7, Kitāb alfāz al-kufr), al-Ghiyāthī (al-Fatāwā al-ghiyāthīya), As'ad b. Yusuf aṣ-Ṣairafī (d. 1088/1677, al-Fatāwā aṣ-Ṣairafīya), and in al-Fatāwā an-naqshbandīya. It's not out of place to mention that each author chose his personal method of abbreviation. For example, in Qunya Arabic letter ṣād meant al-Aṣl of ash-Shaibānī, while for Ibn Qādī Simāwna it means al-Fatāwā aṣ-ṣughrā.

Though the introductory part has a list of explanations, each manuscript copy of Qunya differs. Fortunately, there are other sources which make our task easier. In Khwarazm, just a couple of decades earlier another fiqh book, Yatīmat ad-dahr fī fatāwā ahl al-'aṣr («The Unicum of the Age Concerning the Legal Decisions of the People of the Period»), has been written by Zahidi's contemporary at-Tarjumānī (d. 645/1247). The al-Azhar copy of Yatīma (2119 khāṣṣ, 26958 'āmm) contains the copyist's addenda, where he listed all prominent Khwarezmian jurisprudents of his time with all available personal data.

The second essential source for deciphering Qunya's acronyms is $Z\bar{a}hid\bar{t}$'s al-Mujtab \bar{a} and al- $H\bar{a}w\bar{t}$ where he uses the same acronyms as in Qunya. In this article I propose my

list of explanations, and will try to demonstrate that Zāhidī's work could serve as an encyclopedia of pre-Mongol Hanafite literature⁴.

Qunya's sources can be devided into two groups: I) Jurists and II) Books. Below is the list of Hanafite jurists whose personality could be identified:

I. 1. Baqqāli (Arabic letters $b\bar{a}-q\bar{a}f$). His full name is Abul-Faḍl MuḤammad b. Abi-l-Qāsim b. Babujak al-Khwārazmī (490—562/1097—1167). His nisba is based upon his occupation of grocer. He also was known as Zain al-mashāyikh⁵.

Baqqāli's works have been extensively used in Qunya. They are as follows:

 $\S al\bar{a}t$ or $Adhk\bar{a}r$ $a\S - \S al\bar{a}h$ ($\S \bar{a} - b\bar{a} - q\bar{a}f$) [KZ 1: 51].

Jam' at-tafārīq fi-l-furū' (jīm-tā-bā) [KZ 1: 595]. Quotations from this book can be found in a number of Hanafite works including Radd al-mukhtār, FatḤ al-qadīr, al-Fatāwā al-hindīya, Fatāwā Qaḍīkhān, al-Bināya SharḤ al-Wiqāya and Mirqāt al-mafātīḤ.

Al-Asnā fi SharḤ al-asmā' al-Ḥusnā (shīn-bā-qāf) [KZ 1: 91].

- I. 2. Khamīr al-Wabarī (*kh*ā-wāw) [JM 2: 183]. His full name was MuḤammad b. Abī Bakr al-Wabarī (d. Tuesday 29 Rabī' I 539 / 29.9.1144), and he was also known as Zain al-a'imma. He studied under several masters including 'Alī b. AḤmad al-Karābīsī in Khwarazm. Khamīr al-Wabarī was master and father-in-law of MuḤammad at-Tarjumānī, author of Yatīmat ad-dahr [YD f. 256r].
- I. 3. Wabarī (*ba-waw*). Apart from Khamīr, there lived at least three jurisprudents with this *nisba* in Khwarazm [JM 4: 339–40]. Presumably all of them were engaged in the commerce of fluff (*wabar*). However, YD's copyist mentions only the fourth Abū 'Abdullāh MuḤammad b. Ibrāhīm al-Wabarī, who died on Monday, 25. Rajab 483 / 23.9.1090. He studied under Baqqālī in Khwarazm, and under al-Ḥalwani and 'Abd ar-Rahīm al-Karmīnī in Bukhara.
- I. 4. Abu Bakr MuḤammad b. al-Faḍl al-Bukhārī (d. 381/991; bā-fā) [JM 3: 300-2]. This scholar was master of almost all Hanafite scholars of the 10th century in Bukhara. Although Kamārī didn not leave *Nachlass*, he is one of the most frequently cited scholars in Hanafite legal books.
- I. 5. Ismā'īl b. al-Ḥusain b. 'Alī al-Bukhārī *al-mutakallim* (d. Sha'bān 402 / March 1012; *sīn-mīm*) [JM 1: 399—400,

¹ This research was possible with the support of the «Advanced Academia Program» of the Center for Advanced Study Sofia, Bulgaria.

On Zāhidī's life and description of his works see: Şükrü Özen, Zâhidî. — Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi, 44: 81–5.

For instance, the 16th century Ottoman jurist Pir-Muhammad of Skopje cites Qunyat al-munya 31 times in his Fatāwā al-Uskūbī (=Muʿīn al-muftī).

A. Kariev gives general information on Zāhidi's method in his "In Regards to Certain Forms of Indexes in Medieval Arabic Treaties (Based on the Manuscripts of Tashkent Collections)" // Manuscripta Orientalia vo.17, № 1 (2011), p. 3-10. The more serious attempt has been made by Kübra Nugay in her "Şeyhülislam Mehmed Emin Ankaravî'nin Fetâvâ'yı Ankaravî Adlı Eserindeki Metodu (Aile Hukuku Örneğinde)" [Shaikh al-islam Muhammad Amin Anqarawi's Method in His Work Fatawa al-Anqarawi, in the Example of Family Law]. Unpublished MA thesis. Sivas (Turkey): Cumhuriyet Üniversitesi, 2012. — p. 65-76. This list has several contradictions, especially № 1, 12, 25, 26, 32, 33, 41, 47, 50, 77.

⁵ Ziriklī, al-A'lām 6: 335.

- 437]. He was among the group of four Bukharan theologians who held the view that the faith was uncreated $(al-\bar{\imath}m\bar{a}n ghair makhl\bar{\imath}a)^1$.
- I. 6. Burhān ad-din 'Abd al-'Azīz b. 'Umar b. Māza al-Bukhārī, Burhān Ṣadr ($b\bar{a}$ -ṣād). He is presumably author of Ṣalāt Burhān al-a'imma (ṣād- $b\bar{a}$).
- I. 7. Ḥusām ad-dīn 'Umar b. 'Abd al-'Azīz al-Bukhārā, aṣ-Ṣadr ash-shahīd (483-536 / 1090-1141; ṣā $d-h\bar{a}-b\bar{a}$). Author of Wāqi'āt aṣ-Ṣadr ash-shahīd ($w\bar{a}w-d\bar{a}l$) and al-Jāmi' aṣ-ṣaghīr ($i\bar{m}$ -ṣād).

At the same time, $Z\bar{a}hid\bar{\iota}$ used $\bar{s}\bar{a}d$ - $\bar{H}\bar{a}$ for the author as well as $\bar{w}\bar{a}w$ - $\bar{H}\bar{a}$ for Waqi'at.

- I. 8. Tāj ad-dīn AḤmad aṣ-ṣadr as-saʻīd b. 'Abd al-'Azīz b. 'Umar b. Māza al-Bukhārī (d. 436/1144; tā-jīm). Father of MaḤmūd, author of al-MuḤīt al-burhānī.
- I. 9. Burhān ad-dīn MaḤmūd b. AḤmad al-Bukhārī (d. 616/1219; $b\bar{a}$ - $m\bar{\imath}m$). Author of one of the most voluminous fatwa collections in Hanafite law entitled al- $MuḤ\bar{\imath}t$ al- $burh\bar{a}n\bar{\imath}$ ($t\bar{a}$). Fatāwā Burhān ($f\bar{a}$ - $b\bar{a}$), adh-Dhakhīra alburhānīya ($dh\bar{a}l$) and Wāqiʻāt Burhān ($w\bar{a}w$ - $b\bar{a}$) also presumably belonge to him.
- I. 10. Abū Jaʿfar al-Hinduwānī (jīm-hā) [JM 3: 192—3]. He was famous as Abū Ḥanīfa The Younger (Abū Ḥanīfa aṣ-ṣaghīr) for his deep understanding of Hanafite law. Al-Hinduwānī died in Dhu-l-hijja 392/ September-October 1002 in Bukhara.
- I. 11. Abu-l-Ḥusain AḤmad al-Qudūrī (d. 428/1037; $q\bar{a}f$) [JM 1: 223, 247—50]. He was author of two commentaries ($sh\bar{\imath}n$ - $q\bar{a}f$): SharḤ Mukhtaṣar al-Karkhī and SharḤ Adab al-qāḍī of Khaṣṣāf. We do not know which one is referred to in Qunya.
- I. 12. Abū Ja'far AḤmad b. MuḤammad aṭ-ṬaḤāwī (d. 321/933; tā-Ḥā) [JM 1: 271-7]. He compiled several commentaries including SharḤ al-Jāmi' al-kabīr and SharḤ al-Jāmi' aṣ-ṣaghīr of ash-Shaibānī, and SharḤ Ma'āni al-āthār. SharḤ ṬaḤāwī (shīn-ṭā) might mean any of these commentaries.
- I. 13. Abū Bakr MuḤammad b. al-Ḥusain b. MuḤammad al-Bukhārī, better known as Bakr Khwāharzāda (d. 483/1090; $b\bar{a}-kh\bar{a}$) [JM 3: 141—2]. He composed a commentary on al-Ḥiyal of al-Khaṣṣāf ($sh\bar{\imath}n-b\bar{a}$) and Fatāwā ($f\bar{a}-t\bar{a}-kh\bar{a}$) [KZ 2: 1223].
- I. 14. Abu-l-Laith as-Samarqandī (d. Jumādā II 373 / November 983; \underline{tha}) [JM 3: 544-5]. Abu-l-Laith is author of an-Nawāzil (\underline{nun}), 'Uyūn al-masā'il ($\underline{'ain}$) and Fatawa Abi-l-Laith (\underline{fa} - \underline{tha}).

This initial might have also been used to mark al-Ghiyāthī, an unknown author about whom we have no information.

I. 15. Badr Ṭāhir ($b\bar{a}$ - $r\bar{a}$) [JM 2: 280; 4: 441]. He was an authoritative figure for issuing fatwas in Khwarazm and Bukhara. Badr Ṭāhir might be identical to Ṭāhir b. AḤmad b.

- 'Abd ar-Rashīd al-Bukhari (d. 542/1147), author of Khulāşat al-fatāwā.
- I. 16. Fakhr ad-dīn Badī' b. Abī Manṣūr al-Qūzabnī al-'Irāqī, Qāḍī Badī' $(q\bar{a}f-b\bar{a})$ [JM 4: 363] was one of Zāhidī's teachers. He is author of Munyat al-fuqahā', a lost Hanafite fiqh work, fragments of which can be found in Qunya [KZ 2: 1886] and other legal works.

Al-Ba Hr $al-mu H\bar{\imath}t$ $(\underline{b}\bar{a}-t\bar{a})$ is an alternative title for Munyat al-fuqah \bar{a} '.

- I. 17. Khujandī (<u>khā-jīm</u>). Since we have several jurists with this nisba, it's more appropriate to choose al-Ḥasan b. Sulaimān al-Khujandī (d. 1. Rabī' II 523 / 24.3.1129) [YD folio 255r-v]. He studied under Majd al-a'imma as-Surkhakatī, al-Qāḍī al-imām Ṣadr al-Bazdawī and his brother Abu-l-'Usr al-Bazdawī in Bukhara.
- I. 18. Majd al-a'imma as-Surkhakatī (d. Dhu-l-Ḥijja 518 / February 1125, mīm-jīm) [JM 3: 191–2; KZ 2: 1113]². He was part of a group of scholars that opposed Ibn Mazas' influence in Bukhara.
- I. 19. Isbījābī (sīn-bā-jīm) [JM 2: 591-2]. Since there are at least three prominent Hanafite jurists with this nisba, the more famous is Shaikh al-islām 'Alī b. MuḤammad b. Ismā'īl al-Isbījābī (born Monday, 7. Jumādā I 454/19.5.1062, died Monday, 23. Dhu-l-qa'da 535/30.7.1141).
- I. 20. Shams al-a'imma Abū MuḤammad 'Abd al-'Azīz b. AḤmad al-Ḥalwā'ī (=Ḥalwānī, d. 448/1050; Ha-lam or $sh\bar{l}n-Ha$) [JM 2: 429-30]. He was a prominent Bukharan jurisprudent. Halwa'i composed his own $Mabs\bar{u}t$ which comes to us in a unique copy in Ayasofya 1381.
- I. 21. Qāḍī 'Alā' ad-dīn al-Marwazī (*qaf-'ain-mim*). He might be identical to the person who studied *fiqh* under the prominent Bukharan Hanafite jurist Abū Zaid ad-Dabūsī (d. 430/1038-9) [JM 4: 416-7].
- I. 22. Qadi Abu-l-Yusr MuḤammad b. MuḤammad al-Bazdawī (d. Rajab 493 / June 1100; $q\bar{a}f$ - $d\bar{a}d$ - $s\bar{i}n$) [JM 4: 98–9]. He served as a judge general ($q\bar{a}di$ -l- $qud\bar{a}t$) in Samarqand.
- I. 23. Fakhr al-islam Qāḍī Ṣadr 'Alī al-Bazdawī (d. 482/1089; $q\bar{a}f$ -ṣād) [JM 1: 309-10; 4: 424-5]. SharḤ al-Jāmi' al-kabīr ($\underline{sh\bar{\imath}n-b\bar{a}-z\bar{a}}$) belongs to him. Hajji Khalifa mentiones his $Am\bar{a}l\bar{\imath}$ ($\underline{m\bar{\imath}m-l\bar{a}m}$) [KZ 1: 165].
- I. 24. Qāḍī Zahīr ad-dīn al-Bukhārī (d. 619/1222; qāf-zā) [JM 3: 19]. Author of SharḤ Zahīrī (shīn-zā) and al-Fatāwā az-zahīrīya [KZ 2: 1226, 1298].
- I. 25. Qādīkhān (qāf-khā) [JM 2: 93-4]. His full name is Shams al-a'imma Fakhr ad-dīn Ḥasan b. MaḤmūd al-Uzjandī (d. 593/1197).
- I. 26. Shams al-a'imma al-Makkī ($\underline{sh\bar{\imath}n-m\bar{\imath}m}$) [JM 4: 400]. He might be identical to AḤmad b. MuḤammad al-Makkī (d. 24. MuḤarram 502/3.9.1108) who taught in the central mosque of Kḥwarazm after Bilālī [YD f. 255r].

¹ Bazdawī, Kitab fī u ūl ad-dīn, p. 158.

Princeton manuscript's copyist ascribes at-Tajrid to him, which can not be proved through available sources.

- I. 27. Diyā' al-a'imma AḤmad b. MuḤammad b. 'Imrān al-Kāthī al-Ḥijjī (\underline{dad} -jīm) [JM 1: 300; 4: 178, 292, 377, 411]. He was born in Shawwāl 496 / July 1103 $^{\rm l}$. Fatāwā al-Ḥijja might have been written by this author [KZ 2: 1222].
- I. 28. Zahīr ad-din Abu-l-'Abbās AḤmad b. Ismā'īl at-Timurtāshī (d. about 600/1203; $\underline{z}\overline{a}-t\overline{a}$), mufti of Khwarazm. He is author of SharḤ al-Jāmi' aṣ-ṣaghīr ($\underline{sh}\overline{n}-\overline{z}\overline{a}-t\overline{a}$) [KZ 1: 562].

There is another 'Abd ar-RaḤ̄īm at-Timurt \bar{a} shī (d. Monday 2. Rajab 530 / 6.4.1136) who is mentioned in YD as well.

- I. 29. Rukn ad-din al-Wānijānī ($k\bar{a}f-n\bar{u}n$) [JM 4: 338, 388]². He studied under Najm al-a'imma al-Ḥakīmī and Qāḍīkhān as well as taught Zāhidī in fiqh. He was active in the late 6th / 12th century. His fatwas can be found in al-Fatāwā al-Bazzāzīya and Majma' aḍ-ḍamānāt.
- I. 30. Yusuf b. MuḤammad b. AḤmad b. Mūsā al-Bilālī (d. Saturday, 25. Shaʻbān 494 / 25.6.1101; $y\bar{a}-b\bar{a}$) [YD f. 255r]. He studied under al-Wabarī in Khwarazm and Sarakhsī in Bukhara. He also served as judge in Khwarazm as well as taught in the central mosque (al-masjid al- $j\bar{a}mi$).
- I. 31. Abu Ḥāmid Faḍl b. MuḤammad b. 'Alī al-Fiqhī (d. Wednesday, 9. MuḤarram 535 / 25.8.1140) [YD f. 256r]. He studied fiqh under 'Abd ar-Rahīm al-'Attābi al-Marwazī. Zāhidī uses Ḥā-mīm to mark him.
- I. 32. Saif Sā'ilī ($s\bar{\imath}n-y\bar{a}$). A unique copy of the commentary to al-Qunya by a certain Mawlana Saif al-haqq wa-d-dīn (lived in the 13th century) is kept at al-Beruni Center for Oriental manuscripts in Tashkent (5942/II)³. The work is bound with Qunya in one volume.
- I. 33. Abū Ḥafṣ al-kabīr (d. 217/832; Ḥā-kāf) [JM 1: 166-7]. He studied under MuḤammad ash-Shaibanī and had countless disciples in Bukhara. It is thought that his books have not survived to our days.
- I. 34. Shams al-a'imma 'Umar b. MuḤammad al-'Aqīlī (JM 2: 667-8, $\underline{sh\bar{\imath}n\text{-}'ain}$). Died in Jumada I 576 / October 1180.
- I. 35. Kamal al-a'imma Ismāʻīl b. MuḤammad al-Bayāʻī (*kaf-ba*) [JM 4: 159].
- I. 36. 'Ain al-a'imma Abu-l-FatḤ 'Umar b. 'Alī al-Karābīsī an-Nasafī (JM 2: 419; 3: 516; 4: 296, 337, 340. 418, 579, 'ain-kaf). He was father-in-law of al-Khayyāṭī.
- I. 37. Majd al-a'imma at-Tarjumānī (<u>mīm-tā</u>). He is son of 'Alā' ad-din at-Tarjumānī, author of Yatīmat ad-dahr.
- I. 38. Zahīr ad-dīn al-Ḥasan 'Alī b. 'Abd al-'Azīz al-Marghinānī (<u>zā-mīm</u>) [JM 2: 74].
- I. 39. Burhān ad-dīn 'Alī b. Abī Bakr al-Marghinānī as-Samarqandī (d. 593/1197; $\underline{b}\bar{a}-s\bar{n}$) [JM 2: 627-9].

- I. 40. Nur al-a'imma al-Manṣūr al-Qaisī (<u>nūn-mīm</u>) [JM 4: 319, 440]. His *nisba* was also known as al-Manṣūrānī. He might be the same person who mentioned in YD [f. 255v].
- I. 41. Najm al-a'imma al-Bukhārī (<u>nūn-jīm-rā</u>) [JM 4: 440]. He was contemporary of aṣ-Ṣadr al-māḍī Burhān ad-dīn 'Abd al-'Azīz b. 'Umar b. Māza [JM 2: 437] and 'Alā' ad-dīn al-Ḥamāmī.
- I. 42. Najm al-a'imma al-Ḥakīmī ($6^{th}/12^{th}$ century; $\underline{n\bar{u}n}$ - $\underline{\bar{n}m}$) [JM 4: 441]. He studied under Qāḍīkhān.
- I. 43. Burhān Kāthī ($\underline{b}\bar{a}-k\bar{a}\underline{f}$) [JM 4: 292]. Kāth was a town in Khwarazm⁴.
 - I. 44. 'Alā' ad-dīn al-Ḥamāmī (<u>'ain-Hā</u>) [JM № 2093].
- I. 45. Shihāb al-a'imma al-Imāmī ($\underline{sh\bar{n}-h\bar{a}}$) [JM 4: 402-3]. Died in 536/1141-2. He is author of Fatāwā al-Imāmī [KZ 2: 1224].
- I. 46. Qādī 'Abd al-Jabbār ($q\bar{a}f$ -'ain). Hajji Khalifa mentions his $Am\bar{a}t\bar{i}$ [KZ 1: 165]. He died in 415/1024.
- I. 47. Qāḍī Jalāl ad-dīn (<u>rīm-lām</u>) [JM 4: 423]. He could well be Jalāl ad-din MaḤmūd al-Usrūshanī (d. after Ṣafar 616 / May 1219), author of Tajnīs al-Multagat [KZ 2: 1813].
- I. 48. Yūsuf b. MuḤammad at-Tarjumānī aṣ-ṣaghīr (yā-tā) [YD folio 256v]. He died on Tuesday, 29. Rajab 539 / 25.1.1145.
- I. 49. Zāhidī mentions a certain Burhān at-Tarjumānī with <u>ba-ta</u>. He might be 'Alā' ad-dīn MuḤammad b. MaḤmūd at-Tarjumānī al-Makkī al-Khwārazmī (<u>'ain-ta-jim</u>, d. 645/1247).

At-Tarjum**a**n**ī** is author of Yatīmat ad-dahr fi-fat**a**w**a** ahl al-'asr (ya-fa).

He is apart from Burhān ṢāliḤ Tarjumānī ($\underline{b}\bar{a}$ - $\underline{s}\bar{a}\underline{d}$) [QM Sofia MS f. 1a].

- I. 50. Sufyān ath-Thawrī (\underline{tha} - \underline{waw}), d. 97/161.
- I. 51. Şadr al-qu $d\bar{a}t$ al-im $\bar{a}m$ al-' \bar{a} lim ($\underline{s}\bar{a}d$ - $q\bar{a}f$). He is athor of SharH al-J \bar{a} mi' aş-şagh $\bar{i}r$ [KZ 1: 562].
- I. 52. Rukn Kharābī ($k\bar{a}f-kh\bar{a}$). Kharāb is a name of flourishing village in Khwarazm⁵.
 - I. 53. 'Aṭā' b. Ḥamza as-Sughdī (<u>'ain-ta</u>).
- I. 54. 'Alā' ad-dīn Sadīd b. MuḤammad al-Khayyāṭī (<u>'ain-khā</u>) [JM 2: 131; 4: 198]. He studied under Fakhr al-mashāyikh 'Alī b. MuḤammad al-'Imrānī JM 2: 613. It's unclear whether he is identical with Majd al-a'imma al-Khayyāṭī (<u>mīm-jīm-khā</u>).

Khayyāṭī was son-in-law of 'Ain al-a'imma al-Karābīsī.

- I. 55. Abū Ja'far MuḤammad b. 'Amr al-Ustrūshanī (<u>fā-jīm</u>) [JM 3: 294]. He was known as *al-faqīh* Abū Ja'far⁶. He has written al-Kifāya (<u>kā</u>f).
- I. 56. Abū 'Abdullāh MuḤammad b. 'Abd ar-Rahmān al-Bukhārī, al-'Alā' az- $z\bar{a}hid$ (d. 12. Jumādā II 546/26.9.1151, 'ain- $z\bar{a}$) [JM 3: 214].

¹ Sam'anī, al-Ansāb (India edition)4:76-7.

Al-'Ajamī, Dhail Lubb al-lubāb, p. 235.

³ Sobranije Vostochnyh Rukopisej (Tashkent) 4: 272. This manuscript is important to shed more light into the history of development of Hanafite law in Khwarazm. It consists of 78 folios, and is copied in Şafar 733/November 1332.

Yāqūt, Muʻjam al-buldān, 4: 427.

Adh-Dhahabī, al-Mushtabah, 158

Majmaʻ al-fatāwā's author used his full name «*al-faqīh* Abū Jaʻfar al-Ustrūshanī' — Cyril and Methodius Library (Sofia) MS OR979, f. 2r

He opposed aş-Şadr ash-shahīd when the latter returned from Khurasan to Bukhara¹.

- I. 57. Abū 'Alī al-Ḥasan b. 'Abd al-Malik an-Nasafī, $q\bar{a}d\bar{1}$ $al-im\bar{a}m$ (d. 22 Jumada II 487/9.7.1094; ' $ain-n\bar{u}n$) [JM 2: 68].
- I. 58. Zāhidī used $q\bar{a}f$ - $d\bar{a}d$ - $m\bar{i}m$ for $Q\bar{a}d\bar{i}$ al-qu $d\bar{a}t$ al-mutakallim.
- I. 59. 'Alā' ad-dīn at-Tājirī ('ain-ta). Al-Qurashi restricted himself to referring to Qunya [JM 4: 162].

No information could be found on these four jurisprudents:

- I. 60. 'Alā ad-din Sa'dī (<u>'ain-sīn</u>).
- I. 61. 'Umar al-Ḥāfiẓ ('ain-Hā)
- I. 62. 'Abd ar-Rahīm al-Khutanī (<u>'ain-Ḥā-khā</u>).
- I. 63. МиḤassin (<u>mim-Ḥā</u>).

As to books:

- II. 1. al-Jāmi' al-kabīr $(\underline{i}\underline{m}-k\underline{a}\underline{f})$ was written by different authors. The most famous among them is MuḤammad ash-Shaibānī.
- II. 2. Al-Muntaqā fi furūʻ al-Ḥanafīya (<u>mīm</u>) was written by Abu-l-Faḍl MuḤammad b. MuḤammad al-Marwazī *al-*Ḥā*kim ash-shahīd* (d. Rabīʻ I 334/October 945) [JM 3: 313-5].
- II. 3. Nazm al-fiqh (<u>nūn-za</u>) belongs to the *qalam* of a Bukharan jurist and theologian 'Alī b. Yahyā az-Zandawīsatī (d. 399/1008) [KZ 2: 621–2; 4: 222].
- II. 4. SharḤ Sarakhsī (<u>shīn-sīn</u>) is a commentary to as-Siyar al-kabīr by Shams al-a'imma Abū Bakr MuḤammad b. Abī Sahl as-Sarakhsī (d. 483/1090) [KZ 2: 1014].
- II. 5. Fatāwā al-Faḍlī ($f\bar{a}$ -dād) belongs to Abū 'Amr 'Uthmān b. Ibrāhīm b. MuḤammad al-Faḍlī an-Nasalī (d. 508/1114) [JM 4: 279-80].
- II. 6. al-Ajnās wa-l-furūq $(\underline{n}\underline{m}-\underline{s}\underline{n})$ is written by Abu-l-'Abbās AḤmad b. MuḤammad an-Nāṭifī (d. 446/1054) [JM 1: 297-8]. He is the author of the following works as well: Wāqi'āt an- Nāṭifī $(\underline{t}\underline{a})$ and ar-Rawḍa $(\underline{r}\underline{a})$.
- II. 7. Khizānat al-akmal $(\underline{kh\bar{a}}-k\bar{a}\underline{f})^2$. In Islamologist literature it is frequently attributed to al-Jurjānī (d. 552/1128).
- II. 8. TuḤfat al-fuqahā' ($\underline{t}\bar{a}$ - $\underline{H}\bar{a}$) belongs to the qalam of 'Alā' ad-dīn as-Samarqandī [JM 3: 18].
- II. 9. SharḤ al-Ziyādāt ($\underline{sh\bar{\imath}n-z\bar{a}}$) is a commentary to az-Ziyādāt fi furūʻ al-Ḥanafīya of MuḤammad ash-Shaibānī [KZ 2: 962-3]. Since several authors (Qāḍīkhān, 'Attābī etc.) have such titles, we can not identify which one is Zāhidī's source.
- II. 10. Khulāṣat al-Bargharī (*khā-ghain*)³. Al-Bargharī was also author of aṭ-Ṭarīqa [KZ 2: 1113] and Amālī [KZ 1: 165].
- II. 11. Abū Ḥafṣ Najm ad-dīn 'Umar b. MuḤammad an-Nasafī's (d. 537/1142) Fatāwā is marked by $f\bar{a}$ - $n\bar{u}n$.

- II. 12. Ṣalāt al-Jullābī (<u>ṣād-jīm</u>) is written by Abū MuḤammad Ṭāhir al-Jullābī [KZ 2: 1081]. It is frequently cited by different Hanafite authors.
- Jullāb was a town in Amida, present-day Diyarbakir, Turkey.
- II. 13. SharḤ Abī Dharr (*shīn-dhāl*). The book is written by Abū Dharr AḤmad b. MuḤammad as-Saʻīdī (d. 24. Ṣafar 474/3.8.1081) [YD folio 255r]. He studied under Baqqālī in Khwarazm and Halwānī in Bukhara.
- II. 14. al-Fatāwā aṣ-ṣughrā (<u>sād-ghain-rā</u>) [KZ 2: 1224—5]. It is suggested that this book was compiled by aṣ-Ṣadr ash-shahīd while al-Muwaffaq b. MuḤammad al-Khāṣī (d. 634/1236) later revised the text.
- II. 15. al-Aşl fi-l-furū' ($\underline{s}\underline{a}\underline{d}$) is among the main $\underline{z}\underline{a}hir$ $arriw\underline{a}ya$ sources of the Hanafite legal school [KZ 1: 107]. It belongs to the qalam of MuḤammad ash-Shaibanī. The same holds true for az-Ziyādāt ($\underline{z}\underline{a}$).
- II. 16. SharḤ al-Jāmi' al-kabīr (<u>shīn-jīm-kāf</u>) is a commentary on al-Jāmi' al-kabīr of ash-Shaibānī. Since many Hanafite authors wrote these commentaries it is difficult to identify Zāhidī's source.
- II. 17. Fatāwā al-'Attābī ($fa-t\bar{a}$) is a different title for Jāmi' al-fiqh [KZ 1: 567, 2: 1226]. It was compiled by a Bukharan jurisprudent al-'Attābī (d. 586/1190).
- II. 18. Fatāwā al-Kirmānī ($f\bar{a}$ - $k\bar{a}f$) was written by Abu-l-Faḍl b Amīrūya al-Kirmānī (d. 543/1149) [KZ 2: 1220]. He lived temporarily in Khwarazm⁴.
- II. 19. SharḤ al-Irshād (<u>shīn-dāl</u>). It might be a commentary on al-Irshād by Abū Ḥāmid MuḤammad al-'Amīdī as-Samarqandī (d. 615/1218) [KZ 2: 1224].
- II. 20. Fatāwā Ṣāʻid $(\underline{fa}-\underline{ṣ}\bar{a}\underline{d})$ [JM 2: 269] is presumably another work by Ṣāʻid b. Manṣūr al-Kirmānī $(6^{th}/12^{th}$ century), author of al-Ajnās [KZ 1: 11].
- II. 21. Fatāwā al-'aṣr of 'Alī as-Sughdī ($f\bar{a}$ -ghain). Abu-l-Ḥasan 'Alī b. al-Ḥusain as-Sughdī (d. 461/1069) has written an-Nutaf fi-l-fatāwā [JM 2: 567]. No source tells about his Fatāwā al-'aṣr.
- II. 22. Rukn al-a'imma aş-Şabbāghī ($\underline{k\bar{a}f}$ - $\underline{s\bar{a}d}$) wrote SharḤ Mukhtaṣar al-Qudūrī ($\underline{sh\bar{n}n}$ - $\underline{s\bar{a}d}$) [JM 2: 456; KZ 2: 1634].
- II. 23. Fatāwā as-Samarqandī (<u>fā-sīn</u>) is written by MuḤammad b. al-Walīd as-Samarqandī [10th century; JM 3: 390; KZ 2: 1224]. He might also have his Majmūʻa (<u>sīn</u>). Al-Jāmiʻ al-aṣghar (<u>alif-ṣād-ghain-rā</u>) also belongs to him [KZ 1: 535].
- II. 24. SharḤ az-Ziyādāt. $\underline{Sh\bar{\imath}n-z\bar{a}}$ has been used to mark three sources interchangeably.
- II. 25. al-Ikhtiyār ($\underline{alif-kh\bar{a}-t\bar{a}-r\bar{a}}$). This can not be al-Ikhtiyār li-talīl al-Mukhtar of al-Mawsīlī (d. 683/1284).

ibid. f. 215v. 18.

² TDV İslâm Ansiklopedisi 18: 180-2.

In YD the copyist mentions 'Abd as-Salām al-Gharbawī who taught in the mosque of al-'Amīrī in Khwarazm. This Gharbawī was a Khwarezmian jurisprudent and lived in the 6th / 12th century.

Kardarī, Manāqib Abī Ḥanīfa, 297.

II. 26. Jam' al-'ulūm (<u>jīm-'ain</u>). Probably belongs to Ṣadr al-islām [YD f. 257v. 17].

The following three sources could not be identified through available sources to me:

- II. 27. al-Fatāwā al-bukhārīya (<u>bā-khā</u>).
- II. 28. Jāmi' al-Bukhārī (<u>jīm-rā</u>).

II. 29. Fatāwā Bukhārī (<u>fā-bā-khā</u>).

Princeton copy has four other abbreviations which could not be found in other available manuscripts. They are: Lama'āt al-fiqh ($l\bar{a}m-m\bar{\imath}m$), Ghiyāth al-muftīyīn ($ghain-n\bar{\imath}n-m\bar{\imath}m$), al-Ghunya ($ghain-n\bar{\imath}n-y\bar{\imath}a$), and Daqā'iq al-asrār ($d\bar{\imath}al-s\bar{\imath}n$).

References:

- 1. JM = al-Jawāhir al-muḍīya fi ṭabaqāt al-ḥanafīya. Edited by 'Abd al-Fattāḥ al-Ḥulw. Volumes 1-5. Jiza: Dar al-hijr, 1993.
- 2. KZ = Kashf az-zunūn 'an asāmī al-kutub wa-l-funūn. Edited by Yaltkaya. Volumes 1–2. Istanbul, 1941–43.
- 3. YD = Yatīmat ad-dahr fī fatāwā ahl al-'aṣr Azhar library 2119 khāṣṣ, 26958 'āmm.
- 4. Qunyat al-munya. Princeton University MS, Garrett 629. New Jersey, USA.
- 5. Qunyat al-munya. Bayerischer Staatsbibliothek MS Cod. arab. 288. München, Germany.
- 6. Qunyat al-munya. Cyril and Methodius National Library MS 1438. Sofia, Bulgaria.

4. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН И ЯВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Движение «Сокол» в контексте русской эмиграции в Латвии в 20–30-х годах XX века

Гусаченко Андрей Сергеевич, магистрант Латвийский университет (г. Рига)

Феномен русской эмиграции

Исход русских начался сразу после захвата власти большевиками в ноябре 1917 года. Это были отступавшие части Белой армии и гражданское население, опасавшееся за свою жизнь в случае, если окажутся под властью большевиков. По несколько заниженным данным Лиги Наций Россию покинуло 1160000 человек. Кроме того на территории новообразованных, стран, в Чехословакии, Румынии, Польше, Финляндии и Балтийских государствах, проживало около 1500000 человек, что вместе с эмигрантами и беженцами из России равнялось примерно 3 миллионам. 1

Политические изгнанники свято верили в скорое и неизбежное крушение большевистской диктатуры, поэтому свое пребывание на чужбине воспринимали как временное неудобство, которое нужно переждать, сохраняя силы для возвращения и восстановления поруганной Родины. По словам М. Раева, «они жили, что называется, на чемоданах» [1] и по этой причине совершенно не желали интегрироваться в общество стран проживания даже в тех странах, где это было сравнительно легко как, например, в Королевстве Сербов, Словенцев и Хорватов, предтечи Югославии.

Эмиграция первой волны разительно отличалась от общепринятого восприятия сути данного понятия, это была духовная миссия, нацеленная на сохранение традиций и целостности русской культуры независимо от того, удастся ли вернуться, либо придется умереть в изгнании. Этим и отличался характер русской эмиграции, не ставивший самоцелью поиск лучшей доли. [2, с. 14–15]

В европейском контексте расселения эмиграции обозначилась заметная тенденция: во Франции концентрировалась аристократия и политическая интеллигенция, на

Балканах расположился военный контингент, а Чехословакия отличалась широко представленной русской академической интеллигенцией.

Русское Зарубежье сохранило всю палитру политического мира дореволюционной России. Пестрое сборище эсеров, монархистов, меньшевиков, кадетов и прочих политических течений даже в изгнании не могло образовать хоть сколько-нибудь объединенное движение, к тому же партии раздирали внутренние распри, что дополняло картину хаоса. Впрочем, политическая жизнь мало волновала большую часть эмиграции, оставившую этот удел интеллигенции и бывшему офицерству. Лелеемые партиями надежды влияния на «русскую политику» стран проживания достаточно быстро показали свою несостоятельность, равно как и грезы о продолжении вооруженной интервенции. [2, с. 20]

Положение эвакуировавшихся вооруженных сил метко характеризовало выражение бывшего главнокомандующего Русской армии, барона П. Н. Врангеля: «военные лишь на время сменили шашку на лопату и винтовку на плуг», то есть, по аналогии с гражданской эмиграцией, расценивали свое пребывание в изгнании как временный тактический маневр, передышку между битвами, в ожидании нового наступления. С целью сохранения и объединения военнослужащих в сентябре 1924 года главнокомандующий создал Русский Общевоинский Союз (РОВС) с отделами во всех странах компактного проживания русского населения. [3]

Наиболее дружественными странами, приютившими 200-тысячный русский военный контингент, оказались славянские государства Балканского полуострова. Правительство Королевства Сербов Словенцев и Хорватов не только признало воинские звания, дипломы и аттестаты, но и попыталось оказать материальную поддержку,

Данные любезно предоставлены специалистом истории Русского зарубежья, известным журналистом, из-дателем, скаутмастером и членом движения "Сокол" Ростиславом Владимировичем Полчаниновым. По его информации, часто упоминаемое, завышенное число русских в Польше (около 5 миллионов) получилось с лёгкой руки профессора Ковалевского который назвал эту цифру основываясь на данных польской переписи 1921 г. Ошибка произошла из-за незнания польского языка. В статистике было сказано, что в Польше проживает 5 миллионов "русинов", т.е украинцев и других жителей славянского происхождения.

Подробнее о Р.В. Полчанинове: http://www.pravmir.ru/rostislav-polchaninov-ya-ros-mechtoy-o-rossii/

что было неимоверно тяжело в условиях послевоенной разрухи. [2, с. 26] Военным пришлось решать проблему трудоустройства, что было сопряжено с большими трудностями, так как реализовать свои профессиональные навыки практически не представлялось возможным, а работа чернорабочего, шахтера или официанта зачастую приводила офицеров в состояние глубочайшей депрессии и, как следствие, к деградации, вплоть до самоубийства. В этом плане маломальской отдушиной послужило предложение французского правительства о вступлении в Иностранный Легион. В течение только первой половины 20-х годов в легион вступило свыше 15 тысяч русских военнослужащих. [4]

Ключевым моментом духовного аспекта эмиграции являлась Православная церковь. Как никогда остро православие ассоциировалось с символом России, ее духовных традиций, вера была источником утешения и вдохновения, а учение Православной церкви помогало пережить невзгоды и лишения, сопряженные с вынужденным изгнанием. [5] Оказавшись за рубежом, Русская Православная Церковь не только продолжила, но даже расширила миссионерскую деятельность. Только на Балканы эмигрировало свыше тысячи священнослужителей, в том числе более сорока архиереев. Русское духовенство играло весомую роль в общей религиозной жизни Восточной Европы. Оно отличалось активной деятельностью и зачастую выступало инициатором многих ключевых духовных начинаний: возрождению монашества, созданию духовных учебных заведений, развитию богословской науки и т. д. [6]

Несмотря на удаленность и изолированность, православная церковь в эмиграции находилась в подчинении Московского Патриархата, но уже через несколько лет наметились определенные разногласия, виной которых было давление Советской власти на Патриархат. Со временем трения усиливались, и в 1927 году произошел раскол, который стимулировала «Декларация 1927 года о лояльности к советской власти», изданная местоблюстителем патриаршего престола Сергием (Старогородским). В результате русская православная церковь в эмиграции разделилась на:

- 1) Русскую Православную Зарубежную Церковь
- 2) Западно-Европейскую епархию Московской Патриархии

Русская Православная Зарубежная Церковь заняла непримиримую позицию по отношению к Московскому патриархату. Западно-Европейская епархия Московской Патриархии в 1931 году вышла из юрисдикции последней и перешла в подчинение Константинопольской Патриархии. [7]

Несмотря на мощнейший поток эмиграции, в Советской России по-прежнему проживало достаточно большое количество творческой интеллигенции, не входившей в категорию «идеологических врагов номер один», поэтому терпимое властью при соблюдении определенных условий. Однако в 1922 году этот «недочет» был устранен путем

принудительной и безвозвратной ссылки «контрреволюционной интеллигенции». В течение нескольких месяцев из Петрограда в Штеттин, из Москвы в Ригу, а также из Одессы в Константинополь были высланы 160 деятелей философии, литературы, духовной среды, экономики, а также врачи, студенты и прочие представители творческой интеллигенции. Среди них оказались Николай Бердяев, Михаил Новиков, Иван Ильин, Сергей Трубецкой, Иван Шмелев и множество других ярких представителей интеллигенции. Так как наиболее знаменательными были депортации из Петрограда, осуществляемые на судах, при наличии большого скопления ссыльных философов этот проект Советской власти вошел в историю под названием «Философский Пароход». [8]

Как упоминалось выше, наиболее выразительно русская академическая эмиграция проявилась в Чехословакии, где правительство во главе с президентом Томашем Масариком успешно реализовало компанию «Русская акция». Под эгидой Карлова Университета в Праге был создан Русский юридический факультет, открылся ряд учебных заведений: Педагогический институт, Русский институт коммерческих знаний, Институт сельскохозяйственной кооперации, Высшее училище техников путей сообщения, Русский народный университет. Кроме того, правительство позаботилось и о русских студентах, учредив для этих целей 2000 государственных стипендий.

Русское академическое общество в Чехословакии отличалось замечательным профессорско-преподавательским составом, ядро которого образовывал ряд видных деятелей высших учебных заведений России. Среди них ссыльные «философского парохода» историк А.А. Кизеветтер, экономист С.Н. Прокопович, философ Н.О. Лосский, юрист П.И. Новгородцев, эмигрировавшие ранее историки Н.П. Кондаков и В.А. Мякотин, философ В.В. Зеньковским и многие другие. Помимо Чехословакии, в меньших размерах академическая деятельность имела место во Франции, Германии, Югославии, Болгарии, Латвии, а также в Маньчжурии. [9]

Желание сохранить национальную целостность, культуру, традиции и самосознание доминировало в сознании родителей, оказавшихся в эмиграции. По этой причине больше всего они страшились «денационализации», представлявшей реальную угрозу молодому поколению. По словам Николая Бердяева: «Русской эмигрантской молодежи выпала несчастная доля, и не по ее вине. Судьба ее трагична. Быть оторванным от родины — великое несчастье. Оторванность эта калечит человеческую душу, лишает ее нормального источника питания. Эта молодежь обречена на незнание России, на очень малый объем опыта о России. Но чем меньше она Россию знает, чем дальше от нее отстоит, тем более страстно о ней мечтает. Любовь в разлуке есть особенно напряженная любовь.» [10]

Исходя из вышеупомянутого, национальному воспитанию подрастающего поколения уделялось особое внимание, к тому же не только в рамках школьного обучения, но и вне школы и (или) работы. Проживая в России, по

понятным причинам, не возникало острой нужды консолидации молодежи с акцентом на национальную принадлежность, однако находясь в среде абсолютно чуждой, ситуация кардинально поменялась, актуализировалась угрюмая перспектива скорой ассимиляции, растворения и утраты национальной идентификации. Как никогда остро возникла необходимость объединения эмигрантской молодежи для национально-ориентированного, духовного и физического развития с надлежащим акцентированием принадлежности к русской культуре, что было возможно только под эгидой компетентных руководителей, состоящих в соответственных молодежных организациях с определенной идеологией.

Часть молодежных организаций являлась продолжением обществ, существовавших в дореволюционной России, часть была образована заново, по примеру других эмигрантских организаций. По аналогии с эмиграцией молодежным организациям были присущи идеологические и структурные различия, однако, несмотря на субъективные особенности, можно выделить несколько общих идеологических целей характерных данным организациям:

- гармоничное развитие молодежи в условиях эмиграции
 - активное противостояние денационализации
- физическое, духовное и патриотическое воспитание молодого поколения для возрождения России после падения Советской власти [11, 12, 13]

По способам достижения установленных идеологических целей наиболее заметные организации можно разделить на следующие категории:

- 1) организации физического и довоенного воспитания
- 2) национально-политические организации
- 3) студенческие организации
- 4) организации религиозного воспитания
- 5) военизированные, радикальные организации [14, 15, 16]

Русское население межвоенной Латвии

В преддверии Первой мировой войны русское население составляло 12% (300 тысяч человек) от общего числа жителей Латвии и являлось второй по численности национальностью. [17] Первая мировая и последовавшая за ней Гражданская война значительно сократили численность населения Латвии. В результате в 1920 году русское население составляло уже только 124746 человек. Сокращение населения произошло за счет мобилизованных в армию мужчин, эвакуированного в Россию персонала и администрации промышленной индустрии, чиновников, интеллигенции, то есть наиболее активной в общественно-культурном и экономическом плане части населения. В результате подавляющее большинство русских межвоенной Латвии принадлежали к малоимущим слоям населения, что было причиной пассивности в политическом, культурном и общественном плане. Более 2/3 русского населения проживали в Латгалии (Восточная Латвия).

Вторым по численности местом концентрации русского населения была Рига, в которой в 1930 году проживало 14,72% всего русского населения Латвии. [5] По данным четвертой переписи населения 1935 года, русское население составляло 2064999 человек, из которых 75.18% занималось сельскохозяйственной деятельностью, проживая в сельской провинции, 11.1% работали в промышленной отрасли. В этом плане русское меньшинство занимало первое и последние место среди всего населения республики. [18]

Подавляющее большинство русского населения Латвии составляло крестьянское население Латгалии, как правило, весьма малограмотное. В 20-х годах более $50\,\%$ русских детей в сельской местности не посещали школу, а остальные $50\,\%$ едва заканчивали четырехлетнюю школу, нередко бросая ее через несколько лет обучения.

Консолидации русского населения мешал целый ряд факторов, среди которых доминировали:

- 1) разделение на латвийских подданных и эмигрантов
- 2) разделение по конфессиональной принадлежности
- 3) деление по политическим убеждениям

В 1925 году 5,79% русского населения не имело подданства и, несмотря на этническую принадлежность, местное население далеко не стремилось встречать своих соотечественников с распростертыми объятиями. Сказывались и конфессиональные отличия, 50,09% являлись православными, 48,33% староверами. В памяти последних еще живы были картины притеснений царского режима, а православная церковь ассоциировалась с государственной институцией. Существенные разногласия имели место и в политическом плане, где существовало деление на «правых» (так называемых «монархистов») и «левых» (социал-демократов, коммунистов и «февралистов»).

Кроме того, существовали и социальные разногласия. Процент состоятельных людей среди русского населения был очень низок, а средний слой редко солидаризировался с малообразованными крестьянами и рабочими. В свою очередь преобладавшее крестьянское население мало интересовалось национально-культурными проблемами, и политическая деятельность русских партий была им практически безразлична, поэтому на выборах они предпочитали голосовать за латышские партии, представляющие сельскохозяйственные интересы. [5]

Правительство Латвийской Республики не чинило особых преград на пути к натурализации. Латвийское подданство могли получить родившиеся на территории Латвии до 1914 или до 1881 года, а также потомки проживавших лиц. Кроме того, подданство полагалось лицам, прожившим на территории Латвии не менее 5 лет после 1919 года. [19] Однако эмигранты не стремились к обладанию подданством и часто воспринимали Латвию как страну временного вынужденного пребывания (которая будет оставлена после скорого и непременного падения коммунизма в России), но и как перевалочный пункт на пути к эмигрантским центрам в Западной Европе.

Особо проблематичным и неоднородным являлся политический аспект русского населения. Находясь в статусе правящей нации российской империи, после краха последней русская общественность новообразованных лимитрофных стран столкнулась с проблемой абсолютной неподготовленности к политической организации для защиты своих прав. По словам видного русского общественного деятеля Н. Н. Бордоноса, «русскую общественность здесь можно уподобить ребенку, которому сначала пеленали ноги, а затем, хотя и развязали, но стали носить на руках. Укрепиться на своих ногах ему не пришлось. В таком состоянии хилости застал русских весною 1917 года государственный переворот.» [20 В отличие от русского населения, другие национальности, будучи на протяжении веков национальными меньшинствами, имели вековые традиции политических и общественных организаций, поэтому в контексте новообразованного государства они смогли достаточно успешно реорганизоваться и реализовать свой опыт политической деятельности. Всего в межвоенный период образовалось 5 русских партий, для сравнения у немцев было 15 партий, евреи организовали 9, а латыши — 32 партии. Вплоть до советской оккупации велись постоянные дебаты об образовании общей русской фракции, но на практике эти замыслы не увенчались успехом. [21]

В правовом отношении наиболее благоприятным для русского меньшинства являлся период парламентарной республики, длившийся до 15 мая 1934 года. Более благоприятные условия в контексте лимитрофных государств были только в Эстонии. Русский язык был одним из официальных языков сейма, в государственных школах существовала возможность образования на родном языке, эмигрировавшие из России профессора Латвийского Университета Випер Р. и Синайский В. в течение 10 лет читали лекции на русском. [2] Ситуация изменилась в негативную сторону после установления диктатуры Карлиса Ульманиса 15 мая 1934 года, когда в политике правительства появились отчетливые националистические и антименьшинственные тенденции. [22]

В культурном плане Рига отличалась насыщенной жизнью. В столице работал единственный постоянно действующий театр русского зарубежья, где выступали А. Н. Вертинский, Н. С. Барабанов, М. А. Ведринская, гастролировал Федор Шяляпин. В столице выступали такие столпы русской философии и литературы, как Н. А. Бердяев, И. А Ильин, И. А. Бунин. [2, с. 11—12, 300]

Война и следующие за тем события разрушительно повлияли на положение Православной церкви в Латвии. Не хватало священников, многие храмы были разрушены, часть церквей захватили другие христианские конфессии или государственные инстанции, но, что самое главное, у латвийской паствы не было верховного пастыря. По словам Антония Поммера, «с православными в 1920 году правительство обошлось как победитель с побежденными и их имуществом. Рижский кафедральный собор «разыгрывали в кости», предлагая отдать его люте-

ранам, превратить в пантеон, либо совсем снести.» [23] Православную церковь в Латвии зачастую ассоциировали с проекцией влияния Москвы, в прессе именуя кафедральный собор Рождества Христова «Русским сапогом в сердце Риги». Ситуация заметно улучшилась, когда 1921 году из России вернулся архиепископ Иоанн (Поммер) (окормлявший пензенскую епархию). Имея за плечами недюжинный опыт и зачастую находясь в смертельной опасности под гнетом Советской власти, архиепископ Иоанн целеустремленно начал борьбу не только за правовой аспект латвийской Православной церкви, но и за права русскоязычного населения в целом. Став депутатом сейма, в 1926 году его усилия увенчались успехом, и Православная церковь наконец обрела юридическую стабильность. Однако работа архиепископа и в дальнейшем проходила в постоянном напряжении и в атмосфере нескрываемой ненависти его политических оппонентов, что завершилось трагической смертью архипастыря осенью 1934 года архиепископ Иоанн был зверски убит у себя на даче. [2, с. 121-134]

В начале 20-х годов в Латвии работало несколько десятков русских обществ, среди них были как общества, возникшие еще во время Российской империи, так и новые, созданные в независимой республике. Несмотря на концентрацию интеллигенции в столице, русская общественная жизнь не ограничивалась Ригой. Общества были созданы почти всюду, где компактно проживало русское население. В большинстве своем общества носили культурно-просветительный, благотворительный и профессиональный характер.

После установления авторитарного режима Карлиса Ульманиса ситуация кардинально изменилась в худшую сторону. В первую очередь были закрыты организации с определенными политическим целями, остальные общества (для более удобного контроля) подлежали перерегистрации, объединению или закрытию. За деятельностью организаций пристально следила политическая полиция. [22] В результате из 142 организаций в 1939 году осталось только 40. [5]

Несмотря на многочисленность русских обществ в Латвии, в реальности ситуация была не настолько оптимистичной — часть организаций существовала лишь номинально, другая часть практически не функционировала, зачастую одни и те же лица занимали должности в разных организациях. [22]

Деятельность организаций «Сокол» в межвоенной Латвии

Как элемент активной общественной жизни, в межвоенной Латвии действовала целая плеяда русских молодежных организаций. Несмотря на разнородную деятельность и идеологические особенности, можно определить общие цели организаций, среди которых доминировали следующие задачи:

— объединение русской молодежи

- физическое и моральное развитие молодежи
- сохранение и развитие национальной принадлежности, традиций, религии, культуры

Учитывая вышеупомянутые особенности (в том числе только номинальное существование обществ и их недолговечность), в Латвии действовали следующие наиболее заметные категории молодежных организаций:

- 1) организации физического и довоенного воспитания
- 2) национально-политические организации
- 3) студенческие организации
- 4) организации абитуриентов
- 5) организации религиозного воспитания
- 6) культурные организации [24, 22, 25]

В рамках тематики статьи актуальна категория организаций физического и довоенного воспитания, наиболее яркими из которых являлись организации движения «Сокол».

Учитывая исторические, этнические и культурные особенности Латвии, ассимиляция не представляла остро выраженной угрозы молодому поколению русского меньшинства, поэтому организации межвоенной Латвии не акцентировали повышенное внимание на факторе сопротивления денационализации в такой степени, как это делали их соотечественники за рубежом, где это было обусловлено необходимостью сохранения национальной идентичности во избежание растворения в среде чуждой национальной культуры. В официальных уставах русских молодежных организаций Латвии не найти характерных эмиграции идеологических элементов восстановления Российской империи и свержения большевизма, что также обусловлено местными особенностями. Власти молодого независимого латвийского государства весьма чутко и болезненно реагировали на проявления реставрации «Великой и Неделимой», подразумевавшего инкорпорацию Латвии в состав восстановленной империи, а учитывая потенциальные угрозы, исходящие из Советского союза, правительство старалось всеми силами опровергнуть наличие организаций, ставивших своими целями свержение существующего строя в России.

Особое место среди русских молодежных организаций Зарубежной России занимали общества движения «Сокол», которые являлись наиболее популярными молодежными организациями не только в Латвии, но и во всех странах компактного проживающего русского населения. [26]

Первая организация «Сокол» была основана в 1862 году в Праге доктором философии Мирославом Тиршем (Miroslav Tyrš) и Индрихом Фигнером (Jindřich Fugner). Организация являлась своего рода национальным противовесом политике онемечивания, насаждаемой Австро-Венгерским правительством. Краеугольными камнями идеологии новоиспеченной организации было объединение, а также моральное, духовное и физиче-

ское развитие чешской молодежи. Для достижения поставленных целей физического плана была разработана специальная система упражнений, а в образовательном отношении проводились лекции и занятия, направленные на акцентирование национальной идентичности, культуры и истории. В короткий срок движение обрело широкую популярность не только в чешской национальной среде, но и распространилось в Словении, Сербии, Хорватии, Галиции и других европейских странах со славянским населением. По мере распространения — параллельно вышеупомянутым идеологическим координатам — характер движения приобретал заметный оттенок панславизма, что только придавало ему популярности в славянской среде. [27]

В конце 19 века движение пришло в Российскую империю, а первое официальное сокольское общество было основано в 1900 году в Тбилиси. Победное шествие популярности сокольства началось после удручившего народный дух поражения в русско-японской войне и революции 1905 года, когда идеология движения пришлась как нельзя кстати. Особо ясно это осознал Столыпин П.И., который вступил в организацию вместе с сыном. Позже к ним примкнула целая вереница именитых особ. Более того, организациям покровительствовал сам Государь император.

Первая мировая война затормозила развитие движения и деятельность организаций, многие руководители ушли добровольцами на фронт (во время гражданская войны поддержав Белое движение), а последующая эвакуация вооруженных сил и эмиграция населения положили начало зарубежной деятельности русских сокольских организаций.

Участие видных деятелей сокольских организаций в рядах белогвардейских армий, а также их открытая неприязнь к большевистской диктатуре определили отношение новоиспеченного советского правительства к движению — в 1923 году постановлением Радека К. Б. и Бухарина Н. И. деятельность «буржуазных и контрреволюционных организаций» «Сокол» на территории Советского Союза была запрещена. [28]

Первое русское сокольское общество за рубежом — «Русский Сокол в Праге» — было открыто в 1921 году. Спустя год был основан «Русский Сокол в Земуне» в Королевстве Сербов Хорватов и Словенцев, затем в 1923 году в Праге основали Эмигрантский Союз Русского Сокольства за границей (позже переименованный в Союз Русского Сокольства), и вскоре СРС был принят в Союз Славянского Сокольства. [15, с. 5—9]

В 1926 году была разработана структура Краевых союзов, (по странам) с не менее 3 обществами и являющимися образующими элементами СРС. 1

Во второй половине 20-х годов внутри Союза начались разногласия, в 1929 году переросшие в открытый конфликт.

¹ По информации предоставленной Р.В. Полчаниновым.

Катализатором конфликта послужила сомнительная деятельность пражского центра по утверждению нового устава СРС, составленного с нарушениями принципов союза, что вызвало бурю недовольства в Югославском Краевом Союзе, к тому же ходили слухи о тайных сношениях пражского центра с советским посольством, что было абсолютно неприемлемо для югославских организаций, управляемых офицерами из Русского Общевоинского Союза (РОВС). В результате русское сокольство раскололось, образовав два союза с центрами в Праге и Белграде.

В 1932 году был проведен референдум, по итогам которого центр СРС был перенесен в Белград под управлениям полковника Р.К. Дрейлинга. В результате львиная часть организаций перешла в подчинение белградскому центру, а за Прагой остались несколько обществ из Чехословакии, Франции и Латвии.

Оба центра имели значительные идеологические отличия — белградский центр, в противовес политически умеренной Праге, занимал (характерную русской эмиграции на Балканах) выраженную антисоветскую позицию с военизированным акцентом, что определило характер будущей деятельности организаций, находящихся в подчинении Союза. [11]

Структура организаций «Сокол» строилась по принципу пирамиды, основание которой образовывали общества. Новообразованному обществу назначался испытательный срок — 6 месяцев, по прошествии которого оценивалась жизнеспособность общества. Обществу вменялось в обязанность содержание помещения для проведения собраний, спортзала для занятий гимнастикой и учебных классов.

В обществе существовали градации членов по возрастному признаку:

- соколята (школьники) от 6 до 14 лет,
- соколы, соколки (подростки) от 14 до 18 лет
- соколы, соколки (взрослые) от 18 лет

Существовала сокольская терминология, в которой общество, набиравшее более 22 человек называлось сокольней, общество численностью менее 22 человек, гнездом.

Существовала сокольская терминология, в которой общество называлось «сокольней», а филиал сокольни — «гнездом». Братскую сущность организации подчеркивал характер дружественного обращения между членами организации как «брат» и «сестра».

Существовало также особое сокольское приветствие, которое отличалось в зависимости от национальной специфики, в русском союзе, как правило, им являлось: «Здорово!», в Латвии же — «Будь Здрав!» [2] Сокольские организации имели целый ряд лозунгов, а также девиз: «В мышцах сила! В сердце отвага! В мыслях Родина!»

Определенное количество обществ (от 10 до 140) образовывало области, которые, в свою очередь, собирались

в союзы. Союзы являлись высшим административным началом, увенчивающим образную структурную пирамиду.

По схожим принципам работали все пять сокольских союзов, входящих в Союз Славянского Сокольства, а именно:

- 1) Союз Русского Сокольства (СРС)
- 2) Союз Чехословацкого Сокольства
- 3) Союз Сокола Королевства Югославии
- 4) Союз Польского Сокольства
- 5) Союз Болгарских Юнаков
- 6) Сокольский союз лужицких сербов

Управление Союзом Славянского Сокольства осуществлял президиум, образуемый представителями каждого из пяти союзов. Работа президиума осуществлялась по определенному регламенту на выборной основе.

Парадоксально, но в Латвии основоположниками славянского сокольского движения были латыши, основавшие в 1921 году организацию «Latvijas Vanagi» (Латвияс Ванаги, Латвийские Ястребы). Многие из основателей являлись участниками недавно завершившихся военных действий, что отразилось на идеологии общества, где военная, моральная и физическая подготовка чередовались с сокольской гимнастикой по системе М. Тырша. [30] В 1932 году общество участвовало в девятом сокольском слете в Праге и в течение всего существования поддерживало теплые дружеские отношения со славянскими организациями как в Латвии, так и в Европе. [31]

В описываемый период в Латвии действовали два крупных сокольских центра в Риге и Даугавпилсе (Двинске), а также независимое общество в Лиепае. Филиалы (гнезда и сокольни) рижской организации были образованы в Абрене (Яунлатгале, Пыталово) и Елгаве. В подчинении даугавпилсской сокольни находились гнезда в Резекне (Режица), Лудзе (Люцин), Екабпилсе (Якобштадт) и Солостовке.

Первое русское сокольское общество было основано 24 ноября 1928 года в Даугавпилсе, когда несколько членов гимнастического общества «Богатырь» решили положить начало организации на сокольских основах. В роли инициаторов выступили Б. Зубарев, А. Соловьев и С. Василевский. Последний исполнял обязанности секретаря общества «Богатырь» и недавно вернулся из Праги, где закончил техникум, во время учебы состояв в рядах чешского сокольства. На первых порах новоиспеченное сокольское гнездо работало в составе «Богатыря», но в скором времени переехало в собственное помещение с необходимыми спортзалом, классами, библиотекой. [32]

Деятельность организации расширялась, проводились общественные лекции и популяризирующие сокольское движение киносеансы, было издано несколько брошюр, основана секция фехтования, каждое лето устраивались велосипедные соревнования, гимнастические демонстрации, летние лагеря и другие мероприятия.

¹ По информации предоставленной Р.В. Полчаниновым.

В плане духовного воспитания периодически проводились лекции с участием представителей сферы культуры, ветеранов войны и общественных деятелей местного и международного значения. В 1932 году общество посетил широко известный просветитель православной церкви, иеромонах и писатель Иоанн (Шаховский), выступивший с лекцией о духовных и нравственных ценностях. Уезжая, гость подарил обществу образ Святого Георгия Победоносца, являвшегося покровителем многих русских молодежных организаций. [2, с. 12-16] Укоренившейся традицией стали тематические вечера, посвященные русской литературной классике, был основан драматический кружок, летом организовывались экскурсии в Пюхтицкий и Псково-Печерский монастыри, находившиеся на территории Эстонии. Организация регулярно участвовала в «Днях Русской Культуры», проводимых в городах с концентрацией русского населения. Несколько раз в году проводились общественные вечера и лотереи. [2]

Двинские соколы охотно участвовали в памятных мероприятиях в честь освобождения Даугавпилса от большевиков, празднествах независимости Латвийской республики и других национальных торжествах. Организации добровольно взяла на себя обязанности по содержанию и уборке кладбища русских воинов, а также организацию почетного караула во время торжеств, посвященных чествованию павших. [2, с. 4—11] В 1932 году глава общества Б. Зубарев посетил девятый сокольский слет в Праге, где в составе делегации встретился с президентом страны, а также принял участие в возложении цветов на могилу М. Тырша и других торжественных мероприятиях. [2, с. 17]

Успешная общественная деятельность организации попала в поле зрения известных общественных деятелей. Так, в 1932 году архиепископ Иоанн (Поммер) поддержал сокольню, организовав одноразовое пособие для приобретения книг в размере 200 латов из культурного фонда Латвийской Республики. Особое внимание обществу уделял консул Чехословакии, делясь опытом и советами по организации сокольского движения. В октябре 1930 года организация участвовала в открытии рижского общества «Русский Сокол», что было отмечено торжественной службой в кафедральном соборе Рождества Христова. [2, с. 4-11] На протяжении всего дальнейшего существования обе организации питали обоюдные братские отношения, настолько близкие, что «Русский Сокол», внеся незначительные поправки, перенял устав даугавпилсского общества. [33]

В 1933 году были основаны филиалы в Резекне (Режица) под началом Николая Лобовикова. Через несколько месяцев в деревне Солостовка — как попытка развития сокольства в крестьянской среде. В 1934 году было открыто гнездо в Екабпилсе в помещении Русского Образовательного Общества. В 1938 году двинская сокольня насчитывала 210 человек, не считая 147 человек, состоящих в резекненском обществе. [34]

Финансовые поступления организации зиждились на членских взносах, пожертвованиях, доходах от лотерей

и общественных вечеров. На протяжении всего существования организация испытывала постоянные проблемы финансового плана, однако это практически не отражалось на величине членского взноса. Вступительный взнос составлял 1 лат для совершеннолетних, 50 сантимов для подростков и был бесплатным для детей. Ежегодный членский взнос составлял 2 лата для совершеннолетних, 1 лат для подростков и 50 сантимов для детей. [32]

Даугавпилсское русское гимнастическое общество «Сокол» и «Русский Сокол» в Риге юридически находились в подчинении белградского сокольского центра, что определяло схожую структуру уставов организаций. В конце 1938 года в рядах даугавпилсской сокольни находилось 200, а вместе с отделениями — 500 человек. [35]

Целью общества являлось нравственное и физическое развитие в духе идей сокольства. Членами общества могли стать только славяне обеих полов, достигшие 18-летнего возраста (в более поздних уставах с 21 года) и имевшие незапятнанную репутацию. Представители других национальностей могли быть приняты в ряды общества на правах гостей, с правом участия в занятиях и демонстрациях общества, но без права голоса. Претендент на поступление должен был заручиться поддержкой как минимум двух действительных членов общества, а кроме того, был назначен испытательный срок, по успешном прошествии которого претендент сдавал экзамен. Если сдача заканчивалась успешно, претендент приносил присягу и становился действительным членом общества. Действительный член общества обладал правом голоса, мог принимать участие в общем собрании, при достижении совершеннолетия (21 год) мог претендовать на должность в правлении, имел право ношения значка, формы и кокарды, а также был обязан соблюдать традиции и нормы поведения, блюсти честь и вовремя вносить членские взносы. В случае нарушения установленных правил виновный мог быть исключен из общества без права поступления в другие сокольские организации. [33, Ф. 3285. Оп. 1. Д. 2. Л. 23]

Управление общества зиждилось на выборных началах и осуществлялось общим собранием, которое ежегодно выбирало правление для оперативной деятельности. Деятельность правления проверялась ревизионной комиссией, которая так же избиралась общим собранием. Правление состояло из восьми должностных лиц и трех кандидатов (в поздней интерпретации 12 и три соответственно). Общее собрание выбирало старосту (руководителя общества) с заместителем, начальника, начальницу и воспитателя. Должности секретаря, казначея и заведующего хозяйством распределялось внутренним голосованием правления.

Староста находился во главе общества, созывал собрание правления, заботился о должном исполнении решений правления, а также представлял интересы организации во внешней коммуникации. [2, с. 26] Начальник и начальница отвечали за физическую подготовку, а также руководили подготовкой и проведением общественных

выступлений. Культурная и просветительская деятельность вменялась в обязанность воспитателю общества. Секретарь отвечал за переписку, документацию и канцелярскую деятельность, а также хранил печать (в поздних редакциях печать хранилась у старосты).

Заседание правления проходило раз в месяц или вне очереди, если за необходимость такового проголосовала 1/3 членов правления. Заседание правления могло состояться только при явке как минимум половины членов правления.

У общества были официально утвержденные в Министерстве Внутренних Дел флаг, форма, кокарды. Ношение формы разрешалось только по специально полученному письменному разрешению и исключительно во время общественных мероприятий. [2, с. 28—30]

Несмотря на активную деятельность даугавпилсских организаций, наиболее яркое проявление сокольских организаций имело место в Риге. 18 сентября 1930 года по инициативе группы единомышленников во главе с А.А. Курочкиным, И.Н. Заволоко и Н.Н. Лишиным² состоялось учредительное собрание, постановившее в скором времени основать организацию сокольского движения. [33, Ф. 3285. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-2] 19 октября 1930 года в кафедральном храме Рождества Христова состоялась торжественная служба, затем следовало собрание в помещении «Русского Клуба», где было официально провозглашено основание организации «Русский Сокол». Помимо местных общественных деятелей, участие в торжествах приняли послы и консулы Чехословакии, Югославии, Польши и Болгарии. В скором времени общество начало работу в помещении Рижской Городской Русской Гимназии (бывшей Ломоносовской гимназии) по адресу ул. Акас, 10. Вскоре состоялось первое общее собрание, по итогам которого было выбрано правление во главе со старостой И. Пинусом, начальником А.А. Курочкином и воспитателем И. Н. Заволоко, а через несколько месяцев общество было принято в ряды СРС.

В культурно-образовательном плане общество воплощало активную деятельность, регулярно проводя лекции по истории России, а также чтения религиозного содержания, основанные на учении Отцов православной церкви. По аналогии с даугавпилсской организацией в обществе выступали не только местные представители творческой интеллигенции, но и деятели европейского, а то и мирового масштаба. Например, в 1931 году с 2 по 5 марта общество организовало выступление ярчайшего представителя философской мысли русской эмиграции И. А. Ильина. [33, Ф. 3285. Оп. 1. Д. 3. Л. 226] Об этом событии сохранились воспоминания самого лектора: «В первой половине марта я читал четыре лекции в Риге и два закрытых доклада. Атмосфера создалась очень горячая; там русские люди чувствуют себя на своей исконной земле не эмигрантами, а оседлыми. В Париже я имел в конце апреля три публичных выступления и одно закрытое; русские люди в Париже серые, резиновые, не интересующиеся, со скептической усмешечкой, не загораются, или только с большим трудом. Эти мертвые токи чувствуешь уже через 10—15 минут — бессилие своего огня, бесплодность своего порыва... Чувствуешь себя не факелом, а головешкой, чадящей в болоте и в мокрых водорослях. Это трудно, больно — и потом тревожно» [39]

Осенью 1931 года по предложению Русского Благотворительного комитета организация взяло шефство над возобновившей работу церковью «Всех Скорбящих Радость» (ул. Лачплеша, 108). В обязанности сокольни входили отопление, уборка, дежурства и создание сокольского хора. [33, Ф. 3285. Оп. 1. Д. 3. Л. 129] Возобновление работы храма приурочили к первой годовщине организации. Религиозные традиции пользовались широкой популярностью в сокольской среде. Помимо церковных праздников и дня Святого покровителя Георгия Победоносца, любые значимые начинания (годовщины, начало учебного года, переезд в новые помещения) отмечались церковной службой.

В скором времени расширилась культурно-просветительная деятельность общества, были организован культурно-образовательный отдел и библиотека. По инициативе старосты была учреждена касса взаимопомощи и бюро труда, помогавшее трудоустройству членов организации. [33, Ф. 3285. Оп. 1. Д. 6. Л. 21] В 1932 году по инициативе родственников и друзей ведущих деятелей было положено начало комитету патронесс, куда вошли состоятельные жены членов правления и мать учредителя Н. Н. Лишина, владелица русской женской гимназии, О. Лишина. [2, Л. 12] Весной того же года был учрежден статус «Друга Соколов», который мог быть присвоен любому человеку с незапятнанной репутацией, желавшему поддержать общество финансовым пожертвованием.

Общество регулярно устраивало открытые вечера, в ходе которых комплекс спортивных выступлений в со-кольском исполнении чередовался с насыщенной культурной программой: чтение стихов, выступление оркестра,

¹ Иван Никифорович Заволоко (1897-1984). Педагог, краевед, общественный деятель, старообрядческий наставник. Поддерживал контакт с антибольшевистской организацией НТСНП. В 1932 году в его квартире был проведен обыск, не принесший результата. В 1940 году был арестован органами НКВД и 17 лет провел в ссылке и лагерях. Вернувшись в Ригу в 1957 году, стал внештатным сотрудником Института русской литературы в Ленинграде (Пушкинский дом) и участвовал в организуемых им археографических экспедициях. Картотека политуправления. ЛГИА. С. 2 http://www.russkije. lv/ru/lib/read/i-zavoloko. html.

² Николай Николаевич Лишин (1893-1941). Морской офицер. Участник Белого движения в составе Каспийского, позже Сибирского флота. С 1920 по 1927 год жил в Китае, в Королевстве Сербов Хорватов и Словенцев и Эстонии. Затем обосновался в Риге. Один из главных организаторов и идеологов «сокольства» в Латвии. До 1933 года был связан с «Братством Русской Правды» и другими белоэмигрантскими организациями. В 1938 году издал книгу основанную на воспоминаниях. В 1940 г. был арестован и приговорен к расстрелу. Картотека политуправления. ЛГИА. С 684. ЛГИА. Ф. 3235. Оп. 1/22. Д. 687/1. Л. 269 http://www.russkije.lv/ru/pub/read/russians-in-the-first-latvian-republic/feigmane-chapt2-rem2. html

романсы и арии в исполнении гостей-профессионалов. В теплое время года стали традицией народные гуляния с обширной развлекательной программой. Так, например, в мае 1933 года в парке Католю Дарзс (Katoļu dārzs, Miera dārzs) было организованно общественное мероприятие с гимнастическими выступлениями, театральными представлениями, оркестром, отдельным детским театром, фотостендом и буфетом. Как правило, проведение такого рода мероприятий приносило ощутимую финансовую выгоду, только одно вышеописанное мероприятие принесло 408 латов чистого дохода [33, Ф. 3285. Оп. 1. Д. 68. Л. 50]. Солидная сумма, учитывая, что средняя зарплата квалифицированного рабочего составляла 179 латов [40].

Помимо мероприятий, рассчитанных на получения прибыли, «Русский Сокол» принимал участие в благотворительной деятельности, организуя сбор вещей и средств для нуждающихся, зимой организовывались «елочки» для детей из малоимущих семей. По сокольской традиции, общество занималось уборкой и содержанием кладбища павших русских воинов на Первой мировой войне, находящегося в Илуксте. Традицией стало участие в ежегодных мероприятиях «Дней Русской Культуры», участие в государственных торжествах (где общество участвовало вместе с дружинами русских скаутов), а также совместные выступления с даугавпилсской сокольней. В 1935 году организация принимала участие в торжественном открытии памятника Свободы. [33]

Делегация «Русского Сокола» участвовала в 9 общесокольском слете в Праге, где член правления Лишин вместе с коллегой из даугавпилсского «Сокола» Зубаревым удостоились аудиенции у президента Т.Г. Масарика. Двое рижских «соколов» (П. Валуев и Н. Жин) завоевали симпатии участников слета смелым поступком, приехав в Прагу на велосипедах, что было отмечено вручением особых дипломов от правления слета. [41] В 1936 г. русские сокола из Латвии принимали участие в сокольском слёте в Софии.1

Особое внимание уделялось спортивной подготовке, занятия проходили в обязательном порядке три раза в неделю для взрослых и два раза в неделю для школьников. Члены, достигшие 30 лет, были освобождены от обязательных посещений спортивных занятий. Помимо гимнастики М. Тырша, были организованы баскетбольная и волейбольная секции, а в 1932 году общество вступило в Латвийский Баскетбольный Союз. [33, ЛГИА. Ф. 3285. Оп. 1. Д. 6. Л. 19] В 1932 году под руководством Б. Беклешева и И. Фридрика было основано гнездо в Абрене (Яунлатгале, Пыталово). В том же году при содействии «братьев» из рижского «Русского Сокола» было основана независимая сокольня в Лиепае, а в 1933 году — филиал рижской сокольни в Елгаве.

Социальный статус и профессиональная занятность членов сокольни были весьма демократичными и пе-

стрыми: рабочие, медики, учителя, ремесленники, студенты, школьники, военные. В основном со средним и средним специальным образованием. Как и в даугавпилсской сокольне, доминирующими финансовыми поступлениями являлись членские и вступительные взносы и пожертвования, а также доходы от проведения лотерей и вечеров. Вступительный взнос составлял 1 лат для всех, ежемесячный взнос был определен размером в 1 лат для совершеннолетних, 75 сантимов для подростков и 50 сантимов для соколят. [33, Ф. 3285. Оп. 1. Д. 4. Л. 9] Позже суммы ежемесячных взносов понизились до 50, 30 и 20 сантимов. [42]

В январе 1932 года постановлением общего собрания было выбрано новое правление под предводительством старосты Н. Н. Лишина. Переняв бразды правления, новоиспеченный староста руководил обществом более двух лет, в течение которых сокольня пережила период бурного роста и изменений. Еще до назначения нового старосты в организации образовались внутренние трения, виной которых отчасти был властный и экспрессивный характер Лишина. Конфронтация достигла апогея через несколько месяцев после выборов нового правления. Толчком послужил конфликт старосты с начальником В. Лебедичем. Видимо, разногласия стали настолько непреодолимыми, что на одном из заседаний правления староста поставил вопрос ребром: «Либо уходит он, либо ухожу я». Для разрешения ситуации было проведено голосование, итоги которого перевесили чашу весов в пользу Лишина. [33, Ф. 3285. Оп. 1. Д. 6. Л. 27]

Летом 1933 года староста посетил съезд СРС в Любляне (где был избран одним из семи подстарост) и, вернувшись, осветил сложившуюся ситуацию раскола русского сокольства, абсолютно поддержав позицию Белграда. Через месяц было проведено голосование, по решению которого рижское общество «Русский Сокол» перешло в подчинение СРС в Белграде. Принятие фундаментального решения по инициативе старосты вызвало роптание в рядах образовавшейся оппозиции, в итоге группа в составе 21 человека демонстративно покинула ряды сокольни, мотивируя свое решение невозможностью дальнейшего сотрудничества со старостой.

События нашли отражение в главном рупоре русского населения Латвии, газете «Сегодня», где была опубликована статья о сложившейся ситуации, указывавшая на «атмосферу казармы и безоговорочного рабского подчинения», тогда как «корыстные мотивы и интриги Лишина убивали свободомыслие и сокольский дух.» [33, Φ . 3285. Оп. 1. Д. 5. Л. 1—3] Затем следовали письма в пражский и белградский центры с экспрессивным описанием ситуации и сгущением красок. По инициативе Лишина было напечатано 500 листовок, которые разослали видным деятелям русской общественности в Риге, где он излагал свою

¹ По информации предоставленной Р.В. Полчаниновым.

версию случившегося, характеризуя группу выбывших как злостных нарушителей сокольской этики и чести. [2]

Параллельно баталиям на страницах прессы и в письмах 25 августа 1933 года оппозиционеры основали гимнастическое общество «Русская Сокольня» во главе со старостой С. П. Вербой. Работа общества также проходила в помещениях Рижской Русской Гимназии по адресу ул. Акас, 10. Несмотря на ссору с Лишиным, отношения новоиспеченного общества с братьями «Русского Сокола» оставались дружественными, что подтверждает письмо, отправленное в ноябре 1933 года Русскому Национальному Объединению (РНО). В нем общество, излагая суть раскола, просило выступить РНО в роли посредника к объединению организаций с единственным условием исключением Лишина из рядов сокольни. [33, Ф. 3285. Оп. 1. Д. 67. Л. 86] По понятным причинам предложение не имело успеха, и проект объединения был отложен в долгий ящик.

Внутренняя и внешняя деятельность сокольни проходила по схожим принципам и мало чем отличалась от деятельности «Русского Сокола». Организация участвовала в традиционных национальных и государственных мероприятиях, была организованна секция фехтования (с последующим участием в латвийских турнирах по данному виду спорта). Кроме того, сокольня приняла участие в шестой Латвийской Олимпиаде. Устраивались благотворительные акции, открытые вечера, лотереи. «Русская Сокольня» взяла на себя попечение по уходу за братским кладбище в Икшкиле, а также организацию сбора средств на памятник русским воинам по проекту синодального архитектора В. М. Щервинского. [33, Ф. 3285. Оп. 1. Д. 5. Л. 20]

В конце 1933 года в рядах «Русской Сокольне» числилось 92 человека. [43] После государственного переворота 15 мая 1934 года и установления авторитарной диктатуры Карлиса Ульманиса деятельность русских организаций находилась под пристальным контролем агентов политической полиции. Пронеслась волна закрытий политических партий и организаций. Проведение сокольских собраний и даже гимнастических занятий нужно было согласовывать с рижской префектурой. Весной 1934 года в «Русскую Сокольню» поступили повторные предложения объединения, что вызвало сопротивление со стороны старосты, переросшее в очередную конфронтацию.

В итоге Лишин ушел в долгосрочный отпуск до следующего выбора правления в январе 1935 года. Однако по итогам голосования общего собрания 1935 года старостой был избран М.Д. Кривошапкин¹, подстаростой стал С. Верба², начальником — Е. Кашкин, а Лишин выбыл из членов правления. Новый староста был весьма занятым человеком, состоявшим в правлении ряда общественных организаций, что являлось причиной его неспособности углубляться в дела организации и позволяло Лишину сохранять роль «серого кардинала». [33, Ф. 3235. Оп. 1/22. Д. 687/1. Л. 297]

По инициативе МИДа Латвийской Республики 3 января 1936 года обе организации получили указание объединиться в общую организацию «Сокол». В скором времени было проведено несколько общих собраний, где представители «Русской Сокольни» настойчиво повторили условия объединения: к требованию об исключении Лишина из рядов сокольни присоединилось обязательное условие выхода новообразованного общества из подчинения белградскому центру СРС. [2, Л. 298]

Несмотря на сопротивление и интриги Лишина, он был исключен 1 января 1937 года. В итоге «Сокол» начал осуществлять свою деятельность под предводительством старосты Кривошапкина. Очевидно бывший руководитель не желал сдаваться без боя, что подтверждает его заявление о рассмотрении исключения в третейском суде, которое, впрочем, осталось без внимания со стороны правления организации. [33, Ф. 3235. Оп. 1. Д. 14. Л. 17]

Общество «Сокол» продолжило работу по накатанной колее, принимая участие во всех упомянутых выше мероприятиях. Из нововведений можно отметить организацию фехтовальной секции, вступление в Латвийское Фехтовальное Объединение с последующими участиями в турнирах. Организация вступила в Русский Национальный союз, в Латвийское Общество Гимнастики и переехала в новые помещения на улице Лачплеша. В 1938 году в рядах «Сокола» насчитывалось 350 человек, не считая филиала в Елгаве (филиал в Яунлатгале был закрыт в 1934 году). [42]

Согласно закону об объединении и перерегистрации обществ от 11 февраля 1938 года, организация была перерегистрирована под новым названием «Соколы». [48] Несмотря на усилившиеся давление авторитарного режима, сокольские общества Латвии успешно функционировали вплоть до советской оккупации. В 1940 году все

http://www.russkije.lv/ru/pub/read/russians-in-the-first-latvian-republic/feigmane-chapt3-44.html

Кривошапкин Михаил Дмитриевич (1888-1943). Инженер. Председатель рижского муниципального депар-тамента по работе мостов. Заместитель председателя Русского Национального общества. Председатель общестав филистров студенческой корпорации "Fraternitas Arctica". Староста объединенного рижского "Сокола". Арестован в 1940 году. Приговорен к 10 годам лагерей. Умер в 1943 году в лагере. Сегодня 23.02.1932. С.5

Сегодня, 11.07.1931. С.6

http://www.russkije.lv/ru/pub/read/y-abizov-latv-vetvj/

² Верба Сергей Петрович (1891-1946). Банковский служащий. В 1930 году вступил в «Русский Сокол» в Риге. Один из основателей «Русской сокольни». С 1937 года подстароста объединенного «Сокола». Входил в Русское Академическое Общество. В 1941 году работал переводчиком в немецкой комендатуре. Арестован в январе 1945 г. Обвинялся в участии в антисоветской деятельности до войны, а также в сотрудничестве с немецкой администрацией и СД. Приговорен к расстрелу. Приговор был обжалован и заменен 10 годами лагерей. Умер в заключении 29 марта 1946 г. http://www.russkije. lv/ru/pub/read/jacoby-p/

латвийские общественные организации были ликвидированы, сокольское имущество перешло во владение спортивного общества «Динамо». [33, Ф. 3285. Оп. 1. Д. 71. Л. 63] Многие руководители латвийских соколен были репрессированы, сосланы и казнены, а рядовые соколы и соколки автоматически зачислены в категорию неблагонадежных граждан, участвовавших в деятельности «антисоветских монархических организаций». [49]

Латвийские сокольство и «монархизм»

Как упоминалось выше, на протяжении всего межвоенного периода латвийское правительство чутко следило за любыми проявлениями, нацеленными на реставрацию Российской империи и (или) борьбу с большевизмом. Полиция политуправления в категорию «монархистов» без особой деликатности зачисляла как откровенных сторонников возрождения Российской империи под эгидой монарха, так и отдающих предпочтение возрождению родины в виде демократической республики и прочих грезивших о крахе большевизма и воскрешении России. Учитывая характер эмиграции, практически на 100% состоящей из людей в изгнании, в категорию «монархистов» можно было с успехом записать практически всю эмиграцию.

Несмотря на заявленную надпартийность и аполитичность, национальный характер сокольского движения, военное прошлое ключевых руководителей соколен, их контакт с белградским центром (управляемым офицерами POBC), были достаточно вескими причинами для акцентирования особо пристального внимания полиции политического управления Латвии.

Учитывая местные особенности, сокольские организации открыто не использовали идеологические элементы, принятые в других странах. Одним из краеугольных камней русской сокольской символики подразумевался символ единения — национальный трехцветный русский флаг. [27] На одной стороне знамени русского сокольского общества, состоявшего в СРС, было принято изображать образ Святого Георгия Победоносца с надписью «С нами Бог» (что подчеркивало идеологическую связь с символикой Императорской армии), другая сторона была трехцветной, бело-сине-красной, с названием общества. Древко увенчивала статуэтка фигуры сокола с гимнастическими гантелями в лапах. [15] Знамена латвийских организаций значительно отличались от общепринятых стандартов. Так, знамя «Русского Сокола» в Риге представляло собой полотно, на котором с одной стороны в центре располагалось изображение сокола и надпись «Русский Сокол в Риге», с обратной стороны — образ Святого Георгия Победоносца. По периметру девиз: ««В мышцах сила! В груди отвага! В мыслях Родина!» и «Ни корысти, ни славы!». Древко было выполнено из дуба, увенчано позолоченным соколом с гантелями в лапах и украшено лентами. [33, Ф. 3285. Оп. 1. Д. 6. Л. 39] Изменения коснулись и других идеологических составляющих, что, впрочем, не поменяло подозрительного отношения политического управления. В оперативных донесениях агентуры Лишин фигурировал как активный участник «подпольной монархической организации» Братство Русской Правды (БРП)² и Национального Союза Нового Поколения (НТСНП)³. Бессменный староста даугавпилсского общества Зубарев⁴ также считался заядлым монархистом. Б. Беклешев⁵ (руководитель отделения рижской сокольни в Абрене), член правления резекненского гнезда Қ. Лейманис и другие члены правления действительно были непримиримыми противниками коммунизма и находились в тесных отношениях с деятелями нелегальных организаций, однако на работе

¹ Политуправление. Организация, находящаяся в подчинении МИД Латвии. Занималась контрразведкой и слежкой за политически подозрительными личностями.

[«]Братство русской правды» (БРП), возникшее в 1921 г. БРП действовало с одобрения великого князя Николая Николаевича, в основном прибегало к тактике партизанской борьбы в западных районах СССР. Активную роль в БРП играл генерал, казачий атаман П. Н. Краснов. Негласным руководителем латвийского отделения являлся князь Анатолий Ливен. В 1932 г. в Латвии были произведены аресты лиц, подозревавшихся в связи с БРП. В 1933 г. БРП пережило тяжкий удар в связи с разоблачением работавшего в нем агента ГПУ Кольберга. Организация распалась и прекратило деятельность в 1933 году.

http://www.russkije.lv/ru/pub/read/jacoby-p/.

Национальный Трудовой Союз Нового Поколения (НТСНП, НСРМ, НСНП, НТС). Основана в 1924 в Болгарии. Монархическая молодежная организация, направленная на свержение коммунистического строя и восстановление России на ее вековых устоях — главенства Православия, Монархии и Народности, а также на посильное активное участие в русском национальном движении, не предрешающем на чужбине форм государственного устроя России, но стремящегося к освобождению ее от коммунистического ига. Вели просветительскую идеологическую деятельность в среде молодежи. Тесно сотрудничали с РОВС. Для достижения целей использовались диверсионные группы, нелегально переходившие советскую границу, и работавшие на территории Советского Союза. Имелись филиалы во многих странах Европы, на Дальнем Востоке и в Америке.

[«]За Свободную Россию» Сообщение местной организации НТС на Востоке США. Нр. 12 (32) С. 2 Май 2003 http://ntsrs.ru/content/p-stolypin-na-sluzhbe-rossii.

Борис Зубарев (родился в 1892 году). Врач. Основатель и бессменный староста даугавпилсской сокольни. Был известен антикоммунистическим взглядами, ввел безоговорочную дисциплину с угрозой безвозвратного исключения из рядов организации за проявление симпатий к советскому союзу или соответствующей идеологии.

Арестован в 1940 году.

Картотека политуправления. ЛГИА Нр. 1390.

http://www.grani.lv/seychas/12836-daugavpilsskiy-sokol.html.

⁵ Пом. Борис Беклешев (1897-1941). Чиновник думы уезда Гаури. Староста Яунлатгальского гнезда, отделения рижской сокольни. Принимал участие в гражданской войне, в составе Северо-западной армии Юденича. Бывший брат БРП, в составе организации занимался переброской антикоммунистической литературы на территорию Советского Союза. Арестован в 1940, расстрелян в 1941 году. Картотека политуправления ЛГИА, 135. lpp

http://www.russkije.lv/ru/pub/read/boris-jevlanov/

соколен это отражалось не более чем, как «казарменные порядки русской армии, с отданием чести и постройкой во фрунт». [36]

В разное время на территории Латвии действовало несколько нелегальных антибольшевистских организаций, наиболее известными из которых являлись БРП и НТСНП, однако их деятельность не имела выраженного успеха, что не умаляло пристального интереса полиции политического управления. Особый ажиотаж пришелся на 1932 год, причиной послужило обострение отношений между Советским Союзом и Латвийской Республикой в рамках подписания договора о ненападении и продлении торгового соглашения. Лоббируя свои интересы, советская сторона оказывала давление и инкриминировала латвийскому правительству тайную поддержку антисоветских белогвардейских организаций. [50] Ситуацию усугубила присланная нота-меморандум, в которой перечислялись наиболее враждебные белогвардейские деятели, в числе коих находился и Лишин. Ему вменялось в вину активное участие в БРП и НТСНП, а также «вербовка юных кадров в ряды сокольских организаций». [33, Ф. 3235. Оп. 1/22. Д. 687/1. Л. 5] Чтобы опровергнуть обвинения, по требованию СССР, полицией политуправления была проведена демонстративная серия обысков и арестов. За принадлежность к БРП были арестованы князь А. Ливен

и его помощник К. Дыдоров, жена которого была начальницей соколок в Даугавпилсе. Однако, за неимением доказательств, подозреваемые были отпущены.

Вторая волна обостренного интереса к «монархическим» организациям была вызвана в 1934 году как проявление установившейся диктатуры Карлиса Ульманиса в контексте запрета коснувшегося всех политических организаций. [50] В архиве агентурных донесений полиции политуправления фигурирует целый ворох обвинений правлений соколен в монархизме, национализме, экстремизме и панславизме, что легко объясняется непримиримой позицией руководителей организаций по отношению к советской власти. Многие из них являлись участниками Белого движения, сказывалась и военная идеология офицеров Императорской армии. Было бы странным, если бы их отношение к советской власти было иным, однако это не отражалось на деятельности соколен и «вербовке молодых кадров» для антисоветской деятельности.

Если бы агентурные донесения, пристальный контроль и подозрения органов безопасности действительно имели бы под собой почву, то деятельность организаций неминуемо была бы остановлена. Однако несмотря на некоторые ограничения (которые распространялись на все организации Латвии), сокольское движение Латвии успешно развивалось, вплоть до советской оккупации в 1940 году.

- 1. Раев, М.И. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919—1939.. 1994. М.: Прогресс Академия., 1994. С. 14—15.
- 2. Ibidem
- 3. Жуков, В.Ю. Зарубежная Россия: Эмиграция и Эмигранты. Русская эмиграция и фашизм: Статьи и воспоминания. СПб.: Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 2011. С. 27
- 4. Балмасов, С. С. Иностранный Легион. М.:, 2004. 768 с. 101 с.
- 5. Гаврилин, А.В. Русские эмигранты в межвоенной Латвии: правовой статус и попытки самоорганизации. // Россия и Латвия в потоке истории. 2-я половина XIX 1-й половины XX в. М.: ИВИ РАН, 2015. с. 245.
- 6. Шкаровский, М.В. Актуальные проблемы русской церковной эмиграции в XX веке: историографические и источниковедческие аспекты // Христианское чтение No 1. СПб.: 2012. c. 46.
- 7. Беляева, А. В. Русская православная церковь в эмиграции // Библиотека РИН. URL: http://lib. rin. ru/doc/i/73104p. html (дата обращения: 22.10.2016).
- 8. Главацкий, М. Е. «Философский пароход»: год 1922-й. Историографические этюды. Екатеринбург: Урал, 2002. 224 с. с. 9,10,22.
- 9. Борисов, В. П. Российская научная эмиграция первой волны // Российские ученые и инженеры эмиграции. М.: Перспектива, 1993. с. 6–11.
- 10. Бердяев, Н. Иллюзии и реальность в психологии эмигрантской молодежи // Путь. Декабрь 1928. с. 4
- 11. Домнин, А.И. Молодежные организации русского зарубежья 20-30-х гг. XX века. Инстутионализация, идеология, деятельность. // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: Московский педагогический государственный университет, 2011. с. 19-144.
- 12. Кудряшев, Ю.В. Российское скаутское движение. Исторический очерк. Архангельск: Поморский Государственный Университет, 1997. 400 с.
- 13. Голдин, В. И. Солдаты на чужбине. Русский Обще-Воинский Союз. Архангельск: Солти, 2006. 522 с.
- 14. Основы Русского Сокольства. Белград: Союз Русского Сокольства, 1935. 86 с.

¹ По информации предоставленной Р.В. Полчаниновым.

- 15. Окороков, А. В. Молодежные организации русской эмиграции (1920—1945). М.: Российская Историческая Военно-Политическая Библиотека, 2000. 120 с.
- 16. Акунов, В. Дивизия СС «Викинг». История Пятой танковой дивизии войск СС 1941—1945. М.: Эксмо, 2006. 560 с.
- 17. Skujnieks, M. Latvija. Zeme un iedzīvotāji. Rīga: Valsts Statistikā Pārvalde. Ar J. Bokaldera nodaļu pae lauksamniecību.. Rīga:, 1927. c. 256—258
- 18. Skujnieks, M. Latvijas Statistikas Atlass. Rīga: Valsts Statistiskā Pārvalde, 1938. C. 14–15
- 19. Абызов, Ю. И. Русская культура XX века: Метрополия и диаспора. // Блоковский сборник 13. Тарту: Тартусский Университет, 1996. с. 283—284.
- 20. Бордонос, Н. Н. Русская общественность в Латвии // Газета «Маякъ». 1922. №. с. 2-4.
- 21. Apine, I., Volkovs, V. Latvijas krievu identitāte. Vēsturisks un sociāls apcerējums. Rīga: Latvijas Universitātes Filozofijas un Socioloģijas Institūts, 2007. 263. 34—35 c.
- 22. Фейгмане, Т.Д. Русские в довоенной Латвии. На пути к интеграции.. Рига: Балтийский Русский Институт, 2000. 384 с. с. 12
- 23. Pommers. Pareizticība Latvijā. Vēsturisks apcerējums.. Rīga: Latvijas Pareizticīgas Baznīcas Sinode, 2015. 136 c. 121.
- 24. Рыжакова, С. Фуксы, коммильтоны, филистры. Некоторые предварительные заметки и материалы о студенческих корпорациях Латвии. // Антропологический форум. 2013. № 19
- 25. Плюханов, Б.В. РСХД в Латвии и Эстонии: материалы к истории Русского студенческого христианского движения. Paris: YMCA, 1993. 311 с.
- 26. Кадезников, Н. Краткий очерк русской истории XX века. Нью Йорк 1967 // Дорога домой. URL: http://www.dorogadomoj.com/dr61/dr61kad0. html (дата обращения: 22.10.2016).
- 27. Основы Русского Сокольства. Белград: Союз Русского Сокольства, 1935. 86 с. С. 5-11
- 28. Мацукевич, О.Ю. Деятельность организации «Русский Сокол» по ресоциализации молодежи в эмигрантской среде русского зарубежья // Социально-культурная деятельность: опыт исторического исследования. М.: Московский государственный университет культуры и искусств, 2011. с. 216–217.
- 29. Домнин, А.И. Молодежные организации русского зарубежья 20—30-х гг. XX века. Инстутионализация, идеология, деятельность. // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: Московский педагогический государственный университет, 2011. с. 43—44
- 30. Gotfrids Milbergs. Latvijas Vanagi / Gotfrids Milbergs // Latvijas Kareivis. —1928. —14 октября. с. 5
- 31. Latvijas vanagi piedalīsies Čehoslovākijas vanagu IX salidojumā Prāgā. //Latvijas Kareivis. —1932. 12 мая. С. 4
- 32. Русское гимнастическое общество «Сокол» в Двинске. 1928—1933. Daugavpils: Русское гимнастическое общество «Сокол» в Двинске, 1933. 18 с. с. 4—11
- 33. ЛГИА (Латвийский Государственный Исторический Архив). Ф. 3285. Оп. 1. Д. 3. Л. 245.
- 34. Даугавпилсское русское гимнастическое общество «Сокол». // Русский ежегодник. Рига: Русское Национальное Объединение в Латвии, 1938. с. 85. 88
- 35. Десятилетие русского сокольства в Латвии. // Сегодня. -1938. 26 ноября. с. 7
- 36. Картотека политуправления. ЛГИА. с. 2
- 37. http://www.russkije.lv/ru/lib/read/i-zavoloko.html
- 38. http://www.russkije.lv/ru/pub/read/russians-in-the-first-latvian-republic/feigmane-chapt2-rem2.html
- 39. Фирсов, Е.Ф. Неизвестные письма И.А. Ильина из Германии, Австрии и Швейцарии меценатам русской эмиграции чете Крамарж в Прагу. Nr. 7–8.. M.: Россия XXI, 1997. с. 79
- 40. G. Krumiņs. Tautsaimnieciba un monetaras norises Latvija Otra Pasaules kara gados // Latvijas Banka. URL: https://www. bank. lv/images/stories/pielikumi/publikacijas/citaspublikacijas/Krumins-2PK. pdf (дата обращения: 23.10.2016).
- 41. Русские Сокола со всех концов света...Кроме России. // Сегодня. -1932. 12 июля. с. 8
- 42. Русское гимнастическое общество «Сокол» в Латвии. // Русский ежегодник. Рига: Русское Национальное Объединение в Латвии, 1938. с. 80
- 43. Удастся ли объединить русских соколов в Латвии // Сегодня. 1933. 12 ноября. с. 6
- 44. Сегодня 23.02.1932. с. 5
- 45. Сегодня, 11.07.1931. с. 6
- 46. http://www.russkije.lv/ru/pub/read/y-abizov-latv-vetvj/
- 47. http://www.russkije.lv/ru/pub/read/russians-in-the-first-latvian-republic/feigmane-chapt3-44.html
- 48. Likums par biedribam. // Latvijas Kareivis. —1938. 12 февраля. с. 2

- 49. R. Viksne, K. Kangeris. No NKVD līdz KGB: politiskas pravas Latvija 1940—1986: Noziegumos pret padomju valsti apsudzeto Latvijas iedzīvotaju radītajs. —: Latvijas universitate. Latvijas vestures instituts, 1999. 975 c.
- 50. Peļevins, P. Krievu pretbolsevistiska kustiba Latvija. 1920.—1934. g.. Riga: Magistra darbs. Latvijas Universitate, 2016. C. 93—95 c.

Промыслы Ильинской волости Дмитровского уезда в конце XIX-начале XX вв.

Гусев Артем Николаевич, учитель истории МОУ Икшинская СОШ (Московская обл.)

Данная статья посвящена рассмотрению многообразия крестьянских промыслов Ильинской волости Дмитровского уезда. Автор раскрывает причины возникновения промыслов, рассматривает их этапы развития и особенности.

Ключевые слова: кустарные промыслы, отхожие промыслы, Ильинская волость, Дмитровский уезд, краеведение

промыслом обычно называют ремесло, которое является источником дохода и средств к существованию. Промыслом занимаются в одиночку или группой, которая называется артелью. Что же заставляло крестьян Ильинской волости заниматься промыслами? В первую очередь,

ремесла получили широкое распространение в тех губерниях и уездах, в которых не могли обеспечить себя сельскохозяйственными продуктами, самым главным из которых является хлеб.

Количество лиц занимающихся промыслами (за 1898–1900 гг.) [10, с. 19]

Таблица 1

Уезды	% лиц занимавшихся промыслами	Своего хлеба хватало на число дней
Богородский	37	51
Московский	24,1	94
Броницкий	23,3	156
Звенигородский	17,3	186
Подольский	15,2	176
Дмитровский	14,2	189
Серпуховской	9,8	205
Волоколамский	9,4	207
Қлинский	9,2	192
Коломенский	6,2	140
Верейский	6,2	201
Рузский	3,4	298
Можайский	1,9	235

Как мы видим, из приведенной выше таблицы, крестьянам Дмитровского уезда хватало своего хлеба только на полгода. Также одной из причин развития промыслов является бедность. О крайней бедности жителей Дмитровского уезда в конце XIX века на заседании Московского уездного собрания говорил предводитель дворянства Дмитровского уезда П.В. Бахметьев [1, с. 112].

Одним из первых промыслов было производство малярных и живописных кистей, такой промысел назывался кистовязным, а крестьяне, занимающиеся им, именовали себя кистовязцами. Материалом для производства кистей служила свиная и барсучья щетина, которую покупали в Москве. Кистовязный промысел в Ильинской волости начал развиваться около 1830-х годов. Первыми кисто-

вязцами стали дворовые госпожи Левиной (из д. Исаково, Ильинской волости). После отмены крепостного права некоторые из этих дворовых приписались к исаковскому крестьянскому обществу и кистовязным производством стали заниматься и крестьяне [8, с. 193]. Однако развитие промысла шло очень медленно, к концу XIX века кистовязцев насчитывалось только 40 человек. Причиной тому следует считать большой оборотный капитал, который необходимо иметь для ведения кистовязного промысла. Также одной из причин является боязнь появления конкурентов. Мастера-кистовязцы стараются не показывать посторонним лицам свою работу, чтобы не иметь новых конкурентов. Лишь один производитель Балагуров держал у себя учеников. Свой товар кистовязцы

сбывали в Москве, главным образом в лавки москательного ряда

В начале XX в. производство щеток и малярных кистей было организовано в д. Селевкино [6, с. 20], но промысел не получил развития, товар продавали дешево и выручка мастера была не большой. Вследствие чего многие оставили работу, одни возвратились к земледелию, другие же пошли работать на фабрику [3, с. 13].

Еще одним старым промыслом был сусальный. Сусальщики, т. е. производители тонкого листового золота и серебра работали в Кузяево и Свистухе. В Кузяево располагалось 2 мастерские (9 чел.), в Свистухе 1 мастерская (5 чел.). Сусальный промысел, скорее всего, был занесен сюда из Москвы отхожими рабочими. Сусальное золото применялось главным образом при позолоте иконостасов и иконных киотов в церквях, тем самым сусальный промысел находится в прямой зависимости от отношения православных к «боголепию» своих церквей. Как отмечается в отчетах спрос на изделия сусальщиков становится всё меньше, так как крестьяне перестали «проявлять стремления к церковному боголепию, как то бывало прежде» [8, с. 237].

В отдельных деревнях в конце XIX века успешно развивался тележный промысел. Одними из факторов успешного развития было с одной стороны — удобство приобретения сырого материала, с другой удобство сбыта товара. Тележники Ильинской волости нужный для своего промысла материал приобретали из местных лесов за небольшие деньги. Вторым важным фактором была близость Москвы, с интенсивным конным движением [8, с. 203]. Данным промыслом занимались крестьяне д. Берижнево (23 чел.), д. Ближнево (24 чел.), с. Борисово (3 чел.) производили они телеги и сани. Тележники обходились без специализированных мастерских, работали они на дворах, сенях, сараях, но преимущественно производство располагалось в избах. Промысел в Дмитровском уезде успешно развивался вплоть до 1900 г., т. е. до начала движения по Савеловской железной дороге.

Также некоторые селения Ильинской волости занимались производством металлических игрушек. Одной из таких деревень была д. Арханово, в которой крестьянин Кузьма Похвалов открыл в избе производство дудок и печек. У него на производстве работало 8 человек [8, c. 76-77].

Крестьяне с. Борисово, единственные из Московской губернии, кто занимались изготовлением простого кирпича из красной глины [9, с. 278]. В с. Борисово сложились благоприятные условия для развития промысла, во-первых это близость материала — глины, которая добывалась в горе, принадлежащей крестьянскому обществу. Рядом с горой располагались крестьянские сараи. Воду для разведения глины брали из протекающей около сараев речки. Песок доставлялся из под г. Дмитрова. Кирпичные сараи и обжигательные печи у борисовских кирпичников находились около села, в овраге. При производстве кирпича применялось разделение труда: мужчины заготавли-

вали глину, женщины формируют из неё кирпичи, а малолетние дети обоего пола являлись галочниками. Важным фактором для развития кирпичного промысла была близость места сбыта. Борисовские кирпичники продавали свой товар дмитровским купцам. Всего в с. Борисово кирпичным промыслом занимались 78 человек [9, с. 292].

Кустари Ильинской волости занимались камушным промыслом, т. е. производством мелких вещей из стекла. Мастера камушники изготавливали из готового стекла бусы, пуговки, запонки, крестики, сережки и чётки. Стеклянное сырье изначально привозилось из Санкт-Петербурга, затем стекло стали производить на месте и закупка из С.-Петербурга была остановлена. Изначально производство бус и стеклянных пуговок имело домовой характер, но с открытием стекольного завода Грибкова в д. Костино Озерецкой волости промысел начал приходить в упадок. Однако, не смотря на сложности, часть кустарей продолжали производство, но сама организация камушного промысла претерпела существенные изменения. Теперь, Грибков и Шишигин, на заводах которых изготовлялось цветное стекло, раздавали его кустарям для дальнейшей переработки. Полученные от кустарей изделия хозяева заводов снова раздают для окончательной отделки местным женщинам. Женщины играли не маловажную роль в этом промысле, так женщины и дети, «нижут нитки, гнут и сцепляют проволоками камушки (бусы) [2, с. 3]. Также женщины нашивали пуговки на бланки, данные работы обычно они выполняли дома [4, c. 8].

Изделия дмитровских камушников отличались низким качеством и не находили себе покупателей в центральных губерниях Европейской части России. Их товар отправлялся преимущественно на восток России, в Бухару. В связи с этим заводчики-камушники пошли на хитрость покупали большое количество заграничного товара, который мешают со своим. Без такой подмены, как говорят: «товар можно только продавать одним бухарцам» [8, с. 115]. Тем самым можно сказать, что в конце XIX — начале XX вв. камушный промысел начал приходить в упадок. Причиной тому, как это было сказано выше, является открытие завода Грибкова. Так передавали корреспонденты сложившуюся ситуацию «В Дмитровском уезде вытесняется ручное производство стеклянных пуговок и бус, потому что фабрикантами Грибковыми построен новый стеклянный завод, где пуговки и бусы выделываются машиной, при машинном производстве требуется лишь незначительный ручной труд» [3, с. 15-16]. Многие кустари-хозяева остались без работы, или же пошли на завод рабочими. Бывшие кустари были недовольны сложившимися обстоятельствами, так как «на заводе работа трудна и малоприбыльна». За выработку 1000 пуговок платили 14-19 копеек, так работая 12 часов, можно было заработать 49 копеек [3, с. 7]. Камушное производство сильно страдало от недостатка рынков сбыта [3, с. 7]. Вначале XX в. цены на изделия камушников упали, и некоторые бросили этот промысел и как отмечал корреспондент, «если

дело пойдет также и в будущем, то здешние заводчики принуждены будут прикончить свои дела» [3, с. 7].

В Ильинской волости существовал агатовое производство. На агатовом производстве занимались изготовлением рубашечных пуговок. На агатовом заводе за заказ 1000 пуговиц платили по 30 копеек. Как передавали корреспонденты на этой работе можно выработать до 15 рублей. Агатовое производство испытывало кризис, так как заводчики не могут сами выделать хороших пуговиц, и не могут справиться с печами, которые то и дело требовали ремонта. Вследствие чего завод работал не постоянно «то пустят в ход, то опять остановят и начинают чинить» [3, с. 7].

Крестьяне д. Хлопенево занимались обработкой дерева на токарных станках [6, с. 21].

Селения Ильинской волости занимались изготовлением одежды и обуви. Портняжным делом занимались крестьяне д. Герасимиха, работали они в Москве, Дмитровском уезде и в своем селении. Промыслом занимались осенью и зимой. Плата за работу была сдельная, так например, за меховое мужское пальто платили 2 рубля, а в неделю можно было заработать 5—6 рублей [6, с. 12]. Также в некоторых селениях встречались овчинники [9, с. 251]. В д. Ивановская работали сапожники и башмачники [6, с. 21].

Волостной писарь Ильинской волости К.С. Смирнов, отмечал, что в волости замечается стремление среди кустарей к образованию артели, однако у кустарей нет необходимых средств, поэтому, как отмечает К.С. Смирнов — желательна помощь мелкого кредита [3, с. 18].

Получил своё развитие в Ильинской волости и отхожий промысел. На фабричный промысел, на ткацкие фабрики, уходили крестьяне деревень Степаново и Ивановская [6, с. 17]. Жители Ильинской волости работали при Покровском монастыре табельщиками, проборщиками, прядильщиками [7, с. 42,57,59]. На ткацких фабриках Дмитровского уезда работали столярами, ткачами, моталками, подмастерьями, складальщиками, кочегарами и разнора-

бочими [7, с. 44,48,52,55,61,73,59]. Крестьяне уходили работать на стеклянный завод. Мастера, выдувающие посуду (дулы или надувалы), зарабатывали раньше по 30 рублей в месяц, теперь же мастера перешли на сдельную работу, работают меньшее количество часов и их заработок сократился до 21 рубля в месяц [4, с. 10]. Подавляющее же большинство «отходников» отправлялись в поисках работы в Москву. Так из д. Селевкино уходили работать на московские фабрики на целый год. Зарабатывали 15 рублей в месяц, но половина (8 рублей) заработка уходили на пропитание. Из д. Герасимиха в Москву отправлялись гребенщики, сапожники, башмачники. Кузнецы различались по роду металла, с которым они работали (кузнец по железу, меди, золоту, серебру, олову и т. д.). Кузнецы работающие с серебром, назывались «серебряниками». Серебряники из д. Герасимиха уходили в поисках работы в Москву, и находились там с октября по апрель. Основным занятием серебряников было изготовление и ремонт ювелирных изделий, предметов церковного обихода (крестов, окладов к иконам) и посуды. Также крестьяне уходили в Москву и устраивались в качестве дворников [3, с. 28], посадчиков [3, с. 30], извозчиков [3, с. 28], сусальщиков [3, с. 11].

Таким образом, к началу XX века большинство кустарных промыслов, существовавших десятилетиями, пришли в упадок, это напрямую связано с их неконкурентоспособность в эпоху модернизации российской экономики и промышленности. Строительство новых фабрик и заводов, железных дорог, появление большого количества станков, постепенно вытесняющих ручной труд, привели к кризису и постепенному исчезновению многих кустарных промыслов.

Однако, процессы модернизации благоприятно повлияли на развитие отхожих промыслов. Многие крестьяне Ильинской волости уходили работать на ткацкие и стеклянные заводы Дмитровского уезда и Москвы, пополняя класс пролетариата.

- 1. Журналы заседаний и постановления Московскаго губернскаго земскаго собрания. Декабрь 1879 года: М., 1880. 349 с.
- 2. Промыслы и неземледельческие заработки крестьян в 1901—1902 гг.//Статистический ежегодник Московской губернии за 1902 год. М.: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1903. с. 1—15.
- 3. Промыслы и неземледельческие заработки крестьян в 1903—1904 гг.//Статистический ежегодник Московской губернии за 1904 год. М.: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1906. с. 1—32.
- 4. Промыслы и неземледельческие заработки крестьян в 1904—1905 гг.//Статистический ежегодник Московской губернии за 1905 год. Часть 1.-М.:Товарищество «Печатня С.П. Яковлева»,1906. с. 1—35.
- 5. Промыслы и неземледельческие заработки крестьян в 1904—1905 гг.//Статистический ежегодник Московской губернии за 1905 год. Часть 1. М.: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева»,1906. с. 1–17
- 6. Промыслы и неземледельческие заработки крестьян в 1907—1908 гг.//Статистический ежегодник Московской губернии за 1908 год. Часть 1. М.: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева»,1909. с. 1—32
- 7. Промыслы и неземледельческие заработки крестьян в 1912-1913 гг.//Статистический ежегодник Московской губернии за 1913 год. Часть 1. М.: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева»,1914. с. 1-78
- 8. Промыслы Московской губернии. Выпуск II //Сборник статистических сведений по Московской губернии. Том VII. Вып. II. М.: Типография С. В. Гурьянова, 1880. 363 с.

- 9. Промыслы Московской губернии. Выпуск III //Сборник статистических сведений по Московской губернии. Том VII. Вып. I. М.: Типография С. В. Гурьянова, 1882. 505 с.
- 10. Справочник кустарной промышленности г. Москвы и Московской губернии. М. Л.: Московский рабочий, 1928. 250 с.

Различные аспекты социально-экономического и политического развития Чечни (2-я половина XIX — начало XX в.) в трудах А.И. Хасбулатова

Исакиева Зулай Сулимовна, аспирант Чеченский государственный университет

Асланбек Имранович Хасбулатов авторитетный кавказовед, автор многих десятков актуальных научных статей, обобщающих монографий, широко известных и востребованных в научно — педагогической среде внес огромный вклад в развитие исторической науки Северного Кавказа.

В истории горских народов Северного Кавказа, в том числе и Чечни во второй половине XIX — начале XX в происходят судьбоносные исторические события, такие как завершение Кавказской войны, окончательное присоединение Чечни к России, проведение буржуазных реформ в России, и постепенное, но неуклонное втягивание Чечни в сферу капиталистических отношений и др.

Отмена крепостного права имела революционные последствия для развития России. Она ознаменовала собой начало целого комплекса различных реформ, которые коснулись и Северного Кавказа.

Для истории Чечни последней трети XIXв. характерны пять важных явлений: полное вовлечение края в экономическую систему России; складывание Грозненского нефтяного района; проведение железной дороги по территории края, связавшей его со всей Россией; формирование национальной буржуазии, пролетариата, интеллигенции; появление целой плеяды духовных вождей чеченского народа (явление совершенно уникальное для Северного Кавказа) в форме шейхов — устазов, руководителей суфийских братств и богословов [1. с. 75].

Как отмечает Хасбулатов А. И, «включение Чечни, как и в целом Северного Кавказа, в состав России способствовало установлению взаимовыгодных экономических связей, вносило изменение в хозяйственную и культурную жизнь народов. Чечня постепенно вовлекалась в сферу экономического, политического и культурного влияния России, которая во второй половине XIX в. вступила в капиталистическую стадию развития, хотя и с известными противоречиями [2. с. 13].

Вопросы социально-экономического и политического развития Чечни во второй половине XIX — начале XX в. явились одной из главных проблем, стоящих перед историком А.И. Хасбулатовым. После окончания Кавказской войны и образования в 1860 г. Терской области, начинается новый этап в территориальном делении и в создании

административного управления. Административные преобразования включали в себя и укрупнение аулов путем переселения жителей мелких аулов и хуторов в более крупные, этим власти, прежде всего, преследовали фискальные и полицейские цели. Царское правительство по утверждению Хасбулатова, посчитало себя монопольным собственником горских земель и провело на равнинной части Терской области размежевание земли между горскими сельскими обществами, а также частными владельцами. В результате свободных горских крестьян — общинников (узденей) власти приравняли к государственным крестьянам, пользующимися «казенными землями» и обложили их поземельным налогом. Размежевание земли на равнине, административно — территориальное и управленческие преобразования, проведенные властями в 60-70гг. XIX в. в Чечне и Ингушетии, как в целом в Терской области, были рассчитаны на то, чтобы:

- 1. успокоить, хотя бы временно, горских крестьян;
- 2. создать казенный земельный фонд для продолжения колонизации края;
- 3. ослабить сепаратистские устремления определенной, оппозиционно настроенной к царским властям, части местных социальных верхов и др. [3. с. 8].

Следовательно, в пореформенной Чечне и Ингушетии второй половине XIX начале XX в. шел сложный процесс формирования классов и социальных слоев и групп капиталистического общества. Складывание новых социальных отношений было явлением многоплановым, что определялось силой сохранившихся дофеодальных и феодальных традиций, стремлением царизма сохранить консервативные, отжившие формы общественных отношений среди горского крестьянства. Земельная реформа 60-70 гг. XIX в Чечне, как и в целом в Терской области, носила ограниченный характер, не сразу она привела к радикальной ломке патриархально-феодального быта горских народов Терека. В результате земельной реформы размежевания земли между сельскими обществами и частными собственниками на равнине — основная масса горских крестьян получила в общинное надельно-передельное пользование минимальные земельные участки; в результате земельной реформы зимние и летние пастбища, леса были изъяты у горцев и объявлены казенными. Исследуя вопросы землевладения и землепользования в Чечне в пореформенный период, Хасбулатов пришел к выводу, что в формах землевладения и землепользования сельских общин сохранилось много средневековых черт, рыночные связи были относительно узки, что сковывало развитие товарно-денежных отношений. Необходимость проведения аграрных преобразований в Чечне была обусловлена как условиями, которые сложились в ходе колониальной политики царизма, особенно в условиях многолетней войны, а также отменой крепостного права и проведением буржуазных реформ в России.

Горцы с древнейших времен сеяли зерновые земледельческие культуры: рожь, ячмень, просо, овес, пшеницу, кукурузу, рис. К концу XIX в. удельный вес пшеницы и других злаковых культур в посевах стал снижаться за счет увеличения посевов кукурузы, ставшей наиболее товарной (рыночной) культурой. В рассматриваемый период расширяются посевы ячменя и овса, как фуражных культур. Переселенцы из европейских губерний России привозили с собой новые, крупнозернистые сорта злаковых, которые хорошо приживались в равнинных и в предгорных районах Чечни. На распространение тех или иных видов культур оказывали влияние почвенно-климатические условия и социально-экономические факторы.

Об успешном развитии земледелия (хлебопашества) говорят данным о посевах и сборах хлебов. Так в 1876 г. в Чечне, куда в то время в Грозненский округ административно входили и казачьи станицы, было посеяно около 10 тыс. четвертей пшеницы, а в 1891 году только одни чеченцы, без казаков посеяли 14,8 тыс. четвертей. Приводимые ниже цифры показывают исключительно быстрый рост посевов кукурузы в Чечне. В 1888 г. было посеяно 10, 2 тыс. четвертей кукурузы, в 1893 г. — 14, 1 тыс. четвертей. За пять лет (с 1888 по 1893 гг.) посевы кукурузы, яровой пшеницы, ржи, картофеля увеличиваются более чем на 1/3 (139%). В общих цифрах посев хлебов в Чечне по неполным данным с 30 тыс. четвертей в 1888 г. увеличился к 1892 г. до 36,4 тыс. четвертей (121%) [4. с. 85]. Относительно быстрый рост хлебопашества в Чечне был связан с развитием товарно-денежных отношений и с ростом спроса на сельскохозяйственную продукцию. Рост земледелия особенно усиливается в конце XIX в. На подъем хозяйства и экономическое оживление положительно повлияло и прохождение через Чечню Владикавказской железной дороги. К концу XIX века в Чечне расширились посевы огородных и бахчевых культур. Чеченцы сажали тыкву, капусту, морковь, редьку, редиску, чеснок, лук, свеклу и т. д. Получает распространение, особенно в нагорной полосе, картофель. Земледелие больше приобретает товарный характер и тесно связывается с внутренним и внешним рынком.

Таким образом, крестьянская реформа и аграрные преобразованиям 60-70-х гг. XIX в. в Чечне, хотя и объективно носили позитивный характер.

Наряду с земледелием, во второй половине XIX века животноводство продолжало оставаться ведущей хозяй-

ственной отраслью населения Чечни, особенно в нагорной полосе.

Среди реформ 60—70гг. XIX в России особое место занимает судебная реформа. Как отмечается в научной работе «Установление российской администрации в Чечне (II пол XIX нач. XX в.)» Хасбулатова А.И. царское правительство по мере завоевания Кавказа вводило российские административные органы власти и судопроизводство на местах среди горских народов. В 1785 г. царизм ввел на Кавказе наместничество. По мере присоединения той или иной территории к России с задачами «присмотра за поведением» населения, соблюдения ими российских законов, назначались из числа русских армейских офицеров приставы.

Своеобразие сложившегося веками общественного строя, полное несоответствие применяемого на практике горцами в судопроизводстве адата или шариата действующим в Российской империи законам, вынуждали колониальные власти отказаться от попыток немедленно ввести на Северном Кавказе административно-судебную систему по российскому образцу. Царские власти, создавая для горцев специфичную систему управления и судопроизводства, пытались, используя народные обычаи (адаты) и религиозные убеждения (шариат), а также привлекая к судопроизводству выборных от горского населения, подчинить горское население полностью своей власти. Руководителями судебных учреждений назначались царские (русские) офицеры, которые обязывались не допускать применения противоречащих интересам царизма адатных и шариатских норм.

30 сентября 1870 г., после утверждения «Положения о сельских (аульных) обществах в Терской области» наместником Кавказа были созданы аульные управления. С вводом «Положения» в действие в чеченских аулах в равнинной Чечне были учреждены «аульные суды», а в нагорной полосе вводились участковые суды на несколько поселений (аулов) с компетенцией аульных судов. Аульным и участковым судам передавались уголовные дела по маловажным преступлениям, совершенным в пределах сельского общества (захват чужого поля, употребление при торговле неправильных весов и аршин, кража стоимостью до 30 рублей и др.) [5].

Аульный и участковый суды для разбора этих дел собирались по мере накопления дел в свободное от сельско-хозяйственных работ время. Решения и приговоры этих судов приводились в исполнение старшиной аула или его помощником [6].

Большое влияние на социально-экономическое развитие Чечни в рассматриваемый период оказало развитие нефтяной промышленности на ее территории. В Грозненском районе площадь добычи нефти возросла с 418 десятин в 1906 г. до 529 десятин в 1910 г. Безусловно, этому способствовали и концентрация нефтяной промышленности Грозненского района, образование здесь нефтяных монополий. В период между двумя революциями на территории современной Чечни усилилась не только концентрация производства, но и концентрация рабочих, интенсификация труда, появились и новые отрасли промышленности.

В экономике производственном процессе укрепили свои позиции российские и иностранные монополии.

Развитие нефтяной промышленности стимулировалось подъемом цен на нефть. За период с 1906 по 1913 гг. цена на нефть удвоилась (с 23,7 коп до 43—44 коп за пуд), а добыча нефти в Грозном за это время возросла с 39,4 млн. до 100 млн. пудов. Экономический рост был связан с концентрацией производства под контролем монопольных трестов и концернов. Нобели создали в Грозном «Чечено-Дагестанское общество», трест «Шелл» скупил предприятие Ротшильдов. Часть грозненских нефтяных предприятий была скуплена Русской Генеральной нефтяной корпорацией, которая была создана русскими капиталистами в Лондоне. Одной из крупнейших в Грозном по-прежнему оставалась, и фирма «Ахвердов и К» [7].

Грозненская нефтяная промышленность развивалась скачкообразно, неравномерно, но достаточно интен-

сивно. Иностранная и русская буржуазия стремилась за короткий срок получить как можно больше прибыли на свои капиталы, вложенные в добывающую и перерабатывающую грозненскую нефтяную промышленность. Характерно, что нефтяная промышленность в целом в стране в годы реакции пережила кризис, исключение составила грозненская нефтяная промышленность, за счет которой в эти годы происходил прирост в этой отрасли.

Таким образом, в своих научных трудах избегая приверженности какой-либо политической позиции, профессор Хасбулатов А.И. раскрывая основные вопросы социально-экономического и политического развития Чечни последней трети XIX — начала XX в. доказывает, что во все времена каждый этнос, в том числе и чеченский желает быть хозяином на своей земле, в лице тех, кто пашет землю и плавит металл, выращивает скот и добывает нефть, строит дома и т. д.

Литература:

- 1. Ахмадов, Я. З. История Чечни XIX начале XX века. Чеченцы. М., 2012, с. 75.
- 2. Хасбулатов, А.И. Установление российской администрации в Чечне (II пол XIX нач. XX в), М., 2001, с. 13.
- 3. Хасбулатов, А.И. Аграрные преобразования в Чечне и Ингушетии и их последствия (XIX нач. XX в.), М., 2006, с. 8.
- 4. Хасбулатов, А. И. Хлебопашество чеченцев и ингушей (II пол. XIX нач. XX в.) // Вестник АН ЧР. Грозный, 2003. с. 81—91.
- 5. Хасбулатов, А.И. Установление российской администрации в Чечне (II пол. XIX нач. XX в.), М., 2001, с. 84.
- 6. Хасбулатов, А.И. Переустройство сельского общественного управления Чечено-Ингушетии в пореформенный период // Роль России в исторических судьбах Чечено-Ингушетии (XIII нач. XX вв.) Грозный, 1983. с. 112.
- 7. Хасбулатов, А.И. Социально-экономическое и политическое положение Чечни во второй половине XIX начале XX в. Автореф дисс. док. ист. наук, Махачкала, 2010.

«Ствол длинный, жизнь короткая» — неизвестный подвиг воинов истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования в боях на Курской дуге

Колякина Ольга Александровна, аспирант Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Вконце 1941 г. — начале 1942 г. Красная Армия остро ощущала недостаток противотанкового вооружения. Одной из основных причин можно назвать спад производства противотанковых пушек, вызванный эвакуацией Московского завода им. Калинина на Урал. Для устранения этого отставания Ставка Верховного Главнокомандования сократила войсковую артиллерию всех видов. Эта решение было обосновано условиями военного времени и необходимым для создания мощных артиллерийских резервов в условиях военного времени. Именно использование небольших самостоятельных и мобильных частей в качестве подвижного резерва показало себя наилучшим способом, а ярким примером применения истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного

Главнокомандования и оправданным надежами, Курская битва 5 июля — 23 августа 1943 г. Она и стала ключевым и переломным моментом на пути к коренному перелому в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

Ставка Верховного Главнокомандования тщательно готовилось к предстоящему летнему наступлению противника на Курской дуге в июле 1943 г. Основной упор в обороне на Курской дуге был сделан на истребительно-противотанковые артиллерийские соединения Резерва Верховного Главнокомандования. По донесениям разведки стало известно, что противник на Курской дуге будет наступать при помощи мощного танкового удара. Противостоять этому удару противника в ходе летней компании (по замыслу командования Красной Армии: измотать силы

противника на заранее подготовленных оборонительных рубежах) могла истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главнокомандования. Ставка на данный вид артиллерии был сделана потому, что данные соединения можно было сформировать в короткие сроки, не затрачивая много времени, они были более маневренными, и могли обеспечить усиление армий (фронтов) на наиболее опасных участках обороны. К тому же они выступали той силой, которая обеспечивала в критических ситуациях отход соединений Красной Армии с наименьшими потерями, как в материальной части, так в личном составе.

Истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главнокомандования, находясь «на острие главного удара», отвечала всем требованиям и полноценно выполняла поставленные перед ней задачи.

Так, в период подготовки к предстоящим боям на Курской дуге, в состав только Воронежского фронта были включены около 16 истребительно-противотанковых артиллерийских полка резерва Верховного Главнокомандования и около 10 отдельных истребительно-противотанковых артиллерийских бригад резерва Верховного Главнокомандования. Они оперативно входили в подчинение командующих артиллерией армий, оборонявшихся на южном фасе Курского выступа. [1]

Тем, кто воевал в этих подразделениях, кто-то завидовали, а кто-то сочувствовал. «Ствол длинный, жизнь короткая» и «Двойной оклад тройная смерть!» это не полный список прозвищ, полученных солдатами и офицерами истребительно-противотанковых соединений Резерва Верховного Главнокомандования, подчеркивающие высокую смертность. Все эти прозвища вполне соответствуют действительности: противотанковые орудия с длинным стволом, достойное жалованье, но за всем этим стояла большая цена — жизнь. На долю истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования пришлось 70% уничтоженных немецких танков. Так, например, только за два дня боев 6 и 7 июля 1943 г. воины 14-й отдельной истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования уничтожили 175 вражеских танков. [2] Среди артиллеристов, удостоенных в годы Великой Отечественной войны звания Героя Советского Союза, каждый четвертый — рядовой солдат или офицер истребительно-противотанковых подразделений удостоен звания Героя Советского Союза.

За бои на Курской дуге звания Героя Советского Союза было удостоено 234 воина из них 31 — истребители. За весь период Великой Отечественной войны 1744 артиллеристов — Героев Советского Союза, из них 453 человека воевали в истребительно-противотанковых подразделениях Резерва Верховного Главнокомандования.

Не каждый воин мог занять место истребителя. Прежде чем занять должность орудийного номера — наводчика, установщика, истребитель танков — должен беспрекословно подчиняться требованиям командира орудия и

также беспрекословно их исполнять. Основная задача истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования уничтожение танков. Перед началом боя артиллерист должен выбрать огневую позицию (площадь для развертывания орудия и размещения обслуживающего это орудие персонала), занять огневую позицию, подготовить материальную часть орудия к бою и боеприпасы, произвести выверку прицельных линий и нулевых установок, удалить с ОПГ средства тяги.

«Нельзя раздвинуть станины — с этого начинается приведение орудия «к бою» — скажем, в углублении либо на рытвинах, заряжать его из укрытия или лежа. Орудийные номера выполняют обязанности в полный рост. И затем, смена открытой огневой позиции на виду у противника — мера во многих: случаях безнадежная: противотанковое орудие демаскирует себя первым выстрелом и становится мишенью для танков, боевых средств пехоты и артиллерии противника» — из воспоминаний разведчика 2-го батальона, 496-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка Резерва Верховного Главнокомандования И.И. Плясова. [6]

Если танковый экипаж защищен броней танка и его основой боевой эффективности является подвижность, он имеет возможность стрелять в движении, с места или короткой дистанций, в случае промаха укрывался в складках местности, либо отходить за пределы досягаемости огня противника. Участь истребителя не решала ни численность орудий на направлении движения танков противника, ни степень поддержки со стороны своей артиллерии. Менее уязвимым он от этого не становился, наоборот решительно повышал ценой своей жизни безопасность отдельного танкового экипажа.

Был ли шанс свести к минимуму преимущества танка противника в единоборстве с противотанковым орудием артиллериста? Он был, но только с помощью повышения боеспособности орудийного расчета.

За тактическую отсталость принципа «орудие против танка» истребители платили собственной жизнью. Естественно, что борьбу с танками вела не только противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главнокомандования. Но истребители единственные кто не имели приказа на отступление. Дело в том, что противотанковые части Резерва Верховного Главнокомандования вступали в бой, когда основные силы Красной Армии силы исчерпали свои боевые возможности (противник выступил в прорыв, и остановить развитие событий уже нельзя). Истребители выдвигались в район кризиса и вступали в бой с ходу. Они занимали огневые позиции под огнем любых видов оружия, и занимали только затем, чтобы замедлить темп продвижения противника, сдержать удар или нанести полное поражение.

В рамках своей основной задачи противотанковые части Резерва Верховного Главнокомандования решали целый ряд других — в частности, они привлекались к ведению огня с закрытых позиций в составе полковых и дивизионных артиллерийских групп, самостоятельно оборо-

няли отдельные участки переднего края наряду с пехотой основных частей Красной Армии. Так, например, в критический момент боя Курской битвы 6июля 1943 г. командующий артиллерией Воронежского фронта отдал приказ о выдвижении 14-й отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской бригады Резерва Верховного Главнокомандования в район с. Покровки и высоты 254,5 (сегодня территория Мемориала «В честь героев Курской битвы»). Здесь части бригады внесли особый вклад в разгром противника.

8 июля у высоты 254,5 (важнейшего стратегического пункта по достижению цели противника — овладению Курском) усилиями 1177-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка резерва Верховного Главнокомандования противник был остановлен, после чего был вынужден изменить направление удара в сторону Прохоровки.

1177-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк резерва Верховного Главнокомандования майора А. А. Шалимова на высоте 254,5 вел ожесточенные бои против дивизии СС «Адольф Гитлер». Противник проводил артиллерийскую обработку огневых позиций, занятых частями полка. Авиация противника группами самолетов по 30—40 «Юнкерсов» и «Мессершмиттов» подвергла интенсивной бомбардировке расположение батарей полка. [3]

Против частей полка выступали танки противника большими группами в целом около 200, половина из них составляла танки «Тигр». За танками двигалась пехота. Танки стреляли с ходу, «Мессершмитты» снижались до 20-30 м, очередями из пулеметов старались вывести из строя расчеты. Неся большие потери, танки противника продолжали продвигаться вплотную к позициям батарей. В это время противника встречала 5-я батарея старшего лейтенанта 4. П. Лосева. После упорных

боев противник отошел назад и открыл сильный огонь по огневым позициям 1 и 2 батареи. Батареи не прекращали огня. Противник, неся большие потери, расчленил свои танки на три колонны, возобновил атаку одной колонной в лоб, а двумя с флангов. «Мессершмитты» расстреливали огневые позиции вдоль окопов и траншей. После второй атаки орудия 1 и 2 батареи были выведены из строя. [5]

5-я батарея старшего лейтенант А.П. Лосева продолжала вести неравный бой с двумя колоннами танков. Когда кончились снаряды артиллеристы 5-ой батареи перешли на противотанковые ружья и продолжали сражаться с врагом. А когда не стало патронов для противотанковых ружей, артиллеристы пустили в ход «карманную артиллерию» — бутылки с горючей смесью. В этом бою артиллеристы 5-ой батареи подбили 26 танков и штурмовое орудие «Фердинанд», несколько автомашин, уничтожили сотни солдат и офицеров противника. Только за период 6 и 7 июля 1943 г. усилиями полка у высоты 254,5 было уничтожено 79 танков противника. [4]

В дальнейшем после успешно выполненных задач части бригады, составили подвижной противотанковый резерв Воронежского фронта на участке Обоянь — Белгород, где вели ожесточенные оборонительные бои. Отражали массированные атаки немецких танков, маневрируя и прикрывая основные танкоопасные направления.

Опыт Великой Отечественной войны свидетельствует, что успех борьбы с вражескими танками обеспечивался в первую очередь высокой специальной и морально-психологической подготовкой солдат, сержантов и офицеров. Такой широкой подготовки личного состава как истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования на протяжении всей Великой Отечественной войны не отличалось не одно соединение Красной Армии.

- 1. ЦАМО РФ ф. 132-А, оп. 2642, д. 33, л. 85. Подлинник
- 2. ЦАМО РФ ф. 9699, оп. 1, д. 1, л. 2
- 3. ЦАМО РФ ф. 4, оп. 201863, д. 3, л. 102
- 4. ЦАМО РФ ф. 1177 ИПТАП, оп. 1, д. 8, л. 112
- 5. ЦАМО РФ ф. 1177 ИПТАП, оп. 1, д. 8, л. 119
- 6. ФБГИКМ МКД (Филиал Белгородского государственного историко-краеведческого музея Мемориал Курская Дуга) ф. 2, оп. 2, д. 2.4.2, л. 23.

Кризис и ликвидация военных диктатур в Латинской Америке в 80-е годы XX века

Русакова Елизавета Андреевна, студент Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Внастоящее время страны Латинской Америки динамично развиваются. Страны региона играют важную роль на международной арене. Многие государства являются главными поставщиками продовольствия на мировые рынки, состоят в таких значимых организациях, как БРИКС, G20, МЕРКОСУР. Однако стабильное развитие стран региона началось сравнительно недавно, лишь около трех десятков лет назад. Поворотным моментом стал политический процесс, охвативший практически все страны Латинской Америки, а именно кризис и ликвидации военных диктатур в 80-е годы XX века.

Процессы демократизации в каждом регионе проходили в разное время и при разных условиях. Американский социолог и политолог С.Ф. Хантингтон разработал теорию, согласно которой в мире было три волны демократизации [3, р. 12]. Эти «волны» в разное время затрагивали разные страны и регионы и отражали переход от недемократических политических режимов к демократическим. Последняя волна началась в 1974 году в Португалии и продолжается в настоящее время [3, р. 13]. Страна латиноамериканского региона данный процесс затронул именно в период третьей волны, в 1980-е года, после отстранения диктаторских армейских режимов от власти во многих странах.

Для начала рассмотрим исторический контекст данного периода, чтобы выявить причины начала кризиса диктаторских режимов. В рамках Холодной войны, в контексте распространения советско-кубинского политического влияния, для Соединенных Штатов Америки, в то время еще имеющих достаточное влияние в латиноамериканских странах, ключевым было не допустить распространение коммунистических идей. Именно желание противостоять распространению коммунистического мировоззрения в 60-70-х годах, стало причиной того, что США оказывали поддержку как экономическую, так и политическую, многим странам региона, не обращая внимания на тип власти [4]. Главными критериями для определения оказывать или не оказывать поддержку режиму была способность контролировать и удерживать стабильную политическую ситуацию в стране, неважно диктаторскими режимами или мирным путем.

В 1970-х годах милитаристские режимы были установлены в Аргентине, Бразилии, Чили, Перу, Боливии, Парагвае, Уругвае, Эквадоре и почти во всех Центральноамериканских странах, кроме Коста-Рика [5, р. 351]. Главное предположение военных состояло в том, что им удастся прийти к власти и сохранить ее путем проведения разумной политики по поддержания национальной экономики на должном уровне. Приходу к власти военных хунт

и режимов не сопротивлялись ни внутри страны, ни за ее пределами (ввиду существования поддержки со стороны США). Тем не менее, уже в начале 80-х годов политическая ситуация начала изменяться.

К кризису военных режимов в регионе привел комплекс различных причин: как внутренних, так и внешних. Во-первых, большое влияние оказал тот факт, что служащие армии в высших эшелонах власти показали свою неспособность управлять страной. Это отразилось на появлении общественного недовольства, а также на потере у военных правителей уверенности в своих возможностях управлять страной. Иллюстрацией тому может послужить неудачное вовлечение правительства Аргентины в Фолклендскую войну против Великобритании в 1982 году и последовавший за этим рост оппозиционных настроений [11, с. 430]. После провала руководства в военных действиях президент Галтьери подал в отставку. Еще одним примером является отсутствие необходимых экономических знаний у руководства некоторых стран, которые привели к экономическим кризисам и росту внешней задолженности стран (в особенности, Бразилии и Уругвая).

Во-вторых, еще одной причиной стали выступления различных групп населения, а также внешних сил, против действующего правительства. Забастовки трудящихся, требующих социальных перемен, активизация правозащитных организация и профсоюзов, осуждавших происходящие в стране репрессии и акты нарушения прав человека, оказали дестабилизирующее влияние на режим. Кроме того, некоторые политические партии пересмотрели свои взгляды: партии левого толка осознали утопичность идей о революции и сфокусировались на возможности проведения социальных реформ мирным путем, а «правые» (ранее поддерживали армию у власти) были недовольны отсутствием доступа к процессу принятия решений и риском социально-политической нестабильности под властью военных хунт или лидеров. Более того, изменилась и позиция Соединенных штатов. Время правления Джимми Картера (1977-1981 года) в условиях уменьшения конфронтации идеологий Холодной войны ознаменовалось уменьшением поддержки диктаторских режимов Латинской Америки [4].

В-третьих, решающую роль также сыграло распространение идей демократии, необходимости отстаивать свободы и права человека в других регионах мира. Жители Латинской Америки, все больше убеждаясь в несостоятельности военных режимов, выходили на забастовки, недовольные отсутствием и нарушением личных прав и свобод, а также массовыми репрессиями. Например, забастовки «Демократического союза освобождения»,

предшествующие Сандинистской революции в Никарагуа в 1978 году [2]. Напряжение в обществе росло, оппозиция привлекала все более широкие слои населения. Таким образом, ошибки правительства стран, рост общественного недовольства и распространение демократических взглядов стали ключевыми для начала кризиса диктаторского правления армии.

Логическим завершением кризиса становилась ликвидация режимов либо окончательная, либо временная. Этот процесс происходил двумя главными способами: принудительным путем, то есть в результате революции или переворота, а также добровольно — путем передачи власти или в результате выборов.

Касательно диктатур, свергнутых немирным путем. Первым таким режимом в Латинской Америке оказался военный режим Сомосы. Диктатура началась в 1936 году (пришла к власти при содействии американской морской пехоты) и окончательно была ликвидирована в результате Сандинисткой революции 1979 года [9, с. 85]. За весь период нахождения у власти в результате репрессий было уничтожено около 330 тысяч человек (число огромное, учитывая, что население страны в 1975 году было чуть более 2 миллионов) [9, с. 86]. В качестве главной движущей силы революции выступила политическая партия «Сандинистский фронт национального освобождения» (во главе с Даниэлем Ортегой, Омаром Кабесас и другими). СФНО была создана в 1961 году в качестве революционной военной и политической организации, главной целью которой было не только свержение военной диктатуры, но и полное уничтожение всяческого влияния со стороны «империи доллара» [7, с. 34]. В контексте Кубинской революции, примеров Ленина, Хо Ши Мина, Фиделя Кастро, руководство СФНО вдохновилось идеями партизанской войны. Сандинистское движение было по-разному активно в определенные временные периоды. Вплоть до 1967 года организация осуществляла и успешные акции, и терпела военные поражения. Затем движение пришло к пересмотру методов борьбы. Один из основателей СФНО в своем труде писал о том, что «народные массы без оружия обречены на поражение так же, как обречено на поражение оружие без масс. Путь к победе лежит через параллельное укрепление борьбы масс и вооруженной борьбы» [1, р. 147.]. Результатом этого стало совершенствование техники, так и увеличение массовости наступления. Как следствие, множество забастовок, протестов, оккупаций зданий и городов привели к тому, что Анастасио Сомоса 17 июля 1979 года бежал из страны, а сандисты пришли к власти 19 июля того же года [9, с. 86]. Созданное сандинистами ранее правительство, Правительственная хунта национальной реконструкции оказалась у власти и была частично признана соседними государствами. Бежавший Сомоса был убит участниками сандинистского движения через год в Асунсьоне.

Еще одним случаем ликвидации военного режима вследствие переворота в высших слоях власти стала ситуация в Парагвае. Альфредо Стресснер стал президентом

страны в мае 1954 года в результате переворота, главой которого являлся сам Стресснер [8]. Во время его правления происходило массовое уничтожение коммунистов, социалистов, но зато часто принимали беженцев из нацистских стран (например, в Парагвае жил знаменитый главврач Освенцима, Йозеф Менгель). Нестабильная обстановка в стране, связанная с множеством беспорядков (начиная с убийства выше упомянутого Сомосы в столице Парагвае), с ростом недовольства бизнесменов и увеличением уровня коррумпированности привела к военному перевороту. Кроме того, в 1984 году Рональд Рейган признал режим в Парагвайе диктаторским, то есть страна потеряла поддержку с американской стороны [8]. Во главе переворота в 1989 году стоял Андрес Родригес, Стресснер был отправлен в изгнание в Бразилию, где он умер в 2006 году [8].

Перейдем к странам, где диктаторское управление страной было ликвидировано в результате естественных процессов, добровольной передачей власти. На волне потери доверия населения ввиду ухудшения экономического положения в стране правительство генерала Галтьери решило поднять патриотические настроения путем развязывания войны с Англией. Высшими властями не было учтено то, что для главного политического лица того времени в Великобритании, для Маргарет Тэтчер, это война была тоже выгодна. Она способствовала росту популярности партии консерваторов Великобритании перед парламентскими выборами 1983 года [11, с. 431]. Авторитарный режим Галтьери был поколеблен неудачей в развязанной Фолклендской войне 1982 года, после которой Галтьери ушел в отставку, а позже даже был осужден на 12 лет [11, с. 432]. Его сменило демократическое правительство.

Подобная ситуация произошла в Бразилии. Военные, являясь членами проправительственной партии Альянса национального обновления, находились у власти с 1964 по 1985 года [6]. В стране действовала двухпартийная политическая система (вторая партия — Партия бразильского демократического движения) с четким перевесом мест и голосов на стороне Альянса. Методы правления, применяемые альянсом, обладали диктаторскими чертами. За данный период истории Бразилии погибли около 500 человек, а 20 тысяч людей подвергались пыткам [6]. В 1974 году с началом экономического кризиса оппозиционная партия стала набирать все больше голосов. И, несмотря на то, что с каждым новым правителем режим становился чуть более либеральным (многопартийная система при последнем диктаторе Фигейреду), окончательно система правления с доминированием партии Альянса национального обновления была ликвидирована в 1985 году с победой на выборах Танкреду Невиса, члена ПБДМ [6].

Мирным путем подверглись ликвидации диктатуры в ряде оставшихся стран, в основном по причинам общественного разочарования в состоятельности правительства, а также ввиду отсутствия должных политических и экономических изменений в стране. В Эквадоре в 1979 году власть была передана выборному конституционному

правительству, то же произошло в Перу в 1980 году [3, р. 33]. В 1985 году в результате выборной кампании власть в Уругвае перешла к демократическому правительству, годом позже это случилось в центрально американских странах, Гватемале и Гондурасе [3, р. 33]. Дольше всего удержался режим Аугуста Пиночета в Чили. Он был упразднен лишь в 1989 году в результате проигранных выборов ввиду потери лидером популярности среди населения (на год ранее, на проведенном плебисците по поводу сохранения власти, Пиночет проиграл) [12, с. 17].

Таким образом, уже к началу 90-х годов пали все военные режимы, существовавшие в Латинской Америке. Что это означало для региона, и к каким изменениям привело? Важно упомянуть, что в экономической сфере страны Латинской Америки через активное проведение реформ в этой области стали интегрироваться в мировую экономику, принимать более активное участие в мировом разделении труда. Основные внутренние реформы включали приватизацию государственной собственности, урегулирование налоговой политики, развитие стран региона по неолиберальному пути.

Что же касается политических вопросов, то сразу после ликвидации режимов страны были настроены на установление демократических режимов. Тем не менее, военные не смогли исчезнуть из политики сразу и в полной мере, они вмешивались в государственные дела (например, по

просьбе гражданских властей). В Перу в 1992 году самими же властями был организован переворот, где тогдашний президент Альберто Фуджимори обратился к военным для организации переворота с целью роспуска Конгресса [4]. То же произошло и в Гватемале в том же году. Стоит также отметить и попытку переворота с участием армии во главе с Уго Чавесом в Венесуэле в 1992 году [10]. Попытка завоевать власть в результате переворота доказала свою несостоятельность, и Уго Чавес был посажен в тюрьму. Однако уже в 1998 году ему удалось стать президентом страны [10]. Таким образом, режим военной диктатуры вернулся в одну из стран Латинской Америки.

Итак, кризис латиноамериканских военных диктатур был связан с некомпетентностью военных во многих вопросах, а значит и с неудачами во внутренней или внешней политике. В свою очередь эти неудачи приводили к массовым протестам и усилению оппозиционных сил. Ликвидация диктатур, произошедшая в результате революций, переворотов или мирным путем по итогам выборов, направила страны региона по демократическому пути развития и способствовала проведению экономических реформ. Однако в некоторых странах военные продолжали оказывать вмешательство в ситуацию в высших эшелонах власти, либо через определенное время вернулись к управлению страной.

- 1. Fonseca, C. Obras, Tomo 2: Viva Sandino. Recopilación de textos del Instituto de Estudio del Sandinismo Managua.: Editorial Nueva Nicaragua, 1982. 365 p.
- 2. Guerrillas seize key Nicaraguans // The New York Times. URL: http://query. nytimes. com/gst/abstract. html?res =9801E0DC1E3BE53ABC4151DFB467838F669EDE. (дата обращения: 24.09.2016)
- 3. Huntington, S. THE THIRD WAVE. Democratization in late twentieth century. Oklahoma: University of Oklahoma Press, Norman, 1999. 366 p.
- 4. Manaut, R.B. Identity crisis: The military in changing times // Report of The North American Congress on Latin America (NACLA). URL: https://nacla. org/article/identity-crisis-military-changing-times. (дата обращения: 28.09.2016)
- 5. South America, Central America and the Caribbean. 5th edition. London: Europa publications, 1995. 741 p.
- 6. Единая Бразилия // Газета. ru. URL: http://www. gazeta. ru/comments/2007/11/27_a_2351688. shtml. (дата обращения: 15.10.2016)
- 7. Идейное наследие Сандино // Сборник документов и материалов. М: Прогресс, 1982. с. 34-35
- 8. Последний фюрер Америки // Коммерсант. ru. URL: http://kommersant. ru/doc/700480. (дата обращения: 15.10.2016)
- 9. Сандинистская народная революция: опыт, проблемы, перспективы // Научная конференция, посвящённая 10-й годовщине победы революции в Никарагуа. М., 1989. 81—85 с.
- 10. Смерть команданте Чавеса. // Газета. ru. URL: http://www. gazeta. ru/politics/2013/03/05_a_5000921. shtml. (дата обращения: 24.10.2016)
- 11. Соколов, Б. В. 100 Великих войн. М.: Вече, 2001. 544 с.
- 12. Тарасов, А. Правда о Чили и Пиночете. // Журнал «Свободная мысль-XXI». 2001. № 3. с. 17—20

К истории первого перевода на удмуртский язык Евангелия от Матфея

Туранов Андрей Алексеевич, ведущий инженер, краевед

В статье реконструируется история создания первого перевода на удмуртский язык Евангелия от Матфея. Определяется круг лиц, причастных к переводу, и их роль. В научный оборот вводятся новые источники.

Ключевые слова: Евангелие от Матфея, перевод, рукопись, удмуртский язык, священник, Вятская епархия, Вятский комитет Библейского общества

Сзание удмуртского литературного языка тесно связано с переводами на удмуртский язык христианских текстов. Большое историческое значение имеют переводы Евангелий, выполненные в начале 20-х годов XIX в. духовенством Вятской епархии при содействии Российского Библейского Общества (РБО). Но только в 1847 г. два из них — Евангелия от Марка и от Матфея — были изданы в Казани на средства Вятской епархии.

Создателей первых переводов Евангелия на удмуртский язык, по-видимому, не особенно заботила мысль увековечить свои имена указанием их в рукописи. История создания переводов и имена переводчиков со временем оказались забыты. Интерес к теме пробудился лишь с началом всестороннего изучения удмуртского народа.

В начале XX века историю первых переводов Евангелия на удмуртский язык исследовал вятский историк П. Н. Луппов. Результаты работы опубликованы им в двух книгах: «О первых вотских переводах источников христианского просвещения» [1] и «Христианство у вотяков в первой половине XIX в» [2]. В течение следующего столетия, касаясь истории этих переводов, авторы лишь пересказывали работы Луппова, мало что нового добавляя по сути. Вместе с тем, работы П. Н. Луппова не исчерпывают тему в полной мере. В части создания переводов исследование его построено на материалах, напечатанных в столичных «Известиях о Библейских обществах» [1, с. 9]. Материалы эти освещают действия отделений РБО, но не содержат многих подробностей осуществления проекта на местах, что ведёт к смещению акцента в сторону завышения роли Общества.

В 2003 г. состоялось репринтное переиздание книг 1847 г., но оно не сопровождалось исследованием истории создания переводов. К настоящему времени в вопросе об авторстве переводов у ученых нет единого мнения. В предисловиях к книгам говорится, что переводы эти являются результатом коллективного труда. Однако, если для перевода Евангелия от Марка хотя бы очерчивается круг возможных авторов [3, с. 5], то для перевода Евангелия от Матфея не сделано даже и этого [4, с. 5].

Автором предпринята попытка восстановить историю создания первого перевода на удмуртский язык Евангелия от Матфея путём привлечения к изучению вопроса новых источников, — документов Центрального Государственного архива Удмуртской Республики (ЦГАУР) и Государственного архива Кировской области (ГАКО).

Вопрос о переведении на удмуртский язык Евангелия впервые был поднят в Вятской епархии во второй половине 1820 года. После обозрения Вятской епархии Преосвященным Амвросием Епископом Вятским и Слободским, по его предложению, 13 декабря состоялся указ Вятской духовной консистории о переводе Евангелий Марка, Иоанна и Луки... История же удмуртского перевода Евангелия от Матфея началась чуть раньше, и началась она с внешнего посыла.

В конце первой декады августа 1820 г. Епископом Вятским и Слободским Амвросием было получено отношение Архиепископа Тверского Филарета «с приложением рукописи от Матфея Святаго Благовествования со славянскаго языка на отятской язык переложеннаго». Предлагалось выполнить проверку качества этого перевода прочтением его в приходах, населенных удмуртами. С этой целью указом от 19 августа в Елабужском духовном правлении были запрошены сведения о священниках, способных «благонадежно» выполнить требование Филарета [5, л. 212 об.].

В ответе из Елабуги рекомендованы были два священника: Иоанн Анисимов из с. Басурман-Можга и Стефан Красноперов из с. Алнаши. Тогда, 7 октября в Елабужское духовное правление был послан с указом и сам перевод. Предписывалось одному из Присутствующих правления отправиться по удмуртским селениям уезда, и, при помощи священников Анисимова и Красноперова, этот перевод «прочитать точно так, как в сношении Преосвященнейшаго Архиепископа Филарета <...> изъяснено, и при прочтении зделав наиприлежнейшее внимательное и обстоятельное замечание, как оный перевод вотяки понимают, вполне ли смысл онаго или в частях. Или чего и почему не понимают, да и они иереи находят ли сей перевод правильным и точным с оригинальным Евангелием, и в каких имянно селениях и коликому числу мужска или и женска пола поселянам прочитан будет, и потом ту рукопись перевода с подробным описанием всего того замечания обратить немедленно в Консисторию при ре*порте»* [5, л. 442–442 об.].

Из дальнейшего выясняется, что перевод этот выполнен был профессором Левандовским, и представлял собой не весь текст Евангелия от Матфея, а только первые десять его глав. Во второй половине октября перевод был прочитан удмуртам в нескольких селениях, и к 10 ноября с рапортом духовного правления возвращен в Консисторию.

К рапорту было приложено замечание священников И. Анисимова и С. Красноперова, сделанное по результатам чтения перевода. Судя по всему, перевод профессора Левандовского оказался неудачным и малопонятным елабужским удмуртам, настолько, что священники вынуждены были, сделать собственный перевод первой главы Евангелия от Матфея. Этот перевод был представлен в консисторию вместе с замечанием. В середине ноября перевод Левандовского, замечания Анисимова и Красноперова, а также сделанный ими перевод первой главы Евангелия от Матфея, от имени Преосвященного Амвросия были отправлены Высокопреосвященному Филарету. В сопроводительном письме сообщалось также, что в Вятской епархии сделано распоряжение о самостоятельном переводе Евангелия на удмуртский язык [5, л. 597 об. — 598, 609].

Священникам же И. Анисимову и С. Красноперову указом от 13 ноября было предписано «чтоб они для душевной пользы тамошних вотяков по долгу звания своего потрудились перевесть и прочие главы того Евангелиста Матфея на их природной язык со всяким тщанием и точностию. И тот перевод по прочтении при местном благочинном вотякам и пересмотре и поправке его так, чтоб всяко слово в нем было им вотякам удобопонятно и с оригиналом сходно прислали к Преосвященнейшему на благорассмотрение при ре*порте»* [5, л. 598-598об.]. Об успехах в переводе следовало рапортовать Амвросию через каждые три месяца [5, л. 609]. Несколько позднее, в конце февраля 1821 года, переводчикам, «для пособия им в переводе», были высланы «Славяно-российские Евангелия с деяниями Апостольскими», деньги за которые были взысканы из кошельковых сумм их церквей [6, л. 49, 233 об.].

К концу зимы И. Анисимов перевел первые 11 из 28 глав Евангелия от Матфея. В это время в Глазовском и Сарапульском уездах уже началась работа по переложению других трёх Евангелистов. В связи с этим, перевод Анисимова был взят протоиереем с. Святицкого (Глазовского уезда) Афанасием Шкляевым «для соображения тамошняго вотяцкаго наречия со здешним», и возвращён обратно через Глазовское и Елабужское духовные правления во второй половине марта... [7, л. 212—213]

Получил ли послание из Вятки Архиепископ Филарет неизвестно, — в то время из Твери он был перемещён в Ярославль, и путь доставки отправленных бумаг оказался спутан. Каким-то образом они оказались у Министра народного просвещения и духовных дел князя А. Н. Голицина, являвшегося Президентом РБО. Голицын, по-видимому, в подробности дела углубляться не стал, и, посчитав, что все переводчики трудятся в Вятке, в марте 1821 г. отослал бумаги назад Вятскому Архиерею, «с приложением вотякскаго словаря» для использования при продолжении перевода [6, л. 359].

Преосвященный Амвросий 24 марта вновь распорядился о пересылке материалов Левандовского, Анисимова и Красноперова, но теперь уже к Преосвященному Епископу Вологодскому, «дабы он благоволил приказать оному Профессору разсмотреть те замечания и по разсмотрении представить о том своё мнение» [6, л. 359]. Дальнейшая судьба этих бумаг неизвестна... В тоже время священникам Анисимову и Красноперову предписывалось «чтоб они употребили все возможные труды и ревность к поспешнейшему и точнейшему переводу»; к ним же препровождался и «вотятский словарь с тем, чтоб они, есть ли для перевода им нужен, оставили у себя для надлежащаго употребления...» [6, л. 359—359 об.]

По стечению обстоятельств, уже 25 марта был получен репорт Анисимова и Красноперова о переведении 20 глав [6, л. 364]. Поэтому в ответном отношении Амвросий уведомил А. Н. Голицина и столичный Комитет РБО, что «священники Иоанн Онисимов и Стефан Красноперов перевели уже 20 глав Св. Евангелиста Матфея; прочия 8 глав надеются они перевести в непродолжительном времени» [8, л. 27].

По-видимому, при переводе текст Евангелия был поделен между переводчиками, и каждый переводил свою часть, придерживаясь полученных наставлений. Чёткие указания, касавшиеся методики перевода и обеспечения полной понятности его удмуртам, были даны лишь к лету 1821 года. Ими предусматривалось, в частности: «к удостоверению в точном сходстве их с подлинным текстом чтоб перевод каждого из трудящихся разсматриваем был другими знающими вотякской язык, дабы из взаимных замечаний одного на перевод другаго и общаго их между собою совещания удобно было судить о достоинстве или недостатках каждаго. А при том и определить точнее слог, какого должно держаться в самом переводов положении» [8, л. 20]. После окончания переложения своей части переводчики должны были переписать сделанный перевод рядом с текстом на русском языке, при этом против каждого исписанного листа оставлялся один белый — для замечаний. После этого перевод одного передавался на рассмотрение другого, и наоборот. Проверяющий должен был, где потребуется, оставить подробные замечания и свои предложения по исправлению перевода. Замечания эти писались на оставленных белых листах против каждого такого места.

После взаимной проверки, Анисимов и Красноперов должны были представить перевод Корреспонденту Вятского Комитета РБО Елабужскому протоиерею Павлу Юрьеву, которому относительно перевода было поручено «...дабы и поверку и разсмотрение с знающими тамошнее вотяцкое наречие расположил во всем применяясь как распоряжено о Глазовских. И после всего перевод представил бы здешнему Библ. Комитету» [8, л. 23 об.]. Таким образом, П. Юрьев должен был организовать проверку переводов на практике. Для этого следовало найти среди местных удмуртов таких, уровень культурного и нравственного развития которых выделял бы их из основной массы населения, свободно владеющих как

удмуртским, так и русским языком, подходящих на роль своего рода «экспертов», и обеспечить их участие в поверке. Поверку полагалось производить в присутствии переводчиков, при этом следовало перечитать переводы «экспертам», «сказывая им каждой стих прежде поруски, потом по вотяцки и испытывать будут ли они переведенное понимать так, как должно по российскому тексту и в то же время спрашивать их не говорится ли что из слышаннаго ими в переводе повотяцки как нибудь иначе, для вотяков яснее и понятнее» [8, л. 21 об. — 22]. Полученные замечания, после обсуждения, также следовало вписывать на чистых листах, напротив уточняемых мест перевода.

Точных сведений о том, когда окончили свою работу переводчики, нет. Остававшиеся 8 глав могли быть переведены уже к лету 1821 г.; но требовалось ещё время на оформление и поверку перевода на практике. Подготовку чистового варианта для предоставления в столичный комитет осуществлял, по-видимому, протоиерей А. Шкляев, — в послужном списке его впоследствии указывалось, что он «с 1821 года по 1823 занимался переводом Евангелиста Марка с российскаго на вомятской язык, и сверх того ревизовал и переписывал других трёх Евангелистов» [9, л. 80 об.].

Как бы то ни было, а к осени 1823 г. удмуртский перевод Евангелия от Матфея, одновременно с переводом Евангелия Марка (сделанным в Глазовском уезде), был доставлен в столицу. Тогда же, по-видимому, Вятский Комитет изложил и свои предложения по вопросу их издания. В ответном сообщении 18 октября 1823 г. С.-Петербургский Комитет РБО выразил Вятскому Комитету «искреннейшую свою благодарность как за старание его в изготовлении перевода сего, так наиболее за благоразумныя и весьма надежныя меры им употребленныя к узнанию верности онаго с подлинным текстом и общей онаго удобопонятности для Вотяков». Сообщалось, что 4 октября делопроизводство по изготовлению удмуртских переводов было рассмотрено в заседании Комитета; было найдено, «что со стороны Комитета Вятскаго учинено все то, что только зделать было можно к достижению возможнаго совершенства и исправности в сем переводе»; в заседании было решено «предоставить оному приступить к предположенному изданию перевода в Вятке форматом по присланному от Вятскаго Комитета образцу и в числе 2000 екземпляров». Рукописи переводов тогда же были возвращены в Вятку [8, л. 61 об.]. Таким образом, издание переводов полностью возлагалось на Вятский Комитет РБО.

К концу 1823 г. завершались переводы и двух других Евангелий, — от Иоанна и Луки. Поэтому Вятский Комитет предполагал издать «Четверо-Евангелие на Российском и Вотякском языке», объединив все переводы в одной книге. Печатание предполагалось в типографии Вятского губернского правления. На первых порах на печатание и переплет предполагалось употребить деньги,

оставшиеся от собранных на книги для награждения успешных учеников. В дополнение к ним в губернии была открыта добровольная подписка, для чего Вятский комитет разослал 25 открытых листов в уезды, населённые удмуртами, а так же по одному листу во все остальные города губернии [8, л. 62].

В конце 1823 г. были отпечатаны первые страницы Евангелия от Матфея, в которых повествуется, в частности, и о рождении Иисуса Христа. Вятский Комитет 18 декабря разослал эти листы по удмуртским приходам для чтения в церквях во время наступающего праздника Рождества Христова [8, л. 56—57 об.]. Событие это обратило на себя особенное внимание удмуртов.

По сведениям из удмуртских сел Малмыжского уезда, в Кизнере чтение перевода Евангелия воспринято было с удивлением и радостью, а в Вавоже удмурты настойчиво просили повторить чтение, что и было исполнено не один раз. Слушавшие уверяли потом, что перевод этот они хорошо понимают и хотят слушать и более и чаще [1, с. 10].

В Благовещенском соборе Камско-Воткинского Завода перевод был читан 6 января перед литургиею, с предварительным оповещением об этом местного населения. Чтение состоялось в присутствии многочисленного собрания удмуртов. По отзыву Благочинного, многие из удмуртов «внимая чтенному в церкви Евангелию и уразумев Святое Благовествование на природном их языке весьма радовались тому, что о Рождестве Спасителя нашего они прияли первую радостную весть возвещенную им тем сказанием, и тем языком, который каждому из них столь понятен и вразумителен» [8, л. 57].

Таким образом, перевод Евангелия от Матфея, выполненный в Елабужском уезде священниками Иоанном Анисимовым и Стефаном Красноперовым был полностью понятен удмуртам и в Малмыжском и в Сарапульском уездах. Вероятно, это послужило впоследствии одной из причин называть этот перевод сарапульским [1, с. 10,15].

В первой половине следующего 1824 г. осуществлялся сбор средств на дальнейшее печатание переводов, — в мае, например, в Вятский Комитет были доставлены деньги в сумме 15 руб. ассигнациями и 1 руб. серебром из Воткинского благочиния [8, л. 77—78]. Однако, со сменой в середине 1824 г. руководства РБО, сменилось и отношение к распространению Священного Писания. Активность Общества резко снизилась, издание книг было приостановлено. В этих условиях, по-видимому, и у Вятского Комитета интерес к напечатанию переводов пропал, — каких-либо сведений о продолжении их издания автором не обнаружено.

Как уже говорилось, полностью перевод Евангелия от Матфея был издан только в 1847 г. Но по сравнению с остальными переводами, этот имел, все же, более завидную участь, — первые страницы его были напечатаны уже в 1823 г., прочитывались в церквях, и нашли своего благодарного слушателя. Один из авторов перевода, И. Анисимов, «за перевод некоторых книг свя-

щенного писания на вотский язык» 24 января 1826 г. был пожалован набедренником [10, л. 134 об.].

В свете всего изложенного можно утверждать, что переложение на удмуртский язык Евангелия от Матфея хронологически укладывается в период с октября 1820 г. по сентябрь 1823 г. Работа по переводу с начала и до конца была выполнена в рамках духовного ведомства Вятской епархии. Авторами перевода являются священники с. Басурман-Можги Иоанн Анисимов и с. Алнаши Стефан Красноперов. Организацией проверки перевода на практике занимался Елабужский протоиерей

П. Юрьев. Окончательный вариант перевода набело переписан протоиереем с. Святицкого А. Шкляевым. Перевод был выполнен на достаточно высоком для того времени уровне, частично отпечатан и с успехом прошел проверку в удмуртских приходах. Таким образом, на основе вновь привлекаемых документальных источников удаётся выявить новые сведения, уточнить и значительно расширить объем информации об истории создания первых удмуртских переводов Евангелий, и, в частности, реконструировать историю создания перевода Евангелия от Матфея.

Литература:

- 1. Луппов, П. Н. О первых вотских переводах источников христианскаго просвещения. Очерк из истории инородческих переводов. Қазань, 1905.
- 2. Луппов, П. Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX в. Исследование // Труды Вятской Ученой архивной комиссии, 1911, вып. I—II. Вятка, 1911.
- 3. Ившин, Л. М. Предисловие // Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. с. 5–12.
- 4. Ившин, Л. М. Предисловие// Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. с. 5–10.
- 5. ГАКО, Ф. 237, Оп. 1, Д. 61.
- 6. ГАКО, Ф. 237, Оп. 1, Д. 62.
- 7. ЦГАУР, Ф. 134, Оп. 1, Д. 109.
- 8. ЦГАУР, Ф. 265, Оп. 1, Д. 20.
- 9. ЦГАУР, Ф. 134, Оп. 1, Д. 570.
- 10. ГАКО, Ф. 237, Оп. 70, Д. 48.

Роль 106-го запасного пехотного полка в жизни Вятской губернии с марта по октябрь 1917 г.

Шарин Евгений Александрович, аспирант Вятский государственный университет

Вфеврале 1917 г. в Петрограде начались волнения, переросшие в Февральскую революцию 1917 г. Переход на сторону восставших, гвардейских полков, расположенных в Петрограде, под восторженные крики митингующих, навсегда похоронили надежду на успокоение восставшей столицы. В ночь с 1 на 2 марта 1917 г. император Николай II отрекся от престола. Монархия пала, власть перешла к Временному правительству. Временное правительство, с первых дней стремились упрочить свое положение в армии, которая продолжалась рассматриваться как опора власти. От стабильного положения вооруженных сил зависели на только успех военных действий на фронте, и безопасность населения, но и способность власти контролировать ситуацию внутри страны.

Вдали от Петрограда революционные события в корне изменившие не только политический строй, но и судьбу целой страны в губернии прошли спокойно и буднично. Влияние на революционные события в Вятке оказывала

697-я пешая дружина, набранная в основном из мужчин 30—40 лет, и 106-ой запасной пехотный полк, взявший на себя охрану города [1, с. 212]. При этом дружинники имели свое хозяйство и семьи, поэтому с большой радостью воспринявшие известия о революции.

Сразу же после официального опубликования текста отречения 3 марта 1917 г. в Петроград от командующего Казанским военным округом генерала А.Г. Сандецкого была отправлена телеграмма: «Я и части войск Казанского военного округа признали новое правительство. В частях войск полнейший порядок, спокойно продолжаю работу на благо родины и на усилении ее боевой мощи» [2, с. 9]. Генерал, отправляя эту телеграмму, не покривил душой. Офицеры и солдаты Вятского гарнизона не до конца осознали значение революции на жизнь в целом. Анархия, захлестнувшая Петроград пока еще не сказалась на службе 106-го запасного пехотного полка. Одних телеграмм было мало для того чтобы разрушить размеренную

жизнь гарнизона, живущего по уставу. Дисциплина и привычка повиноваться офицерам играли не малую роль в сохранении спокойствия.

Новообразованный комитет по охране г. Вятки 4 марта 1917 г. просил командира 106-го пехотного полка в целях поддержания порядка, сделать распоряжение о немедленном разоружении всех чинов жандармской и общей полиции, в том числе и полицейских стражников. Все оружие комитет просит сдать в оружейную мастерскую 106-гозапасного пехотного полка [3, с. 5]. Именно после этого 106-й пехотный полк взял на себя охрану города. На улицах г. Вятки появились первые солдатские патрули.

6 марта 1917 г. Вятский губернатор А.Н. Руднев передал свои полномочия председателю губернской земской управы П.И. Панькову [4, с. 11]. Одна из первоочередных задач стоявшая перед губернским комиссаром, это создание милиции. Старый полицейский аппарат был разгромлен, а между тем события требовали скорейшего решения задачи по созданию и обеспечению охраны общественного порядка.

Встал вопрос, где найти людей для руководящих должностей в милиции. Человек, отвечающий за полицию в городе или во всем уезде, должен был иметь организаторские способности, опыт работы в руководящей должности и самое главное знать суть работы органов правопорядка не со стороны, а «изнутри». Власти губернии не желали расставаться с единственным институтом, сохранившим относительную дисциплину — армией.

В марте 1917 г. 106-ой запасной пехотный полк продолжил жить обычной жизнью. Самоуправства зафиксировано не было. Единственный инцидент произошел 5 марта 1917 г. когда решением солдатского комитета 106-го полка командир был отстранен от командования [5, с. 258]. На его место, из числа офицеров командующим был назначен новый командир. Агитаторов, призывающих к смещению и убийству командиров, неподчинению приказам вышестоящего начальства в марте 1917 г. на Вятке замечено так же не было. На 31 марта 1917 г. сведений о митингах и демонстрациях среди военнообязанных не поступало [6, с. 43]. Потому неудивительно, что именно на армию, губернский комиссар пытался опереться, в попытке стабилизировать обстановку в губернии. Командующий Казанский военным округом генерал А. Г. Сандецкий, предвидя это, еще 3 марта 1917 г. отправил телеграмму начальнику Вятского гарнизона с приказом использовать военнослужащих только в том случае, если в городе начнутся грабежи и беспорядки [7, с. 43]. В случаях поступления требований властей о вызове частей войск для содействия, нужно было лично разрешение командующего округом.

Несмотря на это, было предложено искать кандидатов на должность начальника милиции из лиц офицерского звания, уволенных от службы по ранениям или болезням. По запросу губернского комиссара П.И. Панькова от 5 марта 1917 г. командующему Казанским военным округом, на должность начальника милиции г. Вятки был назначен

прапорщик 106-го запасного пехотного полка В.А. Дробинин, заступивший на должность 7 марта 1917 [8, с. 5].

С апреля 1917 г. начинается противостояние губернского комиссара и командующего Казанским военным округом. Суть противостояния заключалась в стремлении П.И. Панькова оставить для создания милиции в губернии как можно больше офицеров для назначения их начальниками милиции и солдат для пополнения рядового состава. А.Г. Сандецкий в свою очередь, не желая разложения подчиненных ему частей, стремился изолировать армию от проблем губернии. Временное правительство, так же стремилось всеми силами отправить запасные части на фронт, где положение с каждым днем ухудшалось.

Но если в начале марта 1917 г. еще можно было опереться на воинские команды, как на последнюю надежду в стабилизации и спокойствия в губернии, то к лету 1917 г. надежды на армию не было. Офицеры не оказывали влияния на солдат и самоустранились. Следствием этого стала полная безнаказанность солдат и участие в различных митингах. Кроме этого, неизвестно откуда появлялись агитаторы, призывающие к бунтам и погромам.

Начальник Малмыжской уездной милиции сообщал 9 апреля 1917 г. что по время обхода города в толпе заметил человека в солдатской форме при шашке и кинжале, который агитировал толпу к погрому. На требования показать документы были представлены бумаги на имя Михаила Куклина, казака. В предписании приказывалось явиться 17 марта 1917 г. к атаману Терского казачьего войска Пятигорского отдела. При задержании М. Куклин оказал сопротивление и был арестован [9, с. 70]. В г. Яранске в Зыковской волости 3 июля 1917 г. прибыл неизвестный матрос с крейсера «Диана». Во время организованного митинга, матрос призывал к свержению Временного правительства. Поймать его милиции не удалось. Как казак Терского казачьего войска и матрос крейсера оказались на Вятке, и с какой целью прибыли неизвестно. Больше в сводках милиции они не упоминались.

Агитации и участие солдат в политической жизни страны дали негативные результаты. В журнале совещаний губернского комиссара в мае 1917 г. указывалось: «Все безобразия в городе, по мнению начальника городской милиции, исходят от нижних чинов 12-ой роты 106 пехотного полка, которая укомплектована из уголовных преступников, освобожденных из мест заключения согласно амнистии Временного правительства» [10, с. 321].

Массово росло дезертирство. С дезертирами справляться не удавалось. Ловить их было просто не кому. Единственное, что могли сделать губернские власти, это воззвать к совести солдат и назначать сроки, для добровольной явки в части [11, с. 45]. Случаев возвращения дезертиров в свои части зафиксировано не было. Более того, даже если бежавшие солдаты обнаруживались, (как правило, в своих деревнях) местные жители оказывали сопротивление воинским командам в водворении последних на места службы [12, с. 68].

Нагромождение запасных войск в городах имело огромное развращающее влияние на солдат. Видя перед собой все вольности городской жизни, и не имея той дисциплины, что сосуществовала на передовой, запасные полки морально разлагались еще в тылу. Итог развала 106-го запасного пехотного полка дал поручик Барабанов прибывший на Вятку для пополнения в середине лета 1917 г.: «В полку мы нашли полный развал...Из 10 тысяч товарищей нельзя набрать здоровую помнящую свой долг роту» [13, с. 63].

Временное правительство стремилось как можно быстрее отравить эти части на передовую, что бы с одной стороны сохранить дисциплину, с другой остановить развал фронтов. Губернский комиссар был уведомлен, что 1 июня 1917 г. все офицеры и солдаты, назначенные в войсковых частях в милицию, будут отозваны в свои части [14, с. 57]. Вскоре 106 запасной пехотный полк должен был быть отправлен на фронт.

Губернский комиссар просил у командующего Казанским округом оставить до 1 января 1918 г. хотя бы прапорщика В.А. Дробинина в должности начальника милиции. При этом, указывалась весьма положительная роль прапорщика в организации милиции. При неисполнении этой просьбы губернский комиссар грозил, что это означает развал милиции [15, с. 78]. В результате прапорщик А.В. Дробинин оказался единственным строевым офицером, служащим в милиции на всю губернию до октября 1917 г.

Таким образом, можно увидеть, что главную роль Февральской революции в г. Вятке сыграл 106 запасной пехотный полк, разоруживший царскую полицию и взявший охрану порядка на себя. При этом все действия были санкционированы вышестоящим командованием. Прямых нарушений приказов, в первые месяцы, замечено не было. Но постепенно под влиянием агитаторов и вольной городской жизни 106-ой запасной пехотный полк начал терять дисциплину.

- 1. Вятский край с древности до наших дней. / Под ред. В. А. Бердинских. Киров., 2006. с. 212.
- 2. Государственный архив Кировской области (далее ГАКО). Ф. 1345. Оп. 1. Л. 86, Л. 9.
- 3. ГАКО., Ф. 1345. Оп. 1. Д. 204. Л. 5.
- 4. ГАКО., Ф. 1345, Оп. 1. Д. 117. Л. 11.
- 5. 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению./ Под. ред. П. В. Волуева. М., 1997. с. 258.
- 6. ГАКО., Ф. 1345. Оп. 1. Д. 86. Л. 43.
- 7. ГАКО., Ф. 1345. Оп. 1. Д. 72. Л. 23.
- 8. ГАКО., Ф. 1345. Оп. № 1. Д. 5. Л. 5.
- 9. ГАКО., Ф. 1345. Оп. № 1. Д. 51. Л. 70.
- 10. ГАКО., Ф. 1345. Оп. № 1. Д. 10. Л. 321.
- 11. ГАКО., Ф. 1345, Оп. № 1. Д. 117. Л. 45.
- 12. ГАКО., Ф. 1345. Оп. № 1. Д. 117. Л. 68.
- 13. Бакулин., В. И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917-1918 гг. Киров, 2008. с. 63.
- 14. ГАКО., Ф. 1345. Оп. № .1. Д. 4. Л. 57.
- 15. ГАКО., Ф. 1345. Оп. № 1. Д. 6. Л. 78.

6. ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Эпос «Горкут ата» как историко-этнографический источник

Диванкулиева Бике Худайбердыевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Туркменский государственный университет имени Махтумкули (г. Ашхабад)

Туркменистане 2016 год объявлен Годом почитания Внаследия, преобразования Отчизны. Выдающийся памятник культурного наследия туркменского народа эпос «Горкут ата» («Книга моего деда Горкуда»), датируемый V в., давно вошел в мировую сокровищницу литературы. В прошлом году исполнилось 200 лет со времени обнаружения рукописи эпоса в фонде древних рукописей г. Дрездена. Все эти годы не ослабевает интерес исследователей к этому литературному памятнику, который распространен также среди многих тюркских народов. Впервые полный перевод эпоса на русский язык был осуществлен академиком В.В. Бартольдом [1]. Как отмечали востоковеды В. Жирмунский и А. Кононов, для историков и этнографов эпос «Горкут ата» представляет исключительный интерес [1, с. 5]. И это неудивительно, ведь в произведении нашли широкое отражение обычаи и обряды, быт и общественные отношения, верования и менталитет огузов-туркмен. В данной статье исследуется значение этого эпоса как историко-этнографического источника, показаны традиции, многие из которых сохраняются в народе.

Эпос «Горкут ата» состоит из двенадцати глав. В центре повествования — легендарный старец Горкут ата, который дает людям мудрые советы и наставления. Эпос пронизан идеями добра, единения, взаимопомощи, гостеприимства. В прозаическом тексте и в стихотворных строках излагаются духовные ценности огузов-туркмен, воспевается мужество, готовность отразить врага и защитить свою землю, верность семье и традициям предков. Велико воспитательное значение эпоса «Горкут ата». Песни, сказания из эпоса исполнялись певцами — бахши на туркменских празднествах — тоях и духовные ценности народа передавались из поколения в поколение. Пословицы и поговорки проходят через все повествование красной нитью: «Дружный народ и могуч, и силен», «Единый народ никому не сломить», «Не отрекайтесь от друзей», «Лишь дружный цели своей достигает», «Не делайте друг другу вреда», «С радушием гостей встречают», «Дочь без примера матери наставления не примет, сын без примера отца угощенья не устроит», «Старый хлопок тканью не станет, старый враг другом не станет», «Если накинуть уздечку на голову черного осла, он мулом не станет», «Гордых людей Бог не любит», «Не сгубив коня, дороги не пройти» и многие другие. Все эти

пословицы и поговорки не теряют своего воспитательного значения и сегодня.

В «Горкут ата» нашли отражение свадебные обряды огузов-туркмен. Интересно, как один из персонажей, Бейрек, сообщает своему отцу Байбура-беку о своем намерении жениться. На вопрос отца, что он видел любопытного у огузов, сын отвечает: «Что мне видеть? У кого есть сын, тот его женит, у кого есть дочь, тот выдает ее замуж», из чего отец понимает его намерение [1, с. 36]. У туркмен сын, из уважения к отцу, как правило, не объявляет ему напрямую о желании жениться. Главе семьи об этом сообщает жена или другие родственники. «Отцу достается сын для славы, сын опоясывается мечом на гордость отцу, в тот век сын слово своего отца не нарушал; если кто нарушал, такого сына не принимали» — говорится в эпосе [1, с. 51].

У туркмен на брак обязательно должно быть благословение родителей. В главе эпоса «Песнь о Кан-Турали, сыне Канлы-Коджи» юноша Кан-Турали, чтобы жениться на красавице Сельджан-хатун, выполняет три условия ее отца. Начинаются приготовления к свадьбе, но Кан-Турали не входит в свадебный шатер, а разобрав его, уходит с невестой на свои земли, чтобы получить благословление родителей на женитьбу [1, с. 69].

Об обычае собирать старейшин перед женитьбой сына говорится в главе «Песнь о Бамси-бейреке, сыне Кан-Буры». Собравшиеся на совет огузские беки решают послать сватать Бану-Чечек, дочь хана Бай-Биджана, мудрого Горкута ата [1, с. 36]. И в современной свадебной обрядности туркмен сватать невесту отправляются уважаемые люди старшего поколения, а за несколько дней до свадьбы в доме жениха собирается совет — генеш из близких родственников, друзей и соседей, где решаются вопросы по устройству свадьбы.

Решать важные вопросы семьи и общества с привлечением старейшин — *яшули* является древней традицией туркменского народа. С обретением независимости в Туркменистане каждый год уважаемые старейшины собираются на совет старейшин, где вместе с Президентом Туркменистана обсуждают и решают важные вопросы государственного значения. «Советам старшего вы следуйте всегда» — гласит пословица из эпоса.

В эпосе описывается огузская малая свадьба: «Яртачук, сын Яланчи, справил малую свадьбу, назначил

день для большой свадьбы» [1, с. 40]. У туркмен перед свадьбой и в семье жениха, и в семье невесты всегда устраивается той садака, приносят в жертву барана, готовят праздничные блюда, приглашают гостей. Можно предположить, что в этом предсвадебном обряде прослеживаются отголоски малой огузской свадьбы, описываемой в эпосе. Сейчас той садака проходят в торжественной обстановке в кафе или в современных зданиях для проведения свадеб той меканы, сопровождаются музыкой, танцами.

В эпосе показано глубокое уважение туркмен к женщине, матери, жене, сестре, дочери. В главе «Песнь о том, как был разграблен дом Салор-Казана» повествуется, что в плен попадают мать, жена и сын Казана. Примечательно, что смиряясь с пленением жены и сына, Салор-Казан хочет вызволить мать, обращаясь к захватчику: «Царь Шюкли, ты унес мои златоверхие жилища; да дают они тебе тень! Ты унес мою богатую казну, мои большие деньги; да будут они тебе на расходы! Ты увел Бурла-хатун и с нею сорок стройных дев; да будут они тебе пленницами! Ты увел моего сына Уруза и с ним сорок джигитов; да будут они твоими рабами!.. Ты увел мою старуху-мать; слушай, гяур! Мать мою отдай мне, без борьбы, без битвы я вернусь назад, уйду, так и знай» [1, с. 29]. Мать — хранительница домашнего очага и семейных традиций. «Право матери — право Бога» говорят туркмены вслед за Горкутом ата.

Жена — опора мужа, гордость семьи. В «Горкут ата» на примере таких женщин, как Бурла-хатун, Бану-Чечек, Сельджан-хатун, жена Дяли Домрула показываются присущие туркменской женщине качества, такие как верность, скромность, мудрость, трудолюбие, доброта. Большое внимание у туркмен обращают внимание на воспитание девушки — в будущем она должна стать опорой своему мужу, вырастить достойных детей. Один из героев эпоса обращается к своему отцу: «Отец, возьми для меня такую девицу, чтобы пока я еще не встал с места, она уже встала; чтобы пока я еще не сел на своего черного богатырского коня, она уже села...» [1, с. 36]. В эпосе жена — помощница и близкая советчица своего мужа. В. В. Бартольд писал об особом положении туркменской женщины, как оно вырисовывается в сказаниях, о том, что огузы-туркмены имеют только одну жену, которую они любят, уважают: «Нет никаких признаков многоженства: у каждого богатыря только одна хозяйка, которая его «открыв глаза, увидела, отдав сердце, полюбила» [1, с. 115]. Один из персонажей эпоса, Дерсе-хан, за неимением детей посаженный в черную кибитку на черную кошму, с горечью обращается к своей жене, но при этом зовет ее так: «Приди сюда, счастье моей головы, опора моего жилища, ростом подобная прекрасно выросшему кипарису, ты, чьи черные волосы обвиваются вокруг лодыжек...» [1, с. 15].

О том, что у туркмен принято советоваться с женой в важных семейных вопросах, что за матерью семейства остается решающее слово в таких серьезных и от-

ветственных моментах, как женитьба сына и замужество дочери, отмечали многие европейские путешественники XIX-начала XX вв., побывавшие в Туркменистане [2, с. 40]. Так, одному из героев эпоса жена советует: «Джигит мой, мой бек-джигит. Цари — тень Бога; кто поднимет мятеж на своего царя, тому удачи не будет...Поезжай на охоту, твое сердце утешится». Бекиль увидел, что ум и совет его жены хороши.» [1, с. 85].

И женщина с глубоким почитанием и любовью относится к мужу. В главе «Песнь об удалом Домруле, сыне Дука-коджи» жена Домрула с готовностью соглашается умереть за мужа: «С лежащими против нас твоими черными горами после тебя что мне делать? Если я пойду туда на летовку, да будут они мне могилой! Если буду пить твои холодные, холодные воды, да будут они моей кровью! Если буду тратить твое золото и серебро, да будут они мне саваном!» [1, с. 62]. А плененная жена Салор-Казана готова принять самую страшную муку, но сохранить свою честь [1, с. 28].

В эпосе интересно описаны свадебные традиции. Так, на своей свадьбе Бану-Чечек надевает одежды красного цвета [1, с. 46]. Туркменская невеста и сегодня в день отъезда из отчего дома в дом будущего мужа одевает платье, сшитое из красной шелковой ткани кетени, красный шелковый халат чабыт, на голову ей накидывают красную, украшенную богатой вышивкой накидку курте. «Невеста с алым покрывалом» описывается в эпосе, «властелином моего красного покрывала» называет Бану-Чечек своего жениха Бейрека [1, с. 267, 277].

В главе «Песнь о Бамси-Бейреке, сыне Кан-Буры» упоминается женщина Касырча-Нике (йенге), которая везде рядом с невестой Бану-Чечек [1, 34]. Йенге — жене старшего брата невесты или жениха в туркменской свадебной обрядности отводится важное место [3, с. 96]. Так, йенге невесты помогает одеваться ей в день, когда невесту забирают в дом жениха, а иногда и сопровождает ее. Йенге жениха, когда привозят в дом невесту, по традиции садится на место, где должна сесть новобрачная и не встает до тех пор, пока свекровь не одарит ее отрезом ткани или шалью.

Интересно, что у огузов-туркмен не нарекали мальчика именем до тех пор, пока он не покажет себя храбрым, находчивым. «В тот век юноше не давали имени, пока он не отрубил головы, не пролил крови» [1, с. 33]. Речь идет о защите своего народа от врага, а также победе над крупным животным: быком, львом. Богач-джана, сына Дерсе-хана, нарекают именем после того, как он поразил быка. Здесь имя образовано от огузо-туркменского слова boga — бык [1, с. 262]. Туркменский этнограф, академик А. Джикиев связывал эту традицию с обрядом инициации [4, с. 11]. До сих пор туркмены, поздравляя родителей новорожденного и услышав, как его нарекли, говорят: «Пусть будет хозяином своего имени». Причем это пожелание относится и к мальчику, и к девочке. Наречение ребенка красивым, звучным именем считается у туркмен важным родительским долгом.

Заслуживает внимания описание в эпосе «Горкут ата» обычая авункулата, заключающегося в правах, обязательствах дяди с материнской стороны ($\partial a \ddot{u} u$) и племянниками (йеген). Так, в главе «Песнь о Кан-Турали, сыне Канлы-коджи» Кан-Турали сватается к девушке и выполняет условия ее отца. После того, как отец девушки соглашается на свадьбу, вмешивается его племянник и выдвигает еще одно условие [1, с. 67]. Здесь интересно, что решая судьбу дочери, отец прислушивается к словам своего племянника. Далее, в главе «Песнь об Икенеке, сыне Қазылык-коджи» юноша Икенек, родившийся в отсутсвие отца, попавшего в плен, воспитывается в семье брата матери [1, с. 74]. Одного из центральных персонажей эпоса, Салор-Қазана, также воспитывал дядя по матери [1, с. 30]. Этнографы видят в обычае авункулата пережитки материнского рода. Отголоски этого обычая сохраняются у туркмен в обряде гулпак той, когда по истечению ребенком первого года жизни, брат матери (а за неимением его, родственник со стороны матери) постригает ребенку первые волосы. За это отец ребенка одаривает его. Также, когда у ребенка режутся первые зубки и он становится беспокойным, туркмены говорят, что «ребенок просит подарка у дяди». Дядя со стороны матери делает символический подарок и тем самым как бы помогает племяннику или племяннице преодолеть трудный для него период. Считается, что после подарка дяди зубки у ребенка режутся безболезненно.

При изучении этих обрядов становится ясным, что дядя участвует в жизни племянников, как правило, в раннем возрасте. Вероятно, после преодоления ребенком определенного возрастного порога (7—14 лет) он переставал быть близко связанным с родственниками матери. Это могло быть связано в древности с обрядом инициации, через который проходили чаще всего в подростковом возрасте. После инициации подросток становился полноправным членом отцовского рода.

И в свадебной обрядности туркмен прослеживаются отголоски этого древнего обычая. Так, в наши дни невеста вместе с подарками ближайшей родне жениха, привозит и подарок его дяде со стороны матери. А также, когда невесту забирают в свадебном кортеже из отчего дома, ее дяде со стороны матери делают символический подарок, обычно рубашку.

В эпосе можно найти сведения о материальной культуре и хозяйстве огузов-туркмен. На протяжении эпоса часто упоминается белый шатер. Здесь речь идет о древнем туркменском жилище — белой юрте ак ой. В этнографической литературе принято связывать наличие этого вида жилища у туркмен с кочевым направлением хозяйства в прошлом, что на наш взгляд, не совсем верно. Туркмени-

стан — родина Джейтунской культуры, одной из самых ранних земледельческих культур в истории человечества (V тыс. до н. э.), что свидельствует об очень древних оседлоземледельческих традициях туркмен. Известно, что создание народного жилища определяется, прежде всего, условиями окружающей среды и климата, а уже потом видом хозяйственной деятельности. Белая юрта туркмен — идеальное жилище в условиях жаркого климата и с точки зрения экологичности: в ней прохладно летом и тепло зимой, на ее установку не требуется много сил, а строительным материалом служит дерево. При этом, постройку и внутреннее убранство юрты туркмены возвели в ранг искусства. Есть несколько видов туркменских ковров и ковровых изделий, которые предназначались только для убранства юрты. И в наши дни традиции постройки юрты не утрачены. В праздничные дни юрты возводят в парках туркменских городов и сел, при ресторанах национальной кухни, их нередко можно видеть как дополнительное место отдыха, приема гостей во дворе частного дома. В 2015 году туркменский город Мары был выбран культурной столицей тюркского мира и в честь этого события было построено уникальное, стилизованное под туркменскую белую юрту современное здание «Türkmeniň ак öýi» («Белая юрта туркмен»), в котором разместился концертный зал.

В эпосе можно найти и сведения о хозяйстве огузов-туркмен: земледелии, скотоводстве, охоте, ремесле, торговле и др. Так, упоминаются виноградники, тутовые деревья. У туркмен издавна развито шелководство, ткачество. В главе «Песнь об удалом Домруле, сыне Дука-коджи» упоминается колыбель из льняной ткани, что дает представление о ткачестве [1, с. 62]. Также в эпосе упоминаются золотистая полотняная ткань, сукно, кумач, золотое шитье [1, с. 76]. Что касается шитья, то до сих пор национальная одежда туркменок украшается вышивкой — это почти непременный атрибут и повседневной, и праздничной одежды.

Выработка шелковых, хлопчатобумажных, шерстяных, льняных тканей являлось неизменным в хозяйстве туркмен. Старинное ремесло ткачества не забыто и сегодня, шелковые ткани кетени пользуются большим спросом, а тонкая ткань чакменлик из верблюжьей шерсти идет на пошив национального мужского халата чакмен.

Таким образом, эпос «Горкут ата» является важнейшим источником по этнографии туркменского народа, в нем отражены сведения о материальной и духовной культуре туркмен-огузов. На примере эпоса можно видеть преемственность народных традиций и обрядов, многие из которых сохраняются и поныне.

- 1. Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. М.-Л., Издательство АН СССР, 1962.
- 2. Гундогдыев, О. Туркменистан глазами европейских авторов XIX начала XX вв. Хрестоматийный сборник. Ашгабат: Мирас, 2008.

- 3. Диванкулиева, Б. Х. Эпос «Гёр оглы» и его значение как историко-этнографического источника// Исторические исследования. IV Международная научная конференция. Казань, 2016.
- 4. Жыкыев, А., Акыныязов Г. «Горкут ата» эпосында дап-дессурлар, адат ве этика// «Горкут ата» 1500. Ашгабат: Магарыф, 1999.

7. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Источниковое значение сведений о Ф.И. Шаляпине из «Дневника» К.И. Чуковского

Бабенко Оксана Васильевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук

«Пневник» крупного советского писателя и литературоведа, д-ра филологических наук Корнея Ивановича Чуковского (1882-1969) можно без преувеличения отнести к интереснейшим источникам по истории русской культуры первой трети XX века. Однако в наше время он оказался незаслуженно забытым и выпал из поля зрения историков. Чуковский вел свои дневники всю жизнь, начиная с тринадцатилетнего возраста. В использованном нами «Дневнике» за 1901-1929 гг. писатель вспоминает о своих встречах с Ф.И. Шаляпиным, Л.В. Собиновым, А.А. Ахматовой, А.А. Блоком, И.Е. Репиным, А.М. Горьким, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковским, В.В. Маяковским, Ф.К. Сологубом и другими деятелями культуры. Как отмечает известный советский писатель В. Каверин, «каждая встреча написана по живым следам, каждая сохранила свежесть впечатлений» [3, с. 4]. Всем собеседникам Чуковского даются яркие литературные характеристики. Не является исключением и Федор Иванович Шаляпин, представленный таким, каким он был в повседневной жизни.

Фигура Ф.И. Шаляпина была слишком значительной для своего времени. В прессе певец фигурировал постоянно. Чуковский приводит свой разговор с художником И.Е. Репиным о шаляпинской характеристике в газете: ««Утро Рос [сии]» назвало Ш [аляпин] а хамом. — Браво, браво! — сказал И. Е...». [5, с. 46]. Вероятно, Шаляпин не пользовался большим уважением на родине. В подтверждение этому следует привести слова известного в то время писателя А.В. Амфитеатрова, сравнившего Шаляпина с баритоном Хохловым: «И вот выразительная разница: Шаляпина обожают, но не уважают; Хохлова обожали и уважали» [1, с. 187].

К.И. Чуковский не обходит отрицательных сторон певца. Рассказывая о встрече с Шаляпиным и Репиным в феврале 1914 г., на которой художник попытался нарисовать портрет артиста, он вспоминает, как вел себя Шаляпин: «Илья Еф. взял огромный холст — и пишет его в лежачем виде. Смотрит на него Репин, как кошка на сало: умиленно, влюблено. А он на Репина — как на добренького старикашку, целует его в лоб, гладит по головке, говорит ему баиньки. Тон у него не из приятных: высказывает заурядные мысли очень значительным голосом. Например, о Финляндии:

— И что же из этого будет? — упирает многозначительно на подчеркнутом слове, как будто он всю жизнь думал только о положении Финляндии и вот в отчаянии спрашивает теперь у собеседника, с мольбой, в мучительном недоумении. Переигрывает. За блинами о Комиссаржевской. Теперь вылепил ее бюст Аронсон, и по этому случаю банкет... — Не понимаю, не понимаю. В. Ф. была милая женщина, но актриса посредственная — почему же это, скажите» [5, с. 62].

Писатель заметил хвастовство и самолюбование Шаляпина. Вот что он пишет в связи с этим о поведении певца: «Говорит о себе упоенно — сам любуется на себя и наивно себе удивляется. «Как я благодарен природе. Ведь могла же он [а] создать меня ниже ростом или дать скверную память или впалую грудь — нет, все, все свои силы пригнала к тому, чтобы сделать из меня Шаляпина!» [5, с. 63].

В продолжении рассказа о негативных характеристиках Шаляпина стоит привести записанный Чуковским рассказ о нем поэта А.А. Блока со слов артиста Большого драматического театра Н.Ф. Монахова от 1 мая 1920 г.: «Шаляпин очень груб с артистками — кричит им неприличное слово» [5, с. 164].

Создавая портрет крупнейшего театрального деятеля К.С. Станиславского, К.И. Чуковский отмечает его учтивость, дружелюбие и нежность, «но без тени снисхождения (как это у Шаляпина) ...» [5, с. 457]. Здесь мы опять читаем замечание о высокомерии певца.

Чуковский не обошел вниманием и суждения Шаляпина о живописи, и его артистизм. Около 10 февраля 1914 г. он сделал запись о совместном пребывании с Шаляпиным у Репина: «После обеда пошли наверх, в мастерскую. Показывал извозчика (чудно), к-рый дергает лошаденку, хватается ежесекундно за кнут и разговаривает с седоком. О портретах Головина: — Плохи. Федор Иоанныч — разве у меня такой. У меня ведь трагедия, а не просто так. И Олоферн тоже — внешний» [5, с. 62]. Тем не менее певец отдал должное отдельным художникам: «Мне в костюме Олоферна много помогли Серов и Коровин» [5, с. 62]. И далее Шаляпин все-таки предъявляет претензии к работе Серова: «Мой портрет работы Серова — к [а] к будто сюртук длинен. Я ему сказал. Он взял половую щетку, смерил, говорит: верно» [5, с. 62].

Чуковский приводит и воспоминания Шаляпина о том, откуда он взял образ Демона. Певец вспомнил деревню под Казанью, где он жил в детстве, и разговоры местных баб в избе своих родителей. В его памяти запечатлелась легенда об ангеле Сатанаиле и черте Михе. «Миха — добродушный. Украл у Бога землю, насовал себе в рот и в уши, а когда Бог велел всей земле произрастать, то из ушей, и из носу, и изо рта у Михи лопух порос. А Сатанаил б [ыл] красавец, статный, любимец Божий, и вдруг он взбунтовался. Его вниз тормашками — и отняли у него окончание ил, и передали его Михе.

Так из Михи стал Михаил, а из Сатанаила — Сатана» [5, с. 62].

Данный рассказ совпадает с тем, что сказано в автобиографии Φ . И. Шаляпина «Страницы из моей жизни» [7, с. 22].

Эта легенда навела Шаляпина на мысль о том, что для костюма Демона «нужно было черное прозрачное, — но чтобы то там, то здесь просвечивало золото, поверх золота надеть сутану» [5, c. 62-63]. И герой должен был быть «красавец со следами былого величия, статный, как бывший король» [5, c. 63].

В послереволюционное время Шаляпин был особенно озабочен материальным положением своей семьи, хотя финансы интересовали его и раньше — с момента обретения популярности. Как мы предположили в одной из наших статей, «певец, видимо, рано почувствовал вкус к деньгам и считал, что он достоин большего» [2, с. 913]. Так, во время работы в Частной опере Шаляпин жаловался своему другу художнику Коровину: «Вот я делаю полные сборы, а спектакли без моего участия проходят чуть ни при пустом зале. А что я получаю? Это же несправедливо. А говорят — Мамонтов меня любит! Если любишь, плати. Вот вы Горького не знаете, а он правду говорит: «Тебя эксплоатируют». Вообще, в России не любят платить... Я сказал третьего дня Мамонтову, что хочу получать не помесячно, а по спектаклям, как гастролер. Он и скис. Молчит, и я молчу» [4, с. 44].

Но в смутное время материальные заботы артиста уже не были чем-то из ряда вон выходящим. 5 июля 1919 г. К.И. Чуковский сделал в «Дневнике» следующую запись: «Сегодня был у Шаляпина. Шаляпин удручен: — Цены растут. — я трачу 5—6 тысяч в день. Чем я дальше буду жить? Продавать вещи? Но ведь мне за них ничего не дадут. Да и покупателей нету. И какой ужас: видеть своих детей, умирающих с голоду.

 ${\sf И}$ он по-актерски разыграл предо мною эту сцену» [5, с. 114].

Тем не менее К.И. Чуковский приводит не только отрицательные характеристики Шаляпина. Певец был известен в творческой среде как блестящий рассказчик анекдотов. Об этом Чуковский тоже вспоминает. 5 января 1919 г. на заседании во «Всемирной литературе» А.М. Горький припомнил анекдот Шаляпина. «Все вели себя, как школьники без учителя, — пишет Чуковский. — Горький вольнее всех. Сидел, сидел — и вдруг засме-

ялся. — Прошу прощения... ради Бога извините... господа... (и опять засмеялся) ... я ни об ком из вас... это не имеет никакого отношения... Просто Федор Шаляпин вчера вечером рассказал анекдот... ха-ха-ха... Так я весь день смеюсь... Ночью вспомнил и ночью смеялся...» [5, с. 98].

К.И. Чуковский и сам вспоминает подобный случай: «Разговаривая с М [уромцевым] о Бунине, я вспомнил, как Б [унин] с Шаляпиным в «Праге» рассказывали гениально анекдоты, а я слушал их с восторгом, пил, сам того не замечая, белое вино — и так опьянел, что не мог попасть на свою собственную лекцию, которую должен был читать в этот вечер в Политехническом Музее» [5, с. 463].

Шаляпин был также известен как большой любитель подшутить над знакомыми и незнакомыми людьми. Чуковский приводит следующие воспоминания Горького об этом: «Вот, К. И., пусть Федор (Шаляпин) расскажет вам, как мы одного гофмейстера в молоке купали. Он, понимаете, лежит читает, а мы взяли крынки — и льем. Он очнулся — весь в молоке. А потом поехали купаться, в челне, я предусмотрительно вынул пробки, и на середине реки стали погружаться в воду» [5, с. 138].

Многие люди, знавшие Шаляпина, отмечали его веселость. Так, Чуковский вспоминает случай, заставивший певца долго смеяться. Под 5-м марта 1919 г. в его «Дневнике» сохранилась следующая запись: «На днях едем мы с Шаляпиным на Кронверкский — видим, солдаты везут орудия. — Куда? — Да на Финский вокзал. — А что там? — Да сражение. — С восторгом: — Бьют, колют, колотят... здорово! — Кого колотят? — Да нас! — Шаляпин всю дорогу смеялся» [5, с. 101].

Из нейтральных характеристик Шаляпина Чуковский приводит следующую, создавая портрет Горького: «...он любит повторять одно и то же слово несколько раз, с разными оттенками, — эту черту я заметил у Шаляпина и Андреева» [5, с. 94].

Кроме того, Чуковский дипломатично замечает, что «привычка ежедневно ощущать на себе тысячи глаз и биноклей сделала его (Шаляпина. — О. Б.) в жизни кокетом» [5, с. 63]. И далее писатель замечает: «Когда он гладит собаку и говорит: ах ты дуралей дуралеевич, когда он говорит, что рад лечь даже на голых досках, что ему нравится домик И. Е.: все он говорит театрально, но не столь театрально, к [а] к другие актеры» [5, с. 63]. По воспоминаниям Чуковского, Шаляпин хотел купить дачу в местах, где жил Репин, для своих петербургских детей (от второй жены Марии Петцольд). «Не хочется, чтоб эти росли в гнили, в смраде», — говорил певец [5, с. 63].

Внимание К.И. Чуковского привлек и рассказ Горького, отражающий постоянную артистическую работу Шаляпина. 28 октября 1919 г. должно было пройти заседание Исторических картин, но не состоялось, и Горький начал рассказывать собравшимся разные истории. Чуковский вспоминает об этом так: «Рассказывал конфузливо, в усы — а потом разошелся. Начал с обезьяны — как он пошел с Шаляпиным в цирк и там показывали

обезьяну, которая кушала, курила и т. д. И вот неожиданно — смотрю — Федор тут же, при публике, делает все обезьяньи жесты — чешет рукою за ухом и т. д. Изумительно!» [5, с. 116].

В 1928 г. Чуковский написал воспоминания о Горьком и, будучи в Литхуде, решил показать их историку литературы Л. Н. Войтоловскому. Последний сказал: «...у вас говорится, что будто бы Горький рассказывал, как Шаляпин христосовался с Толстым. Этого не могло быть» [5, с. 438]. Эти слова, действительно, можно приписать фантазии Горького. Ведь Шаляпин по крайней мере в молодости смотрел на Толстого почти как на божество, и это отношение вряд ли изменилось с годами. В своих воспоминаниях «Маска и душа» Шаляпин делится своими мыслями о встрече с Толстым 9 января 1900 г., когда он и С.В. Рахманинов были приглашены в дом писателя в Хамовниках. «Нам предложили, конечно, чаю, — пишет Шаляпин, — но не до чаю было мне. Я очень волновался. Подумать только, мне предстояло в первый раз в жизни взглянуть в лицо и в глаза человеку, слова и мысли которого волновали весь мир. До сих пор я видел Льва Николаевича только на портретах. И вот он живой!» [6, с. 146].

К.И. Чуковский записывал в «Дневник» не только свои впечатления о встречах с Шаляпиным или рассуждения других людей о нем, но и некоторые воспоминания

самого Шаляпина. Так, например, под 2-м апреля 1914 г. писатель записал воспоминания Федора Ивановича о А.П. Чехове: «Помню, мы по очереди читали Антону Павловичу его рассказы, — я, Бунин. Я читал «Дорогую собаку». Ант. Павл. улыбался и все плевал в бумажку, в фунтик. Чахотка» [5, с. 64].

Таким образом, «Дневник» К.И. Чуковского является интереснейшим источником о жизнедеятельности Ф.И. Шаляпина, который должны непременно использовать исследователи жизни и творчества певца. До нас дошло не слишком много документальных свидетельств, в которых личные характеристики артиста отрицательного свойства не замалчиваются, а приводятся предельно откровенно, как это сделано у Чуковского. «Дневник» К. И. Чуковского ценен еще и тем, что писатель доводит до нашего сведения не только собственные воспоминания о Ф.И. Шаляпине, но и свидетельства о нем А.А. Блока, А. М. Горького. Кроме того, быстрая фиксация свежих впечатлений от общения с Шаляпиным или знавшими его людьми позволила Чуковскому не упустить из виду все заинтересовавшие его детали, ничего не забыть. И в этом заключается отличие любого дневника, ведущегося каждый или почти каждый день, от мемуаров, которые обычно пишутся в конце жизни и не сохраняют свежести и точности впечатлений мемуариста.

- 1. Амфитеатров, А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А.И. Рейтблата. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 584 с.
- 2. Бабенко, О. В. Ф. И. Шаляпин в воспоминаниях К. А. Коровина / О. В. Бабенко // Молодой ученый. 2016. № 9. c. 912-916.
- 3. Қаверин, В. Дневник Қ.И. Чуковского // Чуковский Қ.И. Дневник (1901—1929). М.: Советский писатель, 1991. с. 3–8.
- 4. Коровин, К.А. Шаляпин. Встречи и совместная жизнь. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2013. 192 с.
- 5. Чуковский, К. И. Дневник (1901—1929). М.: Советский писатель, 1991. 544 с.
- 6. Шаляпин, Ф. И. Маска и душа / Ф. И. Шаляпин. М.: ACT, 2014. 320 с.
- 7. Шаляпин, Ф. Страницы из моей жизни / Вступит. статья, коммент. Ю. Котлярова. Л.: Музыка, 1990. $352\,\mathrm{c.}$

Научное издание

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

IV Международная научная конференция Москва, ноябрь $2016\ {
m r.}$

Сборник статей

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков* Верстка: *П.Я. Бурьянов*

Ииздательский дом «Буки-Веди», г. Москва Подписано в печать 24.11.2016. Формат 60х90 $^{1}/_{8}$.

Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная. Усл. печ. л. 4,36. Уч.-изд. л. 3,10. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый» 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.